Николай Сизов

Зачем мне этот миллион?

КОНФЛИКТ В ПРИОЗЕРСКЕ

НА ЮБИЛЕЕ ГЛЕБА КРУГЛОГО

Торжество обещало быть вполне праздничным. Пятьдесят лет — довольно существенный жизненный рубеж, нечто вроде пика среди длинной горной гряды, и Глеб Борисович Круглый готовился к своему юбилею тщательно и дотошно. Его дача под Приозерском, только что отремонтированная и обновленная, сверкала свежими красками, до блеска протертыми окнами и выглядела сегодня особенно уютно.

Дача была невелика — всего три комнаты, но две застекленные веранды, справа и слева, делали ее просторнее. Лужайки зеленой подстриженной травы, небольшие клумбы с пестрыми цветами, дорожки, посыпанные свежим желтым песком,— все свидетельствовало о том, что хозяин неустанно печется о своем гнезде.

Круглый не спеша сошел по ступенькам, поправил податливый, как губка, коврик у крыльца и пошел в дальний угол дачного участка. Здесь был установлен мангал. Над ним уже курился сизоватый дымок, на тонких медных шампурах томились куски аккуратно нарезанной баранины вперемежку с луком. Тяжелые капли жира скатывались с мяса на угли и вспыхивали шипящими желтоватыми огоньками.

Глеб Борисович перевернул шашлыки с боку на бок, с удовольствием вдыхая дразнящий аромат, витавший над мангалом. Затем, сняв с одного шампура наиболее прожарившийся кусок, попробовал его. Лицо приняло умильное, восторженное выражение.

— Даже в «Арагви» таких не подают,— проговорил он вполголоса и, довольный, направился обратно к даче, бубня под нос любимые рубаи Омара Хайяма:

Мы больше в этот мир вовек не попадем,
Вовек не встретимся с друзьями за столом,

Лови же каждое летящее мгновенье,
Его не подстеречь уж никогда потом.

Глеб Борисович был кряжист и широк в плечах, его мощное дородное туловище венчала крупная голова с когда-то пышной вьющейся шевелюрой. Теперь от нее, правда, остались лишь редковатые пряди да черные подкрашенные баки. Карие, чуть навыкате глаза на загорелом, гладко выбритом лице частенько прикрывались рыжеватыми ресницами, будто желая скрыть от посторонних какие-то лишь хозяину известные мысли.

Скрипнула калитка, и на тропе показалась молодая женщина в темно-синем с белой отделкой платье, с легким плащом на руке. Глеб Борисович ринулся навстречу, широко раскинув в приветствии руки.

— Полина, как же я рад! Первая гостья и.. самая желанная. Скажу честно — не надеялся. Ну, тогда сегодня у меня настоящий праздник.

Встряхнув копну пышных с золотым отливом волос, женщина смеясь проговорила:

— Не так восторженно, Круглый. Что удивительного? Пригласили — пришла. Не следует переоценивать этого факта.

— Ну-ну, не говори так, Полиночка. Я счастлив. На седьмом небе.

— Может, спуститесь оттуда и покажете свое хваленое ранчо?

— О чем речь! С удовольствием. С чего же начнем?

— С чего хотите.

— Пойдем в комнаты. Только извини, если что-нибудь там... ну, окажется неприбранным, не там положенным...

— Не прибедняйтесь, Круглый. Знаем вас.

В даче все было идеально чисто, а интерьер мог понравиться любому, даже самому придирчивому ценителю. Простая деревянная мебель, два-три пейзажа на стенах, пестрые домотканые половики на янтарем отливающем сосновом полу. Полина не могла скрыть своего восторга и удивления:

— Все сделано со вкусом. И красиво, и удобно. Поражаюсь одному — когда вы все это успели? И как?

— Старался. Но, не скрою, привлекал и посторонние силы. Иначе было бы трудно. Соседи-то по нескольку лет гоношат свои халупы, а я за год...— Круглый замолк на мгновение, а затем преувеличенно мрачно продол-

жал: — Только все это не доставляет мне радости. И ты знаешь почему.

Полина проговорила с укоризной:

— Опять вы за свое, Глеб! Я же просила...

— Ну хорошо, хорошо. Не буду. Сейчас не буду. Но когда-то, и, надеюсь, скоро, тебе придется и выслушать, и... решить. Я думал, что уж сегодня-то, в день моего рождения, ты будешь более отзывчива к моим страданиям.

Полина пристально посмотрела в глаза собеседника и, не заметив в них и тени этих самых страданий, с усмешкой проговорила:

— Ох, Круглый. Говорите-то вроде что-то значительное, а вдумаешься — слова, слова.

Круглый хотел обидеться, но сегодня у него было радужное, приподнятое настроение и он не хотел расставаться с ним.

— Но чем и как я могу доказать, если ты не хочешь понять?

— Ну ладно, ладно, Глеб. Продолжим экскурсию.

Они вышли на крыльцо дачи, и Полина невольно задержала взгляд на панораме, открывающейся отсюда, с высокогорья.

Поселок «Зодчий», пестрея молодой зеленью и разноцветными крышами, сбегал по пологому спуску к Серебрянке. Река извилистой голубоватой лентой обрамляла обширную луговую пойму Левобережья и замыкала это обрамление у Тростникового озера, бурно и пенно вливаясь в его спокойную гладь. А на горизонте, параллельно Серебрянке и побережью озера и пока в значительном отдалении от них, раскинулся Приозерск.

— Панорама отличная, так и просится на полотно.

Круглый улыбнулся:

— А по-моему, она просится на наши чертежи. Отличный жилой массив можно отгрохать.

— Ну, такое раздолье и — в камень. Жалко. Об этой застройке я слышу не один год и, откровенно говоря, рада, что где-то это дело тормозится.

— Ничего, скоро Левобережье оденем и в камень, и в бетон, и в стекло.

Полина удивленно взглянула на Круглого.

— Что-то вы очень уверенно говорите, Круглый. Знаете что-то существенное?

— Да нет. Ведь у меня лишь слова и слова.

— Злопамятный вы, однако.

— Но не обидчивый.

Глеб Борисович положил руку на плечо Полины. Она не сделала попытки освободиться, и так они стояли некоторое время, любуясь волнующей панорамой.

Эта сцена невольно заинтересовала Сергея Коваленко и Надю Кравцову, которые только что вошли через калитку на дачный участок. Они стояли молча, не зная, что предпринять: подойти ли к хозяину, ждать ли его здесь. Наконец Сергей предложил:

— Посидим на скамеечке, подождем.— И, усевшись, с усмешкой проговорил: — Юбиляр не теряется.

Надя, поморщившись, ответила:

— Не привыкай смотреть в замочные скважины.

— Тут и так все ясно, как на ладони.

— Что же тебе ясно?

— Уведет Круглый законную супругу твоего хваленого Стрижова. У того — ни кола ни двора, а у этого — все блага. Смотри, какую халупу отгрохал.

— Но они же друзья.

— В таких делах — дружба побоку.

После небольшой паузы Надя заметила:

— Она красивая.

— Не дурнушка. И потом будет вполне логично, если товарищ Стрижов получит отставку. Круглый — это фигура. Во всех смыслах.

— А как же: третий должен уйти?

— Вот Стрижова и «уйдут». В институте об этом говорят, не стесняясь.

— Знаю. Слышать не могу этих сплетен.— Сказано это было с болью и досадой.

Сергей саркастически усмехнулся:

— Вот, вот. Пожалей его, бедного.

Надя нахмурилась, удивленно посмотрела на Сергея.

— И как ты не понимаешь?

Сергей сердито заговорил:

— А что я должен понимать? Что? Когда ты на Стрижова смотришь или говоришь о нем, у тебя глаза, как звезды, горят. И я еще должен радоваться? Не могу я этого переносить, понимаешь, не могу.

Надя встала.

— Ты, Сергей, Анатолия Федоровича не трогай. Не трогай, и все. Ты ведь знаешь...

— Знаю, все знаю. Наслышан достаточно. Вырастил

тебя, воспитал и тэ дэ и тэ пэ. Известен этот твой уникум, очень хорошо известен. Сколько невероятных качеств, а с собственной женой управиться не может. Она черт те что откалывает, а он, как на икону, смотрит. Вот-вот молиться начнет.

— Значит, любит по-настоящему.

— Пусть так. Но нельзя же мужику в тряпку превращаться. Должно же быть, ну, достоинство какое-то, гордость, наконец.

— Может быть,— в раздумье согласилась Надя.— Может быть. Но любовь, если она настоящая, выше всего этого. Выше.

Сергей подготовился произнести длинную тираду по этому поводу, но на дорожке появился невысокого роста розовощекий человек в толстых очках. Он, сняв серую нейлоновую шляпу, подслеповато щурился, оглядывался и, убедившись, что его никто не встречает, остановился в растерянности. Надя, заметив вошедшего гостя, проговорила:

— Не робей, Серега. Нашего полку прибыло. Посмотри, кто заявился. Ромашко собственной персоной.

Сергей съязвил:

— Ого, и Пончик здесь? Сбор, оказывается, предстоит солидный.

Ромашко нерешительно открыл калитку.

— Скажите, я не ошибся? Это дача товарища Круглого?

— Вы прибыли точно по адресу. Идите сюда, Дмитрий Иванович.

Ромашко протер очки, пристально вгляделся.

— А, коллеги! Очень-очень рад. А то я все терзался, что тут буду делать. Но раз наши здесь, я спокоен. Что нам предстоит? Бал? Лукуллов пир? В связи с чем?

— Юбилей Глеба Борисовича Круглого. Полвека,— дал справку Сергей.

Ромашко стал сокрушаться:

— Ах да. Что-то такое мне говорили. А я без подарка. И Ларису предупредить не успел. Будет мне на орехи. А главное — без подарка.

Надя с укоризной посмотрела на Сергея:

— А мы?

Сергей пожал плечами:

— Мы тоже. Как-то неожиданно все получилось. Не рассчитывали... Ну да ничего. Не будем переживать, обойдется юбиляр без наших подношений.

А гости меж тем все прибывали. На дорожке показалась высокая дородная дама в розовом брючном костюме и серебристо-фиолетовом парике. Она хозяйским шагом прошла до дачи, с недоумением огляделась вокруг и обратилась к своему мужу — невысокому худощавому мужчине, что следовал за ней:

— В чем дело, Вадим?

Вадим Семенович Шуруев вопросительно и робко посмотрел на супругу:

— Что такое, дорогая?

— Где же юбиляр?

— Наверное, где-то тут, поди, что-нибудь готовит такое-эдакое. Он мастер по этой части.

— Да, но так гостей не встречают,— дама обиженно повела мощными плечами.

— Ну, извиним его, он ведь холостяк, а забот у него сегодня хоть отбавляй.

Ромашко, увидев Шуруевых, заспешил к ним.

В это время на крыльце появились Глеб Борисович и Полина, нагруженные тарелками, бутылками, фужерами.

— Наконец-то гости дорогие появились,— громко и неподдельно радушно проговорил Круглый.— Жду с нетерпением. Вот Полина Дмитриевна может подтвердить — я уж беспокоиться начал. Нонна Игнатьевна, Вадим Семенович, Дмитрий Иванович, проходите вон туда, к мангалу. К шашлычкам поближе. И вы, молодежь,— обратился он к Наде и Сергею,— туда же подавайтесь.

Шуруевы, мельком поздоровавшись с Ромашко, Сергеем и Надей, направились в глубь участка на курящийся средь кустов дымок.

Вадим Семенович, потирая руки, говорил супруге:

— Ты убедишься, дорогая, что таких шашлыков, как у Глеба, ни в Москве, ни даже в Грузии не сыскать. Он кудесник, настоящий кудесник.

Сергей, кивнув в сторону Нонны Игнатьевны, вполголоса сказал Наде:

— Нарядилась-то, будто ей семнадцать. Старая лошадь в новой сбруе.

Надя приложила палец к губам:

— Тише ты. Не дай бог шеф услышит. Съест. Проглотит и не икнет...

— Ну, не такие уж мы кролики. Есть у нас и хребты, и кости. Может, даже шипы есть.

Надя с улыбкой переспросила:

— Шипы? Даже шипы? Что-то не замечала.

— Где уж нам. Мы ведь рядовые.

— Ну ладно-ладно. Пойдем к мангалу, а то скажут — игнорируем старшее поколение.

Гости толпились около небольшого, но замысловато сложенного из кирпичей сооружения.

Шел оживленный разговор между стоящими чуть поодаль Ромашко и Шуруевым. Остальные почтительно слушали.

— Вы же не станете отрицать,— говорил Ромашко, впиваясь подслеповатым взглядом в Шуруева,— что за последние годы у нас сложилось утилитарное, порой даже вульгарное отношение к архитектуре. Ее перестали считать искусством! А я с этим не согласен. Категорически не согласен! — Всегда такой молчаливый и сдержанный, Дмитрий Иванович говорил сейчас взволнованно и горячо.

Шуруев вяло поддакивал:

— Конечно, Дмитрий Иванович, конечно. Но, как вы сами понимаете, не все зависит от нас.

— Не скажите, Вадим Семенович, не скажите. Если вы возьметесь... Да что тут говорить!

— Не так это просто, Дмитрий Иванович. Ох не просто.

От мангала раздался нетерпеливый и требовательный голос Нонны Игнатьевны:

— Да хватит вам о делах-то! Вы посмотрите лучше, как колдует наш именинник.

Шуруев подхватил Ромашко под руку.

— И вправду, Дмитрий Иванович, давайте-ка подадимся поближе к шашлыкам. А дела наши мы еще обсудим. Вот подсоберутся наши, Стрижов, наверно, тоже подойдет, спорщик-то он известный. Потолкуем. Нам есть, есть о чем поговорить.

— И Анатолий Федорович будет?

— Приглашался. Думаю, будет.

Сергей, обращаясь к Наде, с недоумением ворчал:

— Тебе не кажется, что мы с тобой зря сюда затесались? Юбилей товарища Круглого меня, говоря по совести, не очень волнует.

— Меня тоже. Но ты же не возражал. Почему?

— Любопытство сгубило. Уж очень настойчиво зазывали. Тебя, как полагаю, для украшения общества, а меня — как неизбежное приложение.

Надя не приняла его шутки.

— Нет, друг мой, думаю, дело в другом. Кажется, товарищ Круглый хочет , чтобы мы пели в их ансамбле? Намеками дано это понять. Кое-кто шептался сегодня в институте, что предстоит что-то грандиозное. Сегодняшнее сборище — подбор команды.

Сергей задумчиво согласился:

— А что! Может, ты и права. Пожалуй.

А Ромашко все еще старался расшевелить Шуруева.

— Понимаете, Вадим Семенович,— продолжал он,— нам пора наконец серьезно задуматься...

Шуруев перебил его:

— Сейчас нам с вами пора садиться за стол. Глеб Борисович, вы что нас томите? Современный гость долго ждать не любит.

— Сейчас, сейчас, Вадим Семенович. Еще минута, и начинаем.

Он с Нонной Игнатьевной прилаживал к основному столу небольшой круглый столик, так как мест оказалось маловато.

— Вот, сразу видно, что женской руки в доме нет. И вообще, я не понимаю, как вы, Круглый, тут, в этих хоромах, один кукуете? С ума сойти можно,— нарочито сурово ворчала Нонна Игнатьевна.

— Без хозяйки, как известно, дом сирота,— в тон ей проговорил Шуруев.

— А что делать, если прекрасный пол нас игнорирует? — манерно развел руками именинник.

Нонна Игнатьевна погрозила ему:

— Не прибедняйтесь, не прибедняйтесь. Знаем, сколько нежных сердец по вас сохнет.

Круглый усмехнулся:

— Ну что вы, Нонна Игнатьевна, кому я нужен? Мы слишком устали, и слишком мы стары, и для этого вальса, и для этой гитары...

Шуруев, наклонившись к Круглому, стал вполголоса рассказывать ему что-то игривое.

Ромашко, видя, что ни Шуруев, ни Круглый явно не расположены сейчас к серьезному разговору, помрачнел, мысленно упрекнул себя за то, что пришел сюда. Ехал-то он с надеждой на то, что удастся серьезно и не спеша поговорить о делах. Ведь если слухи о застройке Левобережья Серебрянки и Тростникового озера верны, то есть

над чем подумать и помозговать. Ромашко подошел к Сергею и Наде.

— А вы-то что такие невеселые, молодежь?

Сергей хмуро ответил:

— Все гадаем, почему мы на этом рауте оказались.

Круглый, возясь с бутылками, услышал их разговор.

— Вот тебе нá! А я-то обрадовался, что так дружно собрались. Соратники все же. В одной упряжке воз тянем.

— Мы тоже, Глеб Борисович, рады,— несколько смущенно ответил Сергей.— Но согласитесь: ваше личное торжество и вдруг — мы. Мне даже подумалось такое: может, вы с Вадимом Семеновичем нашими эскизами заинтересовались?

— Тем более что наброски неплохие. Глеб Борисович, ей-богу неплохие,— поддержал Сергея Ромашко.

— О, и ты, Брут,— поднял руки Круглый.— Вы явно хотите мои именины превратить в архитектурный совет. Садитесь-ка лучше к столу и на шашлык налягте. Поэма, а не шашлык.

— Неужели все это сам? — разглядывая стол и дымящиеся яства, удивленно спросил Ромашко.— Не знал, что такое можешь...

— Память коротка. А чьи шашлыки ты в Завидове, в студенческом лагере, трескал? Думаешь, из «Гранд-отеля» привозили? Глеб Круглый жарил.

— Понимаешь, там так мало доставалось, что не ощутил, не запомнил.

— Не прибедняйся. Тебе как комсоргу всегда побольше подбрасывали. Да еще твоя Лариса следила, чтобы не дай бог ее Митю не обидели. Кстати, ты что ее не привез? Почему от друзей прячешь?

— Не догадался взять с собой, Глеб Борисович. Извини.

Надя с улыбкой проговорила:

— Так-так, Дмитрий Иванович. Выходит, вы не такой уж простак.

— Вы это о чем, Надюша?

— По поводу завидовских шашлыков.

— Врет он. Не слушайте. Сам с девчонками все лучшее съедал, а нам ошметки доставались.

Круглый между тем, обращаясь ко всем гостям, шумел:

— Товарищи, товарищи, прошу к столу. Нонна Игнатьевна, Вадим Семенович, ну, прошу же, пожалуйста.

Когда все расселись, он все так же шумно спросил:
— Кому поручим возглавить?
— Шефу. Вадиму Семеновичу,— раздались голоса.
Шуруев встал, поклонился.
— Что ж, спасибо, друзья, спасибо. Взвалим на себя и это бремя. Но учтите: власть тамады неограниченная. Итак, у Глеба Борисовича сегодня особый день. Полвека. Чудесная дата. Наши пожелания? Минимум — еще столько же лет вам здравствовать, Глеб Борисович. И жить так же ярко и полно, чтобы вы и дальше радовали нас своими замечательными творениями. За здоровье выдающегося зодчего Глеба Борисовича Круглого.
Ромашко, чокаясь с Круглым, глуховато буркнул:
— За то, чтобы ты был лучше, старик.
— Чтобы был еще лучше?
— Лучше...
— А я, Глеб, за тебя вот так.— Нонна Игнатьевна обняла Круглого, смачно его поцеловала. И, повернувшись к Полине и Наде, хохотнула: — Советую следовать моему примеру. Жизнь коротка, лови ее мгновенья, как любит говорить наш юбиляр.
Покраснев, поцеловала Круглого и Полина.
— Будьте счастливы, Глеб.
Круглый, кокетничая, паясничал:
— Спасибо, девоньки, спасибо. Только как бы мужчины мне бока сегодня не намяли.
Шуруев его успокоил:
— Не трусь. Не тронем. Если, конечно, будете соблюдать границы.
— Ревность, как утверждают психологи, пережиток проклятого прошлого. У друзей должно быть все общее.— Сергей сказал это, ни на кого не глядя. Но услышали его все, раздался смех. Полина суховато заметила:
— Молодой, а зловредный.
— Я с детства не любил овал.
— И с детства угол рисовал? — откликнулся на эти слова Ромашко.— Что ж, принцип правильный. Если — не по пустякам.
Круглый с широкой улыбкой произнес:
— Ты что-то значительное тут изрекал? Не дают покоя мысли о делах государственных?
Ромашко пожал плечами:
— Да нет, на государственные масштабы не тщусь.
Шуруев многозначительно заметил:

— Ну, а наши-то дела мы разжуем. Вот посидим и обсудим их всем миром.

— Боюсь, не получится,— со вздохом ответил Ромашко.

— Почему же? — Шуруев глядел на него чуть удивленно.

— Не вижу у вас серьезного расположения к такому разговору.

Круглый с иронической ухмылкой заметил:

— Они же со Стрижовым единомышленники,— и, копируя Стрижова, подчеркнуто весомо произнес: — «Об архитектуре надо говорить, лишь стоя и сняв шляпу».

— Кстати, а где же он, Стрижов-то? — спросил Шуруев.

— Приглашен лично и персонально. Опаздывают или не пожелали вообще явиться,— ответил Круглый.

— Ну, не думаю. Вы же однокашники, кажется?

— Да, друзья юности. Сцепимся, водой не разольешь.

Ромашко, не поднимая глаз от стола, проговорил:

— Во всяком случае, я согласен со многими мыслями Анатолия Федоровича. Он очень глубоко понимает наши проблемы.

— Я никогда не забуду,— проговорила Надя,— как он меня в архитектурный поступать готовил. Гонял — спасу нет.

— Поди, говорил, что архитектура — это застывшая музыка и прочее? — все с тем же сарказмом заметил Круглый.

— А разве это не так? — вступил в разговор Сергей.— Помните, у Гоголя: «Архитектура — это тоже летопись мира».

— Когда Микеланджело спрашивали, кто он,— в раздумье заметил Ромашко,— тот отвечал: архитектор. Хотя был и архитектором, и скульптором, и живописцем. Так что я тоже за то, чтобы к архитектуре относиться как к самому высокому искусству. Это хорошо понимали наши предки.

Круглый перебил его:

— Напоминаю вам изречение вашего Хайяма:

Душа ни тайн вселенной не познала,
Ни отдаленной цели, ни начала,
В своем сегодня радость находи,
Ведь не воротишь то, что миновало.

— Ну, Глеб, ты что-то в миноре, не в духе своего юбилея выступаешь.

— Почему же не в духе? Реально толкую о сути вещей.

В их разговор вклинилась Нонна Игнатьевна:

— Не знаю уж, как там насчет отдаленных целей, но древние, да и не только древние, а вообще предки были не дураки. Жить умели. Зайдешь в любой старинный особняк — глаза разбегаются от всего, что окружает.

Надя с иронической улыбкой заметила:

— Ну, опыт предков у нас кое-кто усвоил основательно.

Круглый, мельком взглянув на нее, бросил Сергею:

— Зловредная жена у тебя будет, коллега.

Сергей повернулся к Наде:

— Слышала?

— И слышала, и согласна. Не зря же тебе советую — не спеши.

Круглый поднялся:

— По праву именинника предлагаю тост: за Вадима Семеновича, за нашего любимого шефа. И за чудесную его подругу Нонну Игнатьевну.

— А почему же так, скопом? — удивленно подняла брови Нонна Игнатьевна.

— И правда, — виновато приложив руки к груди, согласился Круглый. — У нас еще все впереди. Разделим эту чудесную пару. За Вадима Семеновича!

— За Вадима Семеновича, — поддержала тост Полина, — и в его лице за служителей муз — за тех, кто дарит людям красоту.

Когда наступила пауза, Ромашко, давно уже сидевший молча, мечтательно проговорил:

— Да. Есть счастливчики, которые это умеют. Видел я как-то дом Корбюзье в Марселе. У меня было такое ощущение, что архитектор идет рядом со мной, весь его замысел был ясен. Он — и философ, и художник, и конструктор, и все, что он хотел выразить, — все было видно.

Круглый лениво ухмыльнулся:

— Дайте нам карт-бланш, мы тоже сварганим такое, что все ахнут. Но ножки протягиваем по одежке.

— Именно. Золотые слова, — поддержал его Шуруев.

— Вот-вот. Сварганили бы, — сердито проворчал Ромашко. — Достаточно в свое время «наварганили».

Вон сколько пятиэтажных скворечников по стране стоит.

— А чем они вам не нравятся? — в упор глядя на Ромашко, спросил Шуруев.— Между прочим, за эти «скворечники» некоторые наши коллеги звания лауреатов получили. А тысячи людей благодарны им за то, что из бараков переехали.

— О лауреатстве знаем,— раздался голос Сергея.— А вот насчет благодарности... Про одного из авторов этих домов говорят так: «Он тот, кого никто не любит и все живущее клянет...»

Наступила пауза.

Круглый метнул на него колючий взгляд, хотел сказать что-то резкое, но смолчал.

Ромашко, ни на кого не глядя, весь во власти своих мыслей, произнес:

— Мало мы задумываемся над тем, чтобы действительно достойно отразить свое время. О потомках мало думаем.

— Потомки, потомки... Они о нашем времени будут судить по столице, а не по Приозерску,— ворчливо заметила Полина.

— Извините, Полина Дмитриевна, но это не совсем верно,— не согласился Ромашко.— Разве Псков, Суздаль, Владимир, Новгород со своими памятниками архитектуры нам менее дороги? Так что хорошее и Приозерску не повредит.

Шуруев шумно вздохнул:

— А я бы советовал помнить народную мудрость: лучше синица в руках, чем журавль в небе. И поелику сил хватает — трудиться, не забивая голову несбыточными химерами. Вот сейчас я сижу с вами, а чертежная доска, как магнитом, меня притягивает.

Всплеснув полными руками, Нонна Игнатьевна зачастила:

— Уж так работает, так работает — на износ. Боюсь я за него, ужасно боюсь. Допоздна в институте, а приедет домой — опять за стол. И до ночи. И во сне — опять то же: какие-то совещания проводит, шумит, кричит, обсуждает что-то... Я уж подушку на голову кладу, чтоб уснуть.

— Да, Вадим Семенович,— проворковал Круглый,— уж очень вы того... себя не бережете. А Шуруев ведь еще нужен, очень нужен.

Раздались возгласы:

— Беречь надо себя, Вадим Семенович. Беречь.

— Доверяйте больше подчиненным,— многозначительно пошутил Круглый.

Шуруев запротестовал:

— Начинается критика тамады. Это недопустимо. Давайте-ка лучше песню.

— И правда,— поддержала его Полина.— Целый вечер — одни прения.— И сама запела:

Когда умчат тебя составы
За сотни верст в далекий край,
Не забывай своей заставы,
Своих друзей не забывай...

Ее поддержали, но не очень стройно, и скоро песня оборвалась.

— Что-то настроение не певучее,— заметила Надя и, обратившись к Сергею, вполголоса предложила: — Может, пора на электричку?

Шуруев, услышав ее слова, запротестовал:

— А вот это вы зря. Самое интересное еще впереди. Хотел я приберечь некое сообщение под конец, да ладно уж, так и быть, скажу сейчас. Так вот, друзья дорогие. Состоялось решение о реконструкции Приозерска и возведении нового жилого массива на Левобережье.— Он простер руку в сторону окутанной сумерками реки и патетически воскликнул: — И покорится ее левый берег. И Тростниковое захватим. Пятьсот тысяч квадратных метров жилья.

Сначала за столом было тихо, потом поднялся шум и гам. Кто-то аплодировал, кто-то порывался узнать у Шуруева подробности.

Работники института знали, что вопрос этот решается. Несколько раз приезжали авторитетные комиссии из Госстроя, Госплана, Совета Министров республики, но дело тянулось долго и полной уверенности, что оно решится положительно, не было.

Когда вновь уселись на места, Ромашко спросил:

— Вадим Семенович, а что и как строить-то будем?

— Как что? Я же сказал: жилой массив и все к нему положенное. Дороги, школы, магазины, кинотеатры и прочее. И все это в темпе — за пятилетку.

— Но мы же пока не имеем даже эскизного проекта планировки и застройки!

— Ну, прежде всего я бы не утверждал, что у нас совсем ничего нет. Кое-что есть. Конечно, работа пред-

стоит гигантская, титаническая, я бы сказал. Но мы осилим ее, осилим. Все второстепенные дела, как и наши споры и дискуссии, отложим пока в сторону. И всеми силами навалимся на проект застройки.

Ромашко с волнением слушал Шуруева и все порывался спросить еще о чем-то, но, видя, какой восторг вызвало у всех сообщение директора института, изменил свое намерение.

Сергей шепнул Наде:

— Ты теперь поняла, почему мы попали на это пиршество?

— Уяснила. Мобилизация всех сил. В том числе и молодых.

— Ну и как? Включаемся с энтузиазмом?

— Ты же вроде не любил овал?

— Да. Но перспективы-то какие!

А над столом рокотал довольный голос Шуруева:

— Вашу группу, Дмитрий Иванович, и группу Глеба Борисовича бросим на жилую застройку. Создадим еще две-три вспомогательные группы... Кое в чем и я стариной тряхну. Как смотрите на эту мысль?

Ромашко молчал, и Круглый, бросив на него недовольный взгляд, проговорил:

— А ты, Ромашко, все так же мрачен. В чем дело, дружище? Ведь это чертовски интересно — соорудить такое. Утрем нос москвичам, право слово, утрем.

Ромашко, глубоко вздохнув, наконец изрек:

— Есть небольшая притча. Стрижов где-то вычитал. Путник встречает трех человек, занятых одним и тем же: каждый несет тяжелый камень. И путник каждому поочередно задает один и тот же вопрос: что вы делаете? Первый отвечает: я несу камень. Второй говорит: я зарабатываю на хлеб. А третий восклицает: я строю Руанский собор! Так вот, для меня застройка Левобережья Серебрянки — вроде Руанского собора. Сколько лет мы мечтали об этом! Место-то редчайшее. Грех здесь сделать что-то ординарное.

Шуруев уверенно и задорно ответил:

— Осилим. С такой «могучей кучкой» и не то можно...

Ромашко вздохнул:

— Дай-то бог.

Молчавшая до сих пор Полина сердито заметила:

— Ох уж эти скептики! Вы, Дмитрий Иванович, второй Стрижов. Оба неисправимы. Мизантропы какие-то.

Неужели даже такая перспектива вас не увлекает? Поражаюсь. Просто поражаюсь.

Последнюю фразу она произнесла зло, с подчеркнутым недружелюбием.

Ромашко с недоумением и как-то виновато посмотрел на Полину и сбивчиво проговорил:

— Извините, Полина Дмитриевна. Я же ничего... Просто вспомнилась эта древняя мудрость. Извините.

Но Полину вдруг поддержал Круглый, и поддержал горячо, нервно.

— Полина Дмитриевна права. Странный вы человек. Все о высоких материях печетесь, а вот грандиозность предстоящего дела понять не можете. Не понимаю, как можно не взволноваться от такой перспективы? Вы, как и Стрижов, по институту ходите, словно вам весь мир что-то должен. И все-то вам не по нутру, все не нравится. Объяснили бы хоть, чем человечество виновато перед вами?

Ромашко то бледнел, то краснел от этой перебранки. Он органически не был приспособлен к тому, чтобы быть в центре внимания.

Дмитрий Иванович поднялся:

— Видимо, я чем-то обидел кого-то?.. Прошу прощения. И пойду, пожалуй. А то действительно еще испорчу вам всю обедню.

Круглый вяло возразил:

— Да подождите. Рано еще. Вот ведь какой обидчивый.

Но Ромашко уже выбирался из-за стола и, сделав общий поклон, проговорил:

— Еще раз прошу извинить. Что-то не в форме я сегодня. Не взыщите, пожалуйста. До свидания.

За столом установилось длительное молчание.

Надя, тронув Сергея за руку, прошептала:

— Может, и мы?

— Выходит, что баррикаду ты уже выбрала?

— А ты еще нет?

Сергей вздохнул:

— Ну, мне-то, видимо, так суждено — в пристяжных ходить. Но улетучиться сейчас... сразу... Нет, неудобно...

Шуруев сказал с легким упреком:

— Очень уж вы на него агрессивно, Глеб Борисович.

— Да ведь наболело, Вадим Семенович.

— Понимаю вас. Ну да ничего. Вот начнем корпеть над проектом, все забудется. Что все замолкли? Одна птица, как известно, весны не делает, один ушедший гость веселья не портит. Ну-ка, Глеб Борисович, подложи твоего знаменитого шашлыка.

Но гнетущее настроение не исчезло.

Круглый чуть слышно пробубнил:

— Для него это, видите ли, Руанский собор...

— Вы это о чем? — переспросил Шуруев.

— Да о притче, которой Стрижов Ромашку вооружил.

Шуруев махнул рукой.

— Байки рассказывать Стрижов мастер,— и с подчеркнутым сожалением удрученно проговорил: — Талантлив, но спесив и заносчив. Не в меру. С излишком.— И, повернувшись к Полине, добавил: — Вы уж извините, Полина Дмитриевна. Мы по-свойски, по-товарищески.

Полина промолчала; но прозвучал нервный, взволнованный голос Нади:

— И вовсе это не по-товарищески.

Все удивленно посмотрели на нее.

Полина, скупо улыбнувшись, повернулась к Шуруеву и Круглому:

— Как видите, не все с нами согласны.

— Да-да. Не согласна,— все так же нервно ответила Надя.— И не понимаю, как так можно, совершенно не понимаю.

Нонна Игнатьевна сверлила Надю насмешливым взглядом:

— Вы успокойтесь, милая, успокойтесь. В конце концов ничего такого не произошло. И при чем тут вы!

— Как это при чем? За глаза оговорить человека! Опорочить! Зачем же так?.. Не по-людски. Неприлично, помоему. Извините, пожалуйста.— И, встав, вышла из-за стола, торопливо пошла к калитке.

Сергей тоже встал, обескураженно развел руками и двинулся вслед за ней.

Участники трапезы удивленно переглядывались. А Шуруев вдруг резко и раздраженно бросил:

— Все в умники лезут, мысли свои в нос тычут. А мыслей этих у меня самого на десятерых хватит.

Потом он взял себя в руки и, чтобы не совсем испортить торжество, попытался разрядить обстановку. Долго и пространно рассказывал, как обсуждался вопрос в республиканских организациях.

Круглый, Полина, Нонна Игнатьевна с подчеркнутой заинтересованностью слушали, поддакивали, задавали вопросы, восторгались. Но прежняя легкая атмосфера вечера не вернулась, и все понимали это. Понимал и Шуруев. Посидев еще с полчаса, он поднялся:

— Ну что ж, Глеб Борисович, пойдем, пожалуй, и мы. Чертежная доска ждет.

Нонна Игнатьевна преувеличенно удрученно пожаловалась:

— Вот видите. Сейчас опять засядет до глубокой ночи. Неисправим, совершенно неисправим.

Шуруев подошел к Круглому, положил руку на плечо:

— А вы не расстраивайтесь. Нет худа без добра. Может, даже к лучшему, что все получилось именно так. Кое-что важное прояснилось. Давайте-ка в понедельник прямо с утречка — ко мне. Все проясним, а потом соберем всех, кто нам нужен. Понимаете? Тех, кто нужен,— произнес со значением Шуруев последнюю фразу.

— Все понятно, Вадим Семенович, все уяснено. Вы, как всегда, правы.

...Круглый и Полина остались вдвоем за опустевшим, казавшимся сейчас таким огромным столом.

Полина проговорила:

— Как все весело началось и как грустно кончилось.

Круглый глухо и зло ответил:

— И все это твой блаженный.

Полина подняла удивленный взгляд:

— Ну при чем же здесь он? Его за сегодняшним застольем как будто не было.

— Зато его дух витал. Ромашко, этот мешок с овсом, да и молодые тоже — лишь его молитвы долдонят. Демагог проклятый.

— Глеб... Я прошу... И проводи меня на станцию.

Круглый вскинулся:

— Ну зачем же так? Куда спешить?

Она взяла со спинки стула сумочку, ловким, привычным движением достала округлую миниатюрную пудреницу с зеркалом, попудрилась и спустилась с террасы. Глеб Борисович шел за ней и продолжал уговоры:

— Полина, ну зачем же так? Зачем тебе ехать в город? И почему сейчас? Поедешь позже. Ну, я очень тебя прошу.

Полина остановилась как бы в раздумье. Круглый привлек ее к себе, нервно поцеловал.

Полина с трудом отстранилась:

— Не надо, Круглый, не надо. Я на станцию,— и она торопливо пошла к калитке.

Круглый долго стоял в раздумье, затем, вяло махнув рукой, не спеша вернулся к столу. Ему одному предстояло заканчивать свое юбилейное пиршество.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ...

Приозерск принадлежал к тем старинным русским городам, которые строились на больших торговых путях. Он долгие годы был в числе известных в центральной России торгово-купеческих центров, через который проходил екатерининский тракт. Златоглавый собор, каменные лабазы, обширные торговые ряды, раскинувшиеся на взгорье невдалеке от Серебрянки, составляли центр городка. От него сбегали кривые улочки, застроенные одно- и двухэтажными подслеповатыми домами, заросшие кленом да черемухой.

Перед самой войной в Приозерске был построен завод дорожно-строительных машин и готовилось сооружение большого стеклокомбината. Война, однако, надолго прервала эти работы, и только лишь в последние годы к проекту стеклокомбината вернулись вновь. Но когда геологи стали исследовать сырьевую базу, то обнаружили более ценные глины и кварцевые залежи. Одновременно со стеклокомбинатом началось строительство оптического завода и предприятия измерительных приборов. Приозерск стал быстро расти. Понаехало в него множество новых людей, напористых и энергичных, улицы наполнились шумом машин. На окраинах города, как грибы, вырастали заводские поселки. Забот у городских организаций стало неизмеримо больше.

Прибавилось их и у проектной мастерской Приозерска. И разраставшийся город, и строящиеся предприятия требовали то проекты общежитий, то чертежи бытового комбината, то привязку типовой школы или детского сада. И все это надо было быстро, срочно, безотлагательно. Вадим Семенович Шуруев — директор мастерской и главный архитектор Приозерска — за все заказы брался с готовностью. Его радовало, что как на дрожжах растет родной город, что дел стало невпроворот, что без их мастерской не обходится ни одно предприятие, ни одна комиссия, ни одно совещание в городских или областных организа-

циях. И вдвойне радовался, когда вскоре мастерскую преобразовали в институт — Облгражданпроект.

Шуруев работал в Приозерске почти три десятка лет. Он с вполне законной гордостью мог бы показать не одно и не два, а, наверное, с десяток зданий, построенных за эти годы по его личным проектам или по проектным разработкам, осуществленным под его руководством.

Приехал Вадим Семенович в город незаметным начинающим архитектором, а сейчас уже слыл мастером большой руки, его знали не только в области и республике, но и в самой Москве. И это не было случайным или незаслуженным. Приозерчане, хоть и ругали иные из его творений, все же уважали Вадима Семеновича, избирали в различные городские и областные органы.

А судьба готовила Вадиму Семеновичу еще одну возможность проявить и утвердить себя на ниве градостроительства.

Для стеклокомбината нужно было в предельно короткие сроки возвести жилой поселок. Проект был прислан из Москвы. Вслед за ним приехал и его автор — Глеб Борисович Круглый. Человеком он оказался в высшей степени деятельным, энергичным и предприимчивым. Именно он-то и увлек Шуруева идеей организовать сооружение поселка сверхскоростными методами из сборных железобетонных панелей. Ссылался при этом на опыт московских архитекторов и строителей, которые такими методами строят в столице целые кварталы.

Об этом опыте Шуруев, конечно, знал, он внимательно читал все, что писала пресса о новинках в строительном деле. Но там ведь столица, у нее свои масштабы и свои возможности. А что можно сделать в Приозерске? Где организуешь выпуск конструкций? Для этого надо прежде завод построить.

Но Круглый свозил его под Москву, в Люберцы, и показал, как там, не дожидаясь окончания строящихся цехов, формуют железобетонные конструкции простейшим способом, на открытом полигоне.

Круглый и Шуруев взялись за дело горячо и энергично, и скоро в окрестностях Приозерска было начато оборудование такой же открытой площадки. Но дело оказалось отнюдь не легким. Сколько усилий, труда, энергии пришлось потратить на то, чтобы доказать реальную перспективу задуманного, получить место для постройки, нужные средства, потом — чтобы отладить изготовление этих са-

мых панелей в бортформах, тепловую обработку бетона. И день, когда прошла все испытания первая стеновая панель, был поистине праздничным днем для Шуруева и Круглого. И хотя первое время технология на полигоне была примитивной — с обилием ручного труда, с течением времени сборный дом был предъявлен к сдаче. Затем второй, третий... Нужда в жилье была острейшей, и естественно, что Вадим Семенович и Глеб Борисович были изрядно обласканы, отмечены и поощрены.

С тех пор в реке Серебрянке утекло немало воды. Шуруев и Круглый трудились над многими проектами и сооружениями. И трудились, в общем-то, неплохо. Постепенно обрастал Приозерск новыми домами, магазинами, кинотеатрами, ателье. Но воспоминание о тех золотых днях, когда их, что называется, носили на руках за первые сборные дома, всегда было для Вадима Семеновича и Глеба Борисовича самым дорогим. И жила у обоих мечта дерзнуть, тряхнуть стариной еще раз.

Эти мысли родились отнюдь не на пустом месте.

Приозерск из небольшого захолустного городка все стремительнее превращался в довольно крупный индустриальный центр. Здесь уже работали не только заводы, но разместились несколько научно-исследовательских институтов, два вуза, техникумы, ощутимо прибавилось население. И все острее и острее возникали проблемы благоустройства города, расширения его жилого фонда, строительства культурно-бытовых учреждений. Но особенно остро ощущался недостаток жилья.

В республике к просьбам областных организаций относились с пониманием, но просили подождать год-два. Потом рекомендовали потерпеть еще столько же. Руководители Приозерска не теряли надежды и настойчиво, методично и упорно добивались нужного решения.

Первый секретарь Приозерского обкома Игорь Павлович Чеканов работал здесь давно, начинал еще учителем сельской школы. Все построенное тут за последние годы так или иначе было связано с его усилиями. Но и все то, что сделано не было, сам он тоже связывал с собой, с деятельностью обкома, который возглавлял. И это несделанное всегда больно тревожило сердце Чеканова, наполняло его чувством неудовлетворенности и недовольства собой. Плохое состояние жилого фонда города его удручало больше всего. Он использовал любую возможность — писал письма, выступал на сессиях Верховного Совета,

республиканских совещаниях актива с постоянным напоминанием, что Приозерск ждет серьезной реконструкции. Прекрасно понимая, что без развития индустриальной базы городу ждать больших ассигнований на жилье и быт трудно, сразу же согласился на размещение в окрестностях Приозерска нескольких новых предприятий. Это прибавило веса его настойчивым ходатайствам, и вот лед, кажется, тронулся.

В Госплане и в Госстрое республики предложение о реконструкции старого Приозерска и строительстве нового района было поддержано. Руководители Приозерска взбодрились и стали готовиться к защите своих предложений в правительстве республики. Поддержали их и здесь. Но было сказано так:

— Убедили. Помогать вам надо. Но смотрите, чтобы Приозерск стал действительно современным городом.

В тот же день директор Облгражданпроекта Шуруев был приглашен к первому секретарю обкома. Беседа продолжалась долго и закончилась поздно вечером. По приезде из обкома, несмотря на поздний час, Вадим Семенович позвонил Круглому. Тот удивился столь позднему звонку.

— Что случилось, Вадим Семенович?

— Ничего плохого. Наоборот. Поздравляю с решением о реконструкции Приозерска и застройке Левобережья.

— Да не может быть! В полном объеме?

— Ну, объем, как ты знаешь, так быстро не определяется. Нужны технико-экономические обоснования, проекты, сметы...

Для обоих эта новость не была неожиданной, во всей работе областных и городских организаций по подготовке предложений они принимали непосредственное участие. Но все равно она приятно взволновала, наполнила беспокойством, оживила давно вынашиваемые мысли и планы.

Шуруев и Круглый хорошо знали, что, коль скоро вопрос о реконструкции Приозерска и застройке Левобережья решен, неизбежно встанет следующий: как и чем застраивать город? Конечно, республиканские организации могут и тут помочь. Предложат привязать один из уже осуществленных проектов. Но это ведь не лучший выход. Как удастся увязать его с рельефом местности, микроклиматом, и прочее, и прочее. Нет, приозерским зодчим просто грешно будет не попытаться сказать здесь свое

веское слово. И Шуруев с Круглым уже давно трудились над эскизными набросками к проекту застройки. Из этих работ не делалось секрета, велись они открыто, когда появлялись «окна» в плановой загрузке. Уже дважды или трижды стихийно возникали дискуссии вокруг рожденных зодчими эскизов и набросков.

Отношение к разработкам было различным. Кому они нравились, кому нет. Многие критиковали эскизы за неверное композиционное решение, за то, что новый жилой массив проектируется изолированно от старой, сложившейся застройки Приозерска. Не нравилась маловыразительная планировка общественного центра. Но больше всего критических стрел вызвали сборные дома, которые предполагалось строить в новом микрорайоне.

Каркасно-панельные дома были кровным детищем Вадима Семеновича и Глеба Борисовича, и отказаться от их привязки на Левобережье Серебрянки было свыше их сил. Дома эти уже строились, и не только в Приозерске. Они были освоены домостроительным комбинатом и довольно быстро могли быть переведены на поток.

Конечно, Вадим Семенович да и Круглый понимали, что их эскизные наброски далеки от совершенства, требуют серьезной работы. Понимали и то, что тип домов далеко не идеальный. Но, взвешивая все плюсы и минусы, неизбежно приходили к единому: лучших вариантов проекта институт в короткие сроки не создаст. Значит, надо выходить с этим хоть в какой-то степени продуманным предложением.

Главным препятствием могла явиться довольно непримиримая позиция некоторых работников института. Особенно рьяно ругают этот проект инженер-архитектор Стрижов и молодые архитекторы, работающие в группе Ромашко.

Шуруев тревожился по этому поводу, ломал голову и не знал, как нейтрализовать эти настроения. Но Круглый не видел здесь большой опасности.

— Ну, а что они могут?

Вадим Семенович возразил довольно решительно:

— Зря так отмахиваетесь. Вы представляете, если сигналы о недостатках в проекте планировки, в конструкции домов дойдут до Москвы, до Госстроя? Сразу все насторожатся, начнут изучать эти самые погрешности, потребуют или доводить проект или обяжут применить другой. А то и конкурс решат провести.

— Не пойдут местные власти на конкурс. Это же минимум на два года оттянуть начало работ.

— Но они не пойдут и на проект, который вызовет серьезные сомнения, на привязку домов, в которых не уверены.

— А что, собственно, вас-то беспокоит в планировке? По-моему, все там нормально. И дома. Что в них сомнительного? Какие претензии? Живут в них тысячи людей, и ничего, довольны.

— Ну, мы-то с вами знаем, что там хорошо и что худо. Но я за них, за эти дома, и за наши эскизы. Только надо, чтобы все были за них, а не только мы с вами.

Круглый пожал плечами:

— Какой же выход? Куда ни кинь, все клин.

— Выход есть, и я о нем вам говорил не раз. Надо еще и еще раз пораскинуть мозгами и представить разработки уже улучшенного проекта. Что будем менять и улучшать, надо определить поскорее, с тем чтобы заинтересовать область. С поддержкой же областных организаций мы пройдем и в Госстрое. Так что вам надо незамедлительно садиться за чертежи.

— Крикуны все равно не уймутся.

— Уймутся. Мы их тоже засадим за эту работу. Нам придется сейчас отложить все второстепенное и навалиться на этот, главный для нас проект...

— Мысль правильная, но... В одну телегу впрячь не можно... Тот же Стрижов...

— За что вы его так не любите? А он о вас, между прочим, иного мнения. Не раз упрекал меня за то, что потворствую вам в разбазаривании вашего таланта, что вы способны творить по-настоящему.

Круглый передернул плечами:

— Скажите пожалуйста, а я и не знал, что товарищ Стрижов такой альтруист. Боюсь, однако, что скоро ему придется расстаться с этой красивой тогой...

Шуруев, кажется, понял, что имеет в виду Круглый, но не стал ворошить эту тему и продолжал:

— Я знаю одно: Стрижов не будет мешать личное со служебным. Работник же он безусловно грамотный. Да вы ведь учились вместе и знаете его лучше. Во всяком случае, его обязательно надо вовлечь в работы по Левобережью. Он чем там у нас занят?

— Проектирует керамзитовый.

— Ну вот, оставим за ним общий надзор по объекту,

пусть группа сама проект доводит, а его — в вашу тележку. На инженерные коммуникации и промзону. Что касается Ромашко, то всю его группу сольем с вашей. Кое-что из их разработок придется взять, особенно в планировке квартир.

Круглый вздохнул:

— Все это меня что-то мало вдохновляет.

— А вы можете предложить что-то другое?

— Нет.

— Может, вас устраивает конкурс?

— Избавь всевышний.

— Тогда что же вы хнычете? Надо собраться, Глеб Борисович. Нервы в узел. И никаких сомнений. Кстати, когда юбилей-то свой празднуете?

— В субботу.

— Вот и отлично. Приглашайте к себе всю будущую команду. За столом и сплотим наши ряды.

— Только этого не хватало. Пятидесятилетие — и в такой компании.

— Ничего. Своих дружков соберете отдельно.

Так Ромашко, Надя и Сергей оказались на даче Круглого. Правда, «спайки команды» и разговора, на который рассчитывали Шуруев и Круглый, как известно, не получилось. Но все же вечер прошел с пользой. Вадим Семенович и Круглый убедились окончательно: набросанный проект планировки Левобережья с привязкой их домов будет проходить трудно, очень трудно. Но отступать они не хотели — ни тот, ни другой.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

В день, когда отмечался юбилей Круглого, Полина пришла с работы чуть раньше в приподнятом, возбужденном состоянии и сразу же заторопилась переодеваться. Однако, увидев мужа, как всегда уткнувшимся в какие-то чертежи, она удивленно спросила:

— Ты почему не собираешься? В нашем распоряжении всего полчаса. Еле-еле успеем добраться.

— А я никуда ехать не собираюсь.

— Как это? Ты не едешь к Круглому? Он же тебя лично приглашал. Я сама слышала.

— Приглашать он меня действительно приглашал, но я предупредил, что не буду.

— Но почему? Не понимаю.

Стрижов откинулся от чертежной доски.

— Полина, ну ты сама подумай. Близкими друзьями мы с ним никогда не были, до сих пор домами не встречались. Я даже и не знал, что у него такая замечательная дата. А тут вдруг заявлюсь: здравствуйте, Глеб Борисович, с юбилеем вас! Соберутся, видимо, действительно близкие ему люди, мы же своим присутствием только внесем неловкость.

— Почему ты все так усложняешь, Стрижов? Вы же не один десяток лет знакомы, однокашники. Лишними мы там не будем, уверяю тебя. Соберутся все наши, институтские. Поговорим, повеселимся. Какая тут может быть неловкость?

— Ну... я не испытываю желания попусту тратить вечер.

— При этом ты совсем упускаешь из виду меня. Я-то хочу пойти.

— Запретить тебе этого я не могу, ты человек самостоятельный. И тоже сослуживец Круглого. Поезжай, если очень хочется. Но не советовал бы.

Полина с трудом сдерживала себя:

— В кои-то веки представилась возможность отдохнуть, повеселиться, с людьми интересными увидеться, так нет, ты обязательно все испортишь. Ну а что будем делать? Сидеть, как бирюки, и молчать? Ты опять уткнешься в свой стол, а я вертись на кухне? Очень увлекательная перспектива.

— Так поезжай на юбилей.

— И поеду.

— Очень хорошо. Желаю приятно провести время.

Полина пристально посмотрела на Анатолия, пытаясь угадать какие-то другие его мысли. Но он уже вновь склонился над чертежной доской.

Полина собиралась долго и тщательно. Вошла в комнату преобразившаяся. Темно-синее платье плотно облегало ее фигуру, пышный начес каштановых волос прикрывала легкая газовая косынка. Брошь — давний подарок Стрижова — мерцала золотыми блестками.

Стрижов пошутил:

— Выглядишь отлично. В грязь лицом не ударишь. Даже брошка, так нелюбимая тобой, уместна.

Полина раздраженно бросила от двери:

— Я вернусь поздно.

— Я тоже так думаю,— чуть помедлив, проговорил Стрижов.

Он долго слушал удаляющиеся шаги Полины. Мелькнула мысль: может, передумает, вернется? Злая, взвинченная, но вернется?

...Полина вернулась, но около одиннадцати вечера. Стрижов, сняв очки, протер утомленные глаза и спросил:

— Ну как юбилей? Весело было? — и, не дождавшись ответа, прошел к плите: — Как, чайку попьем?

Полина, однако, шумно и зло плескаясь водой в ванной, заговорила о другом:

— Имела удовольствие присутствовать при разговоре о тебе.

— Проработали за неявку?

— Было и это. Ждали тебя. Но я о другом. Предстоит реконструкция города и застройка Левобережья. Есть решение.

— Это хорошо. Жилье приозерцам позарез нужно, и город пора приводить в порядок.

— Работа предстоит огромная и чрезвычайно интересная.

Стрижов подошел к жене и рассеянно слушал ее рассказ. Ему не хотелось сейчас вникать в институтские дела. Он, заметив, как в свете лампы золотом блеснули завитки волос за ушами у Полины, нежно дотронулся до одного из них.

— Чудесные у тебя локоны, как пушинки.

Полина отвела его руку.

— Я тебе о серьезных вещах говорю. Шуруев с Круглым уже прикидывают состав расширенной проектной бригады. Группа Ромашко, в частности, в нее вливается полностью. На тебя тоже есть виды. Все за то, чтобы ты взялся за промзону и инженерные коммуникации. Глеб заметил, правда, что Стрижов, конечно, сумеет, тут сомнений нет, только ведь разработка проекта потребует единомыслия, а Анатолий Федорович, как известно, на все смотрит с собственной точки зрения. Шуруев, однако, взял тебя под защиту. Стрижов, говорит, человек дела, а это главное. В общем, Глеб тоже согласился.

И сам этот подробный, с нотками восторженности рассказ о планах Шуруева и Круглого, и какая-то свойская, фамильярная форма обращения с персоной Круглого — Глеб сказал, Глеб заявил, Глеб согласился — взвинтили

Стрижова, подняли в душе тот незримый и тяжкий осадок, который копился давно и который лишь усилием воли он держал под спудом. С трудом заставив себя успокоиться, уняв взволнованное дребезжание голоса, Анатолий проговорил:

— Ну что ж, спасибо товарищам Шуруеву и Круглому за лестное предложение. Польщен. Но никакого отношения к их сомнительному альянсу я иметь не хочу.

Полина не рассчитывала на особо бурную радость мужа в ответ на свои слова, но столь холодная, даже пренебрежительная реакция на них обозлила ее до крайности. Ведь от участия Стрижова в составе такой бригады зависело очень многое, по пути домой она много думала над этим. Многое, очень многое могло измениться. Так с какой стати отказываться от такой возможности?

— Почему ты так говоришь о них? Какие у тебя основания? Они что, не специалисты? Пока директор института не Стрижов, а Шуруев! В заместители тоже не пробился. Там — Круглый.

— Успокойся, пожалуйста. Я вовсе не хотел как-то опорочить наших шефов. Хотя могу повторить, что это творческое содружество считаю странным. И даже больше того — вредным. Зажали они всех и своими допотопными творениями портят город.

Полина безнадежно махнула рукой:

— Я знаю только одно: с такими высокими соображениями ты останешься в стороне от большого и очень важного дела. Обойдутся, конечно, и без тебя, только что в этом хорошего? Поставишь на своем? И только. Невелико утешение.

— По крайней мере не буду участвовать в деле, которое противоречит моей совести. Это — немало.

Полина усмехнулась, с холодным прищуром посмотрела на мужа.

— Удивительно разные вы с Глебом люди, да и с Шуруевым тоже. У тех и слово и дело — все вместе. Без витаний в облаках, без пустых фантазий. Твердо на земле то стоят и дело делают. А ты мельтешишь, шебаршишься, на словах горазд, но толку от этого — чуть.

Стрижов осторожно, аккуратно поставил чашку на блюдце, отодвинул ее от себя. И, хмурясь, медлительно, как бы взвешивая каждое свое слово, проговорил:

— Каков уж есть.

— Это не ответ. Упрямство неудачника, не более того.

— Может, обойдемся без оскорблений?

— А я и не оскорбляю тебя, я просто говорю правду. То, что ты неудачник,— это факт, и тебе, и мне, да и всем давно известный.

Полина понимала, что она говорит лишнее, что переходит за рамки допустимого, чувствовала, что это может обидеть, оскорбить мужа, довести их ссору до крайности, но остановиться уже не могла.

И эта убогая, в сущности, квартира, куда даже неловко пригласить гостей, и вечное терзание из-за каких-нибудь двадцати рублей, которые надо переплатить портнихе, и невозможность иметь хотя бы минимальное из того, чем располагали другие женщины, ничуть не лучшие, чем она,— жены работников их же института — все это постоянно раздражало Полину, подтачивало, разъедало, словно ржавчина, ее чувства к мужу, все больше укрепляло ее в сделанном уже выводе: ошиблась она в Стрижове, основательно ошиблась.

Тогда, в дни знакомства, на нее, только что вышедшую из школьного гнезда девчонку, он произвел впечатление. Немногословный, сдержанный, рассудительный. В институте его уважали и ценили, ребята неизменно избирали своим вожаком, девчонки тоже так и вились вокруг Анатолия. Всем он предпочел, однако, ее, Полину. Первые годы все было ясно. С милым, как известно, рай и в шалаше. Но сколько можно довольствоваться этим шалашным раем? Жизнь-то ведь дается один раз, а молодость вообще быстротечна. А Стрижов этого не понимал, был всем доволен, этот самый «шалашный уровень» стал для него потолком всех потребностей и жизненных благ. С Круглым они, например, и институт кончали вместе, и трудиться начали одновременно. Но тот уже кандидат наук, Государственную премию получил, дачу себе соорудил, да какую! А они, Стрижовы, даже из коммунальной квартиры выбраться не могут.

Когда Полина начинала думать о своих жизненных невзгодах, о своих стычках с мужем, в ее мыслях неизменно возникал образ Круглого, всегда приходило непрошеное сравнение одного с другим. И это было не случайно. Глеб ухаживал за Полиной и до ее замужества, а когда она вышла за Стрижова, сказал ей:

— Зря ты это сделала, Полина. Надо было выходить за меня.

В тон ему она ответила:

— Ну что же теперь после драки кулаками махать! Надо было объяснять мне это раньше. Да понастойчивей.

— Ты скоро убедишься, что ошиблась.

Тогда Полина только посмеялась над его пророчеством, а теперь все чаще вспоминала о нем.

Глеб Борисович был неизменно внимателен к Полине, мягок, предупредителен. При любой встрече то ли в шутку, то ли всерьез напоминал: «Не надумала дать отставку Стрижову? Не пара он для тебя. Подумай, Полина Дмитриевна, подумай».

И Полина, и все в институте знали об этом периодически повторяемом монологе. И относились к нему лишь как к шутке. Круглый же всерьез и давно пытался ухаживать за Полиной. Он постоянно думал о ней, она неудержимо влекла его. Один ее взгляд лишал его степенности и равновесия, и только боязнь разговоров, опасение испортить свою репутацию, которой он очень дорожил, останавливали его от более энергичных шагов. Однако, полагаясь на свой житейский опыт, он был уверен, что его усилия не будут напрасными. И был недалек от истины.

Вода, как известно, камень точит. Не оставалась и Полина глухой и слепой к постоянным томным взглядам Круглого, его восторженным словам. И если для многих это были лишь слова, она прекрасно понимала, что за шутливой формой его разговора кроется довольно ясный и прямой смысл.

Уже не раз, видя бесплодность своих усилий как-то расшевелить мужа, вызвать у него интерес к житейским делам, о которых она постоянно и беспокойно хлопотала, Полина хотела махнуть на все рукой, уйти к Круглому, и все тут. Не раз была близка к этому шагу, но в самый последний момент что-то удерживало ее. Может, вместе прожитые годы, может, остаток чувства. Она еще и сейчас не была полностью уверена, что сможет порвать свой союз со Стрижовым.

Разговор на даче Круглого, перспективы, что нарисовал Шуруев, настроили Полину на воинственный лад. Как-никак она тоже специалист и хорошо понимает, что значит для любого человека их профессии участвовать в такой застройке. Это же мечта любого зодчего, но мечта, которая осуществляется у одного из сотни, а то и из тысячи. Это и интересно, и масштабно, и, чего греха таить, выгодно. Хоть заработаем на порядочную квартиру, ду-

мала она по пути домой. А впрочем, тем, кто будет занят этим проектом, квартиру могут дать и государственную. Тогда на дачу. Вот дачу бы заиметь. Стрижов, конечно, начнет старую песню: а зачем нам дача, раз ты родить не хочешь...Обязательно зацепится за эту свою постоянную тему... Странный все-таки человек. Неужели не поймет, какие перспективы откроются, если начнет вместе с Шуруевым и Круглым работать над застройкой, неужели упустит представившиеся возможности?.. Ну нет, я не допущу этого. Теперь уж я молчать не буду, выскажу все. И если он настолько глуп и упрям, что не поймет, о чем идет речь, пусть пеняет на себя. Тогда я уйду...

Она высказала ему все эти мысли прямо, не особенно стесняясь в выражениях, высказала резко, беспощадно, кипя гневом и злостью.

Стрижов с удивлением молча слушал этот гневный каскад слов. Затем, помедлив и глубоко вздохнув, заговорил:

— Ладно, пусть я неудачник, как ты изволила выразиться. Пусть так. Но выслушай и уясни все, что я сейчас скажу. Надо бы давно это сделать, но надеялся, что все как-то само собой уляжется и обойдется.

Полина хотела прервать его, но он резко остановил ее:

— Минуточку. Имей терпение и дослушай до конца. Прошу тебя: сделай выбор. Кто тебе больше подходит — Стрижов или Круглый? И прекрати разыгрывать этот пошлый спектакль. Я не настолько глуп, чтобы не понимать, что происходит. Кончай балаган.

Полину еще больше взвинтили эти слова, взбудоражили каждую клетку ее существа. И не столько то, что говорил Стрижов, а то, как говорил. Не было ни робости перед ней, ни страха, ни боязни потерять ее. Это уязвило ее гордость, больно ударило по самолюбию, озлобило до предела.

И вдруг одна мысль, словно молния, озарила ее. Полина понимала всю низость и нелепость этой мысли, но, ослепленная своим гневом, не могла от нее отказаться. Она, уничтожающе глядя на Стрижова, прошипела:

— Вот как? Мечтаешь, чтобы мы закончили спектакль? Свобода понадобилась? Я понимаю зачем. По соседству смена подросла. А я-то дура верила и тебе и ей. Забыла, что нынче они смолоду хваткие. Не случайно Надька так бросилась тебя защищать у Круглого. Нет, не случайно.

— Кто? О чем ты?— уже догадываясь, в кого метит

грязью Полина, обеспокоенно и настороженно спросил Стрижов.

— Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю. Воспитанница она, видите ли, у него. Теперь я понимаю, что это за воспитанница.

Стрижов был так ошарашен ее словами, что задохнулся от возмущения, долго не мог найтись, что сказать на это. Тяжелое чувство неловкости и стыда за Полину наполнило все его существо.

— Как ты можешь... придумать такую подлость... Боже мой, какая же ты дрянь...

Полина стремительно сорвалась с места, и из ее комнаты тут же послышались хлопанье дверец шкафа, звон флаконов на трельяже. Видимо, она поспешно собирала вещи.

Стрижов зашел в ванную, чтобы умыть лицо, и оттуда услышал, как с грохотом закрылась входная дверь. Он понял, что это значит. Вернувшись в комнату, подошел к окну. Полина с небольшим чемоданом в одной руке и каким-то свертком в другой поспешно переходила улицу, направляясь к троллейбусной остановке.

Анатолий медленно добрел до серванта, достал пачку сигарет. Три года прошло, как он бросил курить, гордился этим. Но никогда за эти годы так мучительно не хотелось ему сделать хоть одну затяжку. Он почувствовал бесконечную разбитость во всем теле и тяжело опустился в низкое неудобное кресло, стоявшее около телефона.

Он не мог упрекнуть себя в чем-либо. Может, лишь за эти резкие слова... Он долго и безропотно терпел все ее выходки и капризы, до сих пор они касались только его одного. Но сейчас... Сейчас она решила запачкать имя Нади...

Зачем это понадобилось? Зачем?

Он хорошо знал Полину, знал, что она редко верила в искренность людей. Как бы благородны ни были чьи-то устремления, она всегда подозревала за этим низменные, эгоистичные цели. Но что Полина узрела предосудительное, двусмысленное в их отношениях с Надей, этого Стрижов предположить не мог.

Он решил, что с Надей придется поговорить, хотя и не знал, как говорить и о чем? Опровергнуть вымысел Полины? И нанести девушке незаслуженную обиду? И все же поговорить придется. Она ведь могла слышать скандал...

Стрижов вновь и вновь возвращался к их сегодняшней

ссоре и понимал, что она не случайна и, видимо, повлечет за собой немалые последствия.

Стрижов любил Полину, знал, как мучительно и долго будет болеть его сердце, как будет ждать он ее возвращения, терзаться ревностью. Все это будет. Но, даже четко и ясно представив себе предстоящее, ни на минуту не усомнился, что в главном он прав. То, что разъедало их утлый семейный корабль, можно лечить только решительными мерами, идти на самую болезненную, но необходимую операцию. Она или образумит Полину и вернет ее, или освободит обе стороны от необходимости тянуть унизительную лямку, видимо, отжившего уже союза.

Приведя себя в порядок, Стрижов вышел в переднюю и постучался к Наде. Ее дома не было. Он с облегчением вздохнул. То, что Надя не была свидетельницей их скандала, сняло с его плеч какую-то часть бремени.

НАДЯ

Дружба эта была давней и искренней, имела свою историю, которую знал весь Приозерск.

Несколько лет назад супруги Кравцовы — соседи Стрижовых — поехали на автомашине в Москву. Дочку подбросили Стрижовым. Бывало такое и раньше. Надя с удовольствием переходила под опеку соседей, особенно дяди Толи. Это ей нравилось. Она беспрепятственно могла путешествовать по всей квартире, рыться в книжных шкафах, а если не было дома тети Полины, то перебрать все банки и склянки на ее туалетном столике. Кончался такой день чаепитием с отличными пирожными, которые обязательно прихватывал по пути домой с работы Анатолий Федорович.

Последняя поездка Кравцовых кончилась, однако, трагически. Не доезжая семнадцати километров до Москвы, машина столкнулась с груженым самосвалом...

После похорон, когда все разошлись, Надя, похудевшая и, кажется, сразу на несколько лет повзрослевшая, зашла к Стрижовым. Прерывающимся голосом попросила:

— Можно, я у вас немножко побуду? Боюсь одна...

— Пожалуйста, Надюша, пожалуйста. И вообще приходи в любое время,— ответил Анатолий Федорович. Полина стала угощать ее чем-то.

Надя долго молча сидела в уголке дивана, потом тихо спросила:

— Тетя Поля, когда меня заберут в детский дом?

— Да ты не волнуйся, девочка, мы к тебе приезжать будем, ты тоже к нам будешь наведываться.

— Спасибо вам. А то я ведь теперь всем чужая.

И столько горя было в этих словах, такая взрослая осмысленность происшедшего и предстоящего была на лице девочки, что у Стрижова сжалось сердце.

В эту ночь он не мог уснуть. Приглушенным голосом, чтобы не разбудить Надю, убеждал Полину:

— Конечно, детский дом — это выход, и неплохой. Но с другой стороны, с ее родителями мы жили дружно, девочка привязана к нам. Более близких людей у нее нет. И отдать ее! Черствость это будет, бездушие, честное слово. По-моему, пусть живет с нами.

Полина не очень охотно, но согласилась:

— Если тебе этого очень хочется — пожалуйста, я не возражаю. Но предупреждаю — возиться с ней будешь сам. У меня особого желания обзаводиться чужой дочерью нет, имей это в виду.

— Ну хорошо, хорошо. Я все возьму на себя, ты только не возражай.

Стрижов отдался новым для него отцовским обязанностям со всей силой неистраченного родительского чувства. Он рьяно следил за учебой Нади, вместе с ней штудировал школьные задания, не пропускал ни одного родительского собрания. Водил ее на каток, в бассейн, даже на рыбалку и охоту. И девочка постепенно выходила из состояния одинокого испуганного зверька, преодолевала свою нелюдимость и замкнутость, которые стали было основной чертой ее характера после происшедшей трагедии. Надя приучалась к немногословию Стрижова, его скромности во всем, что касалось житейских дел. Видела, как он до рассвета корпит над чертежами, и порой, устыдив себя, вскакивала с кровати, чтобы закончить что-то несделанное и отложенное на завтра.

Как-то на рыбалке Анатолий Федорович по неосторожности попал в полынью. Надя с большой сноровкой помогла ему выбраться, быстро разожгла костер, умело и ловко высушила одежду.

— А знаешь, Надюха, ты вполне подходящий парень.

Это была для нее лучшая похвала.

Они могли часами спорить о каких-то там Гумбольдтовских течениях, о персеях и нимфах, о преимуществах естественного мотыля над искусственным или уткнуться в про-

ектор и час, два, а то и больше смотреть слайды, к которым Стрижов имел большую и давнюю слабость.

Полина Дмитриевна относилась к Наде дружелюбно, поощряла стремление девочки к тому, чтобы уметь делать все. Очень скоро львиная доля домашних хлопот перешла к Наде, и она неутомимо сновала по квартире. Строжайше блюла чистоту в каждом углу, требовала, чтобы Полина Дмитриевна белым платком проверяла, есть ли пыль на мебели, По ее инициативе был затеян ремонт квартиры, доставивший всем немало хлопот. Но как же она была горда, что все теперь сияло новизной и свежестью.

И все-таки душевной близости у них не возникло. Не было ссор, недовольства, но какая-то еле уловимая отчужденность как поселилась тогда, вначале, так и не исчезла.

Со Стрижовым Наде было проще и ясней, она ощущала его отеческое тепло в каждом слове и жесте, рядом с ним забывала свое сиротство и платила за это горячей искренней привязанностью.

Как-то Стрижов, придя с работы, крикнул Наде:

— А что, Надя, не сварганишь ли ты мне глазунью? Не успел я поесть на работе.

— Хотя кухня и атрибут закабаления женского пола, так и быть, глазунью я сготовлю.

— Атрибут закабаления? Мудрено-то как сформулировано. И кто же тебя этому научил? Полина?

— Это не имеет значения. Важно, что это факт.

— Ну что же, не спорю. Только Полина, по-моему, глазунью от омлета отличить не сумеет. Уж я-то это на собственном опыте познал. Но то, что она тебя так эмансипирует, одобряю. Человек должен быть прежде всего явлением общественным. Сначала для всех, потом для себя. А у многих, Надюша, это не в правилах. Скорее наоборот: и сначала и потом — все для себя.

— Вы кого же это имеете в виду? Это же ужасно, что вы говорите.

— Это я так, Надюшка, своим мыслям отвечаю.

Вечером при разговоре с Полиной он заметил:

— Ты, конечно, продолжай и дальше наставлять Надежду в смысле житейской и особенно женской мудрости, но любовь к порядку, к работе и чистой и черной не высмеивай, а то барыню воспитаем.

Полина, не очень вслушиваясь в смысл сказанного им, вдруг ошарашила его:

— Ты лучше подумай вот о чем: как с ней дальше? Скоро школу окончит. А то все шуточки да забавы: «Надька, ты настоящий помощник, Надька, ты отличный парень». А она, между прочим, настоящей девкой становится. И пора думать, что с ней и как с ней. Ты же у нас и папа и мама.

— А чего тут особенно думать? Дивчина она самостоятельная, собирается по нашей стезе идти, об архитектурном мечтает. Вот и пусть.

Полину Дмитриеву было трудно упрекнуть в чем-либо. Но только сама Полина знала истинную подоплеку этого разговора. Надя росла. Из неуклюжего подростка становилась стройной, хорошо сложенной девушкой с отличной спортивной фигурой, гривой золотисто-каштановых волос и задумчивыми серыми глазами. Увидела как-то Полина в зеркало себя и ее одновременно и невольно задумалась.

Полина была еще хороша собой, она это знала. Но знала и другое: лунный свет при солнечном блекнет. За Стрижова она была спокойна — он однолюб, щепетилен до крайности. Но современные девчонки — это особый народ. Далеко ли до греха? А Надька в Стрижове души не чает, он для нее — идеал. Слова плохого о дяде Толе при ней не скажи — чуть в драку не лезет.

Не знал этих подспудных мыслей Полины Стрижов, а если бы узнал, то не было бы предела его удивлению и гневу. Ведь только в воспаленном воображении можно о нем и Надюхе подумать такое.

Надя, конечно, тоже не догадывалась, что беспокоит Полину Дмитриевну. Да и не до этого ей было. Затеяли они всем классом двинуться на Дальний Восток. Писали письма в Хабаровск, Москву, посылали куда-то телеграммы, звонили по телефону... И добились-таки своего: уехали под Артемовск, там организовали комсомольский леспромхоз. Вернулась Надежда из дальних странствий через два года и с гордостью показала зачетную книжку студентки-заочницы.

— Ну а теперь? Будем переводиться на очный? Имеем, так сказать, полное право. Так ведь?

— Не совсем так, дорогой папа-мама. Буду продолжать учебу на заочном.

— Почему же, если не секрет?

— Зарабатывать мне пора, Анатолий Федорович. Я уже взрослая. Негоже мне за вашей широкой, хоть и такой доброй спиной жить.

Целый вечер обсуждали они эту тему, но переубедить Надю оказалось невозможно. Удивительно самостоятельным становилось это существо.

— Ладно, раз так надумала, пусть будет по-твоему. А куда же пойдешь работать?

— Пока еще не решила. Как надумаю что-либо, посоветуюсь.

Вскоре после этого разговора Стрижов был в столице у старого приятеля отца академика Пчелина. Засиделись долго. Захотелось по чашке чаю выпить. Пчелин сам стал хлопотать с заваркой.

— А что же ваш секретарь о вас не заботится?

— Замуж вышла наша Зина и отбыла за рубеж. А новую пифию кадры пока не подобрали.

— Хочешь, я порекомендую отличного секретаря?

— Ведьму какую-нибудь?

— Не скажи. Свою воспитанницу. Замечательный парень, то есть девка, конечно. Да ты ее видел как-то у нас, мы же соседи.

— Помнится, прыгала пигалица какая-то.

— Подросла уже. И по нашей стезе идет. В архитектурном учится. Полезно ей будет около вас ума поднабраться.

— А не боишься ее под мое начало отдать?

— Не столько на вас надеюсь, сколько на нее.

— Ну и нахал. Ладно, присылай завтра, посмотрю... Но если фифочка какая-нибудь, не обессудь, не возьму.

— Да вы с ходу влюбитесь в Надежду, даю слово.

— Ладно-ладно. Не суди о других по собственным порокам. Ошибиться можно.

Возвратившись в Приозерск, Стрижов рассказал Наде о своем разговоре с Пчелиным. Но предложение это Надя решительно отвергла.

— Не подойдет, Анатолий Федорович. К академику — очень уж ответственно. Да и где я там в столице жить буду? Опять же и вас с Полиной Дмитриевной оставлять нельзя. Вы без меня обязательно поссоритесь. А на работу я уже устроилась. И притом в вашем же институте. Так что мы с вами теперь не только соседи, но и коллеги.

— А я-то наобещал академику, расхвалил тебя. Неловко вышло.

Надя задумалась лишь на мгновение.

— Эврика, Анатолий Федорович. Рекомендуем туда Зойку.

— Это что еще за Зойка?

— Зойка Судачкова, подружка моя. Мы с ней вместе закалялись под Артемовском. Очень хорошая девчонка. Куда серьезнее меня. Да знаете вы ее. Была у нас. Ну, черненькая такая. Вы как-то еще подсмеивались над ее «лошадиным хвостом».

— Как бы не подвела нас твоя Зойка. Пчелин человек серьезный.

— Да что вы, Анатолий Федорович. Зойка золото, а не девчонка.

— Ладно.

Так Надя Кравцова осталась в Приозерске. Зарекомендовала себя серьезной, вдумчивой сотрудницей сектора инженерных сооружений. В институте души в ней не чаяли, руководитель группы ждал только защиты Надей диплома, чтобы поручать ей ответственные узловые разработки.

Со Стрижовыми Надя виделась теперь больше в институте, чем дома. Вечерами и в выходные дни она пропадала то у подруг, то в библиотеке, домой не спешила. Невесело стало последнее время в их квартире. Не ладились здесь дела семейные. Надя видела это и старалась быть в стороне от постоянных ссор Полины с мужем. Правда, несколько раз она пыталась вносить в дом, в его тревожную, мрачную атмосферу нотки радости и света. То затеет приготовление каких-нибудь диковинных блюд, то притащит торт и организует всеобщее чаепитие, то затащит обоих Стрижовых к себе и предложит им послушать только что купленные пластинки.

Это утихомиривало страсти, но ненадолго. Через час или два все начиналось сызнова.

...Все эти дни Стрижова среди других волнений мучительнее всего терзало беспокойство, как бы Полина не наговорила каких-либо оскорбительных слов при встрече с Надей. Ему было бесконечно стыдно за дикий вымысел, что придумала Полина, и неудержимо хотелось как-то предупредить Надю, подготовить ее к возможным нападкам Полины.

Но несколько дней подряд Надя приходила поздно, и

Стрижов не решался ее беспокоить. Сегодня она была дома, и Стрижов постучался. Надя откликнулась бодрым, спокойным голосом:

— Анатолий Федорович? Вы хотите зайти? Тогда одну секунду.

— Я хочу поговорить с тобой, Надюшка. Выйди сюда, пожалуйста.

— Опять баталия? — спросила она, выходя из комнаты.

— Очень хорошо, что ты оказалась избавленной от этого бедлама.

— Когда я становлюсь свидетельницей ваших сцен, невольно хочется дать обет безбрачия. Я сочувствую вам, Анатолий Федорович. Большего я, к сожалению, сделать не могу.

Сказано это было тихо и с такой неподдельной искренностью, что Стрижова пронзила какая-то щемящая, неосознанная тоска и глубокая жалость к себе. Он хотел понять, разобраться в этом ощущении, хотел еще о чем-то спросить Надю, но в дверь позвонили.

— Ну вот, видимо, и Полина Дмитриевна вернулась, — предположила Надя.

— Нет, вряд ли. Если она и вернется, то не скоро. Это, наверное, Сергей. И, видимо, к вам, я-то никого не жду.

— Но я тоже его не приглашала.

— Все продолжаете морочить друг другу голову?

— Ваш печальный пример учит предельной осмотрительности.

Стрижов, направляясь к двери, с грустью заметил:

— Если чувства настоящие, Надюша, то все бывает иначе. Ну, что я говорил? Сергей собственной персоной.

В прихожую вошел высокий, чуть сутуловатый парень с целой гривой черных как смоль волос.

— Проходи, будь как дома. Мы вот спорим с Надей, кому из нас принимать тебя.

— Ну, Надя, конечно, постаралась отделаться от такого гостя. Я угадал, Надя?

— Угадал. Для этого большой сообразительности не нужно.

— Но все-таки угадал.

— Значит, умственно растем. Хоть и медленно.

Надя Кравцова и Сергей Коваленко были знакомы уже более года и впервые встретились здесь же, в этой самой прихожей, где стояли и пикировались сейчас.

Стрижов пригласил тогда Сергея Коваленко к себе. Понравился ему этот кудлатый москвич. Говорил мало, но смело и умно. Вели они тогда привязку механического цеха керамзитового завода и застряли с расчетами. Стрижов попросил Коваленко зайти к нему вечером домой, чтобы вместе «добить» расчеты.

— Согласен зайти. Но хочу взятку.

— Даже так? Какую же?

— Вон журнальчик у вас со статьей Пчелина. Дайте прочесть.

— Это можно. Такую взятку даю с удовольствием.

Поздно вечером Коваленко заявился к Стрижову. Под мышкой он держал объемистый рулон каких-то чертежей. Подслеповато щурясь сквозь очки, проговорил:

— У вас гости, Анатолий Федорович? Да и поздно вроде. Может, мы перенесем наше рандеву на завтра?

— Это не гостья, Сережа, а хозяйка. Наша сотрудница и наша соседка Кравцова Надежда. Вы, видимо, просто не успели познакомиться. А это,— обратился Анатолий к Наде,— Сергей Коваленко. Ромашко вытащил его из самой столицы. Работаете под одной крышей, так что знакомьтесь. Да ты не смотри, Надя, на него, как на невидаль. Он стиляга только с виду, а так парень ничего. Гением назвать не могу, но согласен с Ромашко — голова, кажется, на месте. Проходите в комнату,— пригласил Стрижов Сергея и Надю.

Смущенный Коваленко покорно побрел за Стрижовым, Надя бросила на ходу:

— Анатолий Федорович, я сейчас приду.

Стрижов добродушно усмехнулся:

— Вот видите, что значит в квартире настоящий мужчина появился — соседка уже пошла перышки приглаживать.

Коваленко, однако, был настроен деловито.

— Я сделал все расчеты по механическому. Вроде все в ажуре теперь. Взгляните.

Стрижов быстро пробежал листы с расчетами и удовлетворенно проговорил:

— Все правильно. В общем, вы зря хлеб есть не будете.

— Спасибо.

— Ну, а новую-то статью «Теория архитектурной композиции» прочел? Понравилась?

— Вы знаете, очень.

— Ну так ведь это Пчелин. Умница. Старик, каких мало.

Надя вошла в комнату и молча слушала их разговор. Стрижов, увидя ее, всполошился:

— Ой, мы увлеклись с вами, а про даму-то и забыли. Вот что, молодежь, пойду-ка я кофе сготовлю.

— Может, этим займусь я? — предложила Надя.

— Нет-нет, я сам. Три позиции из кулинарного искусства у меня получаются отлично. Умею жарить колбасу, варить сосиски и готовить кофе, но растворимый.

Сергей рассмеялся:

— Познания завидные.

— Вы не верьте ему. Анатолий Федорович все может.

Стрижов вздохнул:

— Если бы, Надюша, если бы. Иногда подумаю: жизнь почти прожита, а как много еще не умею. Сергей, смотрите, чтобы Надя у вас тут не скучала.

— Лучше бы вы мне кофе поручили приготовить.

— Боитесь? — с ехидцей спросила Надя.

— Боюсь.

— Я, между прочим, не кусаюсь.

— И на том спасибо, — улыбнулся Сергей. — О чем будем говорить?

— На ваш вкус.

— Тогда, может, о комарах? Говорят, их что-то многовато развелось в некоторых городах. Даже центральные газеты пишут.

— Можно и о комарах. Тема тонкая.

— Не исключено бедствие. Не шутите.

— А я и не шучу. Но есть и более животрепещущие проблемы. Я слышала, что последняя страна, дававшая приют хиппи, — Кения — запретила отныне въезд длинноволосым.

— Да что вы? И туда цивилизация проникает. И почему же они так?

— Опасаются, что охотники могут спутать их с обезьянами.

— Да, опасность реальная. А я-то, по совести говоря, собирался как-нибудь заглянуть в Найроби.

— Не надо. Не советую. Подстрелят еще.

— Придется подумать. Хотито одну потрясающую новость?

— О нашествии каких-нибудь грызунов?

— Нет. Я хотел сказать, что вы мне нравитесь.

— Да? А вы мне нет,— отрезала девушка.

— Странно. Это почему же?

— Не люблю патлатых.

— Спасибо за откровенность. Только вы очень поспешили. Я вам обязательно понравлюсь. Вот увидите.

— Думаю, ошибаетесь.

— Вы даже влюбитесь в меня.

— Даже? Но вы старательно уменьшаете эту возможность.

— Тогда я замолкаю. Пусть останется хоть один шанс.

Сергей подошел к книжному шкафу, наугад вытащил какую-то книжку.

— Кафка... Занятно... Читали? — спросил Надю.

— Читала.

— Ну и как?

— Что «и как»?

— Понравилось?

— Нет. Зауми много. А вы, конечно, в восторге?

— Почти.

— Объясните почему?

— Ну как это почему? Нравится, и все.

— Очень интересная аргументация.

Когда Стрижов вернулся, Сергей рылся в его книгах, а Надя уткнулась в чертежи, что лежали на столе.

— Ну как? Познакомились, коллеги?

Сергей усмехнулся:

— Беседа, как это говорится в разных коммюнике, прошла в дружественной обстановке с полным взаимопониманием сторон.

— Анатолий Федорович, я вас хочу предупредить: если вы с такими вот длинногривыми «служителями» архитектуры будете мудрить над своими проектами, все они обречены на неудачу.

— Надюша, попридержи свои стрелы,— попросил Стрижов,— насчет косм мы действительно впереди моды прыгаем, но порох у нас есть. Так что не спеши.

Коваленко тут же нашелся:

— Я ей тоже говорю: Коваленко клад, а не парень. Не верит.

— Ну хватит состязаться в остроумии, давайте пить кофе,— утихомирил их Стрижов.

После этой встречи Надя глубоко запала в душу Коваленко, и он постоянно ломал голову над тем, как привлечь ее внимание. По натуре своей он был мягким и робким в отношениях с людьми, особенно с женщинами, а свою застенчивость прятал под маской грубоватой развязности. Стрижов давно заметил эти черты его характера и как-то, в ответ на тираду Сергея о низменных свойствах второй половины рода человеческого, заметил ему:

— Вам сколько уже? Третий десяток на исходе? Немало. А взрослеете медленно. Это от беззаботности.

— Счастливое поколение, пользуемся готовыми благами.

— В ваши годы полагается быть взрослым для любого поколения.

Коваленко отшучивался, но слова Стрижова задели его. Он съязвил:

— Вот откуда и у Нади ко мне такое недоверчиво-снисходительное отношение. Хорошо, Анатолий Федорович, отныне я буду обретать солидность. Может, это ее тронет?

Да, Сергей пока не мог похвастаться, что заинтересовал Надю. Они встречались, ходили иногда в кино, на танцы, два или три раза ездили на какие-то экскурсии. И все-таки дальше шутливо-товарищеских отношений дело не шло.

Вот и сегодня их беззаботная перепалка длилась бы, видимо, и дальше, но вмешался Стрижов:

— Ты что, Сергей, пришел, чтобы пикироваться с Надеждой? Что вам, больше заняться нечем?

Сергей не споря согласился:

— Это она меня всегда заводит. Зашел-то я, собственно, к вам. Ну и к ней, конечно. Вы слышали новость?

— Какую? У нас каждый день какие-нибудь новости. Делись своей.

— Да вы, видимо, знаете.

— Может, знаю, а может, и нет.

— Архитектурный совет перенесли. То огромное объявление, что возвещало о приезде Метлицкого, Пчелина и многих других светил, заменено, теперь висит другое — дата совета, мол, будет объявлена особо.

Стрижов реагировал на новость спокойно:

— Что ж, это хорошо. Значит, серьезно решили обсудить застройку Левобережья Серебрянки.

— А чего хорошего?— взъерошился Коваленко.— Все равно будут курить фимиам допотопным халупам Шуруева и Круглого, превозносить до небес примитивные изменения в планировке застройки, что срочно, с великими потугами рождает Глеб Борисович со своими подручными. А высокие авторитеты будут использованы для придания весомости собираемому хуралу и его решениям.

— Как раз эти высокие авторитеты могут испортить всю их обедню. Лишь бы успели разобраться, что к чему.

— Могут, только их не для этого зовут. Чтобы разобраться, надо кое-что посмотреть, почитать, да и посчитать тоже, а для этого время надо.

Надя, прислушивавшаяся к их разговору, тоже, как и Сергей, с трудом сдерживая нервозность, проговорила:

— Неужели все-таки Шуруев с Круглым протащат эти свои незавершенные опусы? Ну ладно — у нас. А там, выше? Я уж не говорю о специалистах. Любому маломальски грамотному человеку видны все изъяны в их так называемом эскизе и в каркасно-панельном детище.

И Сергей и Надя ждали ответа Стрижова, ответа прямого и ясного и, в сущности, далеко выходящего за рамки проблемы левобережной застройки. Речь шла о большем. Что восторжествует: правда или неправда? Интересы дела или интересики небольшой группы людей? Честность и принципиальность или ловкачество? Стрижов долго молчал, собираясь с мыслями. Он прекрасно понял, что хотят услышать от него. Суховато, но убежденно ответил:

— Ну что же... Может случиться и так, что совет нашего института пойдет на поводу у Шуруева и Круглого. Может. Но ведь на одном архитектурном совете приозерского Облгражданпроекта свет клином не сошелся. В общем, я верю, убежден, что в конце концов будет принято разумное решение.

Сергей саркастически улыбнулся:

— Блажен, кто верует.

— А я верующий, Сережа, верующий. В себя, в тебя, в Надю. В Ромашко и других ему и вам подобных. Без веры в людей жить невозможно. Извините меня за эту, в сущности, всем хорошо известную сентенцию.

Потухли фонари на засыпающих улицах Приозерска, заглохли голоса прохожих. Все реже и реже шелестели машины по асфальту.

Надя пошла проводить Сергея, и Стрижов остался один. Не получилось сегодня задуманного разговора с Надей, но он был даже рад этому. В спорах с Сергеем, да и с Надей тоже, в пикировке с ними, пусть хоть временно, но как-то притупились, ушли на задний план его личные переживания, его бесконечно тягостные мысли о своих неудачах, о разрыве с Полиной. Более того, колючие замечания и вопросы Сергея не только позабавили, но и всерьез озадачили Стрижова. Он еще раз убедился, что в институте есть немало людей, которые очень заинтересованно относятся к его позиции и ждут, чем же кончится его сопротивление проекту Круглого и Шуруева. Стрижов не знал причин переноса архитектурного совета, но интуитивно догадался, что руководители института решили идти на этот совет наверняка и будут готовиться к нему предельно тщательно.

НА АРХИТЕКТУРНОМ СОВЕТЕ И ДО НЕГО...

Весь институт уже знал, что состоялось решение правительства республики о реконструкции Приозерска и застройке Левобережья. Интерес к разработкам группы Круглого теперь повысился как никогда. В дирекцию института, в партбюро приходили работники института со своими предложениями, сомнениями, задумками. Вадим Семенович внимательно выслушивал посетителей, соглашался, что дело действительно чрезвычайное и ответственное, и приглашал всех принять участие в предстоящем архитектурном совете.

— Там все обсудим в подробностях...

Накануне совета собралось партийное бюро, чтобы заслушать информацию Шуруева.

— Вопрос серьезный, им живет весь институт, так что давайте поговорим о наших позициях на совете,— объяснил Шуруеву секретарь партийного бюро Куприянов.

Заседали долго, до поздней ночи, однако решением бюро остались недовольны многие.

Стрижов настаивал, чтобы партийное бюро официально признало проект планировки и тип домов непригодными для Левобережья. Шуруев доказывал достоинства проекта,

особенно налегая на то, что областное руководство намерено начать работы уже в будущем году.

— Даже человеку несведущему ясно,— вполне резонно говорил он,— что в оставшиеся сроки новый проект разработать невозможно. Что касается типа домов, то по этим проектам они уже строятся, и не только в Приозерске. У заказчиков претензий к ним нет — тогда о чем же речь? Почему мы должны сами охаять эту модель, подвергнуть ее сомнению? Только потому, что она не нравится товарищу Стрижову и его единомышленникам?

Несколько членов партийного бюро были согласны с Шуруевым, другие указывали на явные пороки дома: неудобная планировка, однотонность фасада, плохая звукоизоляция и многое другое. Партбюро поручило руководству института объективно доложить на архитектурном совете все плюсы и минусы предполагаемого проекта. Подробно изложить направления, по которым будут вестись доработки.

С заседания бюро Стрижов возвращался хмурый и недовольный. Шедший рядом с ним секретарь партийного бюро Куприянов увещевал его:

— Ты что вроде в воду опущенный? Выше голову. Дела-то предстоят немалые.

— А с чего, собственно, веселиться? Раз проект выносится на архитектурный совет с одобрения партийного бюро,— это уже, знаешь ли, не шутка. Шуруев есть Шуруев.

— Но мы же проект критиковали.

— Критиковали. И все-таки выносим на совет.

— Ты пойми, Анатолий. Конечно, проект не очень хорош, но ведь это не проект, а эскиз. Кроме того, другого-то пока нет. С домами — та же история. Нет их, других-то. А сроки, сам знаешь, железные.

— Ну как же нет? А разработки группы Ромашко? Дома же куда лучше, чем то, что вы одобряете.

— Что это ты за Ромашко ратуешь? Вы что, друзья, родственники? Или интерес какой есть?

Стрижов остановился удивленный.

— Куприянов, ты что?

— Я-то ничего, а другие могут подумать. И потом, если проекты группы Круглого хоть и в эскизах, но реальное дело, то у Ромашко твоего только наброски. Пока лишь идеи, так сказать. Это — журавль в небе. Год, не меньше, понадобится, чтобы довести их до дела.

— И потому проталкиваем явный брак? Разве это позиция? А что касается причины, почему я ратую за предложения Ромашко, то она одна — они лучше, чем у Круглого. И все. А что Круглый и его компания придумают что-то новое и интересное, сомневаюсь.

Куприянов вздохнул.

— Убедить тебя, Стрижов, трудно, я знаю. Но учти, что далеко не все думают так, как ты. Многие думают иначе.

— Ну как же, Шуруев и Круглый, например. Ты вот тоже. Да еще заладили, что сроки поджимают. А это убеждает.

— Но ведь они действительно предельно коротки.

— Сроки устанавливают люди, а не бог Саваоф. Нет, товарищ Куприянов, ты меня не убедил. Драться надо, а не пасовать.

— А мы и не пасуем. И решили разумно. Пусть Круглый и Шуруев, да и все, кому поручен проект, думают, как его улучшить. А это немало. Ну, а если к лучшему он не изменится, то мы еще вернемся к нему. Честь мундира защищать не будем.

Стрижов вздохнул:

— Подождем — увидим. Но я и с такой позицией не согласен. И буду толкаться во все двери, в какие только смогу.

— Устав партии дает вам это право, Стрижов,— сухо ответил Куприянов, и они распрощались.

Вадим Семенович Шуруев был человеком достаточно опытным и понимал, что любое дело требует организаторских усилий. Если хочешь, чтобы оно не закончилось холостым выстрелом, то надо приложить энергию, сноровку, настойчивость.

Он хорошо знал, что немалая часть работников института к предлагаемому эскизному проекту планировки Левобережья относится отрицательно. И если дать укорениться этим сомнениям в самом институте, то каких же итогов можно ожидать от его обсуждения в областных, тем более в республиканских, организациях? Шуруев давно уже решил, что конец этим сомнениям положит архитектурный совет. Положительное мнение архитектурного совета — фактор немаловажный, на него можно будет серьезно опереться при споре в любой инстанции. А то, что решение будет принято, какое нужно, он не сомневался.

Правда, ход обсуждения этого дела на партбюро несколько поколебал эту уверенность, но, поразмыслив, он успокоился. В конце концов бюро не выступило против проекта, а поручило объективно доложить его достоинства и недостатки. А это они сделают.

Круглый же был настроен более мрачно, его одолевали сомнения и страхи за исход архитектурного совета. Он дважды приходил к Шуруеву, уговаривал его подождать с обсуждением проектных предложений еще хотя бы неделю-две.

— Немного обождать, конечно, можно. Но дни-то бегут. Через месяц-два нас спросят: ну, что надумали? Что можете предложить? Как ответим? Мол, все пребываем в сомнениях, споры да дискуссии продолжаем? Нет, Глеб Борисович, я не привык так. Ладно, на недельку оттянем, но надо, чтобы совет этот прошел как должно, чтобы был представительным по составу, чтобы говорились на нем разумные вещи...

— Все равно набросают на нем разных там замечаний и предложений столько, что от проекта рожки да ножки останутся.

— А ты хочешь только дифирамбы слушать? Такого не будет. Пусть покритикуют, ничего. Важно, чтобы он, совет, в принципе положительно высказался. А замечания пусть будут. Ты их не оспаривай. Разумное учтем, неразумное забудем.

Шуруев знал, что его слово в институте решающее. Знал, что и в столь большом и ответственном деле, как застройка Левобережья, он может добиться от совета нужного решения. И твердо верил, что добьется. Но хотел, чтобы это не выглядело как угода его мнению, а было выражением свободного мнения архитектурной общественности.

Он вызвал Раису Львовну, свою давнюю помощницу, приказал оповестить всех о переносе совета и решил с максимальной пользой использовать эту неделю. Лично обзвонил многих членов совета, приглашая их принять участие в заседании. Опять-таки лично переговорил с наиболее ответственными работниками института, объяснив им сложившуюся ситуацию, посетовал на трудность проблемы, стоящей перед институтом, учитывая предельно сжатые сроки, установленные областными организациями. Ему же принадлежала мысль пригласить на совет Метлицкого. По проектам Модеста Петровича когда-то строи-

лись целые жилые массивы и города. И даже сейчас, когда его возраст давал ему право на покой, Модест Петрович был завален проектами, чертежами, планами. Он консультировал, советовал, поддерживал, распекал. Одним словом, имя и мнение Метлицкого все еще значило очень много.

Накануне совета Шуруев пригласил Круглого.

— Ну как у вас с Модестом Петровичем?

— Все в ажуре, патриарх будет. Лично доставлю.

— Доставить мало. Надо Модесту Петровичу подробно объяснить ситуацию, наши соображения.

— За это вы, Вадим Семенович, не беспокойтесь.

— Ну хорошо. А сейчас у меня будет Стрижов. Попытаюсь урезонить его. Большого числа сторонников, думаю, он у нас не найдет.

— Носитесь вы с ним как с писаной торбой.

— А что делать? Вы же можете только горшки бить.

Вадим Семенович посмотрел на часы. Начало двенадцатого. Стрижов, наверное, уже в приемной. Шуруеву вдруг тоскливо подумалось: ни черта я его не уломаю. Неподдающийся он какой-то. Потом упрекнул себя: что это я вроде боюсь его? Черта с два. Не таких видывал. И верно. Вадим Семенович бывал в самых различных передрягах. Чего только не бывает в архитектурно-строительном деле! Сегодня дадут орден, а завтра, глядишь, с работы снимут. Так что Шуруев видел многое. И в другой раз он и сам бы затеял спор, не одну дискуссию по Левобережью. Но сейчас ведь шла речь в значительной мере и о его детище. И он уже не допускал мысли, что вопрос об этой застройке может быть решен как-то иначе.

Шуруев нажал кнопку селектора. Послышался голос Раисы Львовны:

— Слушаю, Вадим Семенович.

— Я приглашал Стрижова.

— Он здесь, ожидает вызова.

— Пусть зайдет.

Стрижов вошел, остановился у стола Шуруева.

— Я слушаю вас.

— Садитесь, Анатолий Федорович. В двенадцать — архитектурный совет. Так вот, хочу еще раз изложить вам свои соображения, касающиеся застройки Левобережья.

— А зачем, Вадим Семенович? На партбюро мы с вами обменялись мнениями, они диаметрально противоположны. Наверное, и на совете мы оба будем отстаивать свои точки

зрения? Зачем же вам отдельно на меня тратить аргументацию?

— И тем не менее я хочу это сделать.

Вадим Семенович коротко, логично и, надо отдать ему должное, убедительно изложил все плюсы проектных предложений группы Круглого. Не скрывая, назвал и минусы. И все доводы — и положительные, и отрицательные — крупно записал в большом блокноте, что лежал перед ним.

— Вы видите, что получается?— спросил он у Стрижова, показывая на свой блокнот.

— Вижу, я давно уже наблюдаю за вашей изобразительной статистикой.

— Следовательно, усмотрели ее итог. Семь плюсов, четыре минуса. Убедительно, не правда ли? Я почему вам толкую все это? Чтобы вы поняли, что ваши соображения поддержки у архитектурного совета не найдут. А раз так, то зачем огород городить?

Стрижов суховато спросил:

— Но если вы заранее предвидите решение совета, то почему опасаетесь моих возражений?

—Я не опасаюсь. Но не хочу, чтобы на работы института уже на предварительной стадии пала тень сомнений. А предложения наши, если смотреть объективно, не так уж плохи. И жаль, что вы один, или почти один, не видите этого и будете необоснованно их порочить.

— Я никого и ничего не хочу порочить. Я лишь возражаю против представленной планировки и против избранного вами типа домов. И так думаю не только я один. Вы же знаете, какие страсти разгорелись на партийном бюро. И его решение, кстати, вас ко многому обязывает.

— Все, что можно,— учтем. Но дело это государственное, общественность пусть не давит.

— Дело государственное, это верно. И именно поэтому оно должно быть решено по-государственному. Надо внимательно рассмотреть все соображения. И те, что за, и те, что против.

— А как же? Обязательно. Мы внимательно, очень внимательно все рассмотрим. А потом, конечно, одобрим представленные группой Круглого предложения. Очень прошу вас тоже содействовать такому решению. И уверяю вас, Анатолий Федорович, неплохой район появится в Приозерске.

— Вадим Семенович, я никогда не даю обещаний, которые не могу выполнить.

— Качество похвальное, но не к данному случаю. Здесь вы просто ошибаетесь. Даже Ромашко не настаивает на ином решении.

— Ну, Дмитрий Иванович не боец, он на абордаж не пойдет.

— И правильно сделает. Зачем попусту тратить силы?

Оба замолчали. В этот момент вошла Раиса Львовна.

— Звонит супруга Метлицкого. Просит сообщить, во сколько мы вернем ей Модеста Петровича.

— Ну как во сколько? Как кончится заседание,— ответил Шуруев.

Стрижов улыбнулся:

— Пожалели бы старика. Он покой заслужил.

— Ничего. Он даже рад, что пригласили. Пчелин тоже обещал приехать, боюсь только,— не выберется.

— Одним словом, все силы мобилизовали.

— Париж стоит обедни.

— Узнаю вашу хватку, Вадим Семенович. Думается только, что она... достойна лучшего применения.

Шуруев, положив руку на плечо Стрижова и направляясь с ним в зал, ответил:

— На войне как на войне, Анатолий Федорович. А вы подумайте, подумайте. Время еще есть. Для умных людей думать логично и конструктивно — не значит думать долго.

Демонстрационный зал, где обычно собирался архитекторный совет проектного института, представлял собой большое, просторное, строго отделанное помещение без какого-либо лишнего убранства. Широкие окна, белые стены с накрепко вделанными кронштейнами для развешивания чертежей, планшетов, схем. В середине — огромный стол, около него — десятка три ярко-оранжевых стульев. На столе разместился макет будущей застройки. Искусно сделанный из белого пластика и органического стекла, он выглядел внушительно.

Уже к половине двенадцатого зал был полон. Люди толпились около схем, макетов, эскизов. Обменивались мнениями: «Горизонт-то съеден, нет горизонта. Да, да. И рельеф не использован». «А центральная магистраль получилась неплохо. Совсем неплохо».

Раиса Львовна торопливо лавировала между членами совета, уточняя вполголоса то у одного, то у другого, будет ли выступать? И ставила галочки в своем блокноте.

Шуруев, войдя в зал, окинул его пристальным оценивающим взглядом, словно генерал будущее поле сражения. Около макета застройки он заметил старика Метлицкого. Положив подбородок на трость, тот пытливо всматривался в панораму проектируемого микрорайона. Шуруев поспешно направился к нему.

— А я-то вас жду в кабинете, Модест Петрович. Очень, очень рад, что выбрались к нам.— И недовольно бросил Круглому и Раисе Львовне: — Надо было сначала ко мне.

Метлицкий долго, подслеповато смотрел на Шуруева и прошамкал:

— Здравствуй, Ванюша. А ты еще ничего, держишься. Как Надежда Кирилловна? Скрипит?

— Ошиблись вы, Модест Петрович.— Вадим Семенович оглянулся кругом, поморщился.— Шуруев я, Шуруев.

Метлицкий нахмурился, напряг память.

— Шуруев? Ах да, Шуруев. Сон мне тут как-то приснился. Будто Москву стеклянной крышей перекрывать собираются. Фантастика, думаю. А вскоре звонок — к тебе приглашают. Какой-то грандиозный проект обсуждать. Сон-то, оказывается, в руку. А?

— Ну, со столицей нам тягаться трудновато, однако...

Метлицкий, показывая на макеты, спросил:

— Ваши творения?

— Наши, наши, Модест Петрович. Очень это расчудесно, что вы их посмотрите. Каждое слово ваше запишем и учтем.

Шуруев снова оглядел зал.

— Так, может, начнем? Не возражаете, Модест Петрович?

— Как знаете, как знаете.

Участники совета, стараясь не очень греметь стульями, усаживались на места.

Шуруев взял в руки микрофон.

— Нам предстоит, товарищи, обсудить один, но очень важный вопрос. Принято решение о реконструкции нашего областного центра и строительстве нового жилого района в объеме примерно пятисот тысяч квадратных метров. Дело, как видите, исключительно ответственное, а если учесть предельно ограниченные сроки, которые нам даны, то и довольно сложное. Если Приозерск мы будем приводить в порядок не год и не два, будем располагать временем для того, чтобы семь раз отмерить и один раз отре-

зать, то с новой застройкой дело обстоит несколько сложнее. Мы очень остро нуждаемся в жилье, и областные и городские организации считают, что возведение первой очереди нового района начинать надо уже с будущего года. Конечно, это вовсе не значит, что мы будем строить что-нибудь и как-нибудь. Нет и еще раз нет.

Мы должны будем создать такой жилой массив, чтобы он добрую сотню лет радовал взоры людей. Видимо, мы под эту застройку отведем левый берег Серебрянки и берег озера Тростникового. Назовите мне лучшее место для такой благородной цели. Так грешно же будет застроить такое раздолье без истинной красоты и трепетного вдохновения... По поручению руководства института проектная группа, возглавляемая Глебом Борисовичем Круглым, некоторое время назад начала в предварительном плане готовить свои соображения по новому жилому комплексу. Нам представлены эскизный проект планировки Левобережья, система инженерных коммуникаций, предварительная схема транспортных связей, система общественного обслуживания... Наконец, вашему вниманию предлагается тип жилого здания, предполагаемого к привязке на Левобережье. Я не собираюсь отбивать хлеб у Глеба Борисовича и не буду характеризовать и анализировать плюсы и минусы представленных работ. Хочу лишь еще раз подчеркнуть, что проектная планировка, как и все материалы, представляется в предварительном, консультативном порядке. Учитывая, однако, огромное значение предстоящего дела, напоминаю о нашей с вами ответственности за него и призываю отнестись к предстоящему разговору со всей возможной серьезностью. Если члены совета не возражают, я предоставляю слово товарищу Круглому.

Круглый взял указку, подошел к основному планшету и, после небольшой паузы, сдерживая волнение, начал свое сообщение:

— Участникам сегодняшнего форума наглядно, так сказать, представлены все необходимые материалы.— Круглый показал на обвешанный схемами зал.— Поэтому пространного доклада я делать не собираюсь. Позволю напомнить, что уже подчеркивал Вадим Семенович, все это лишь предварительные, эскизные варианты.

Сегодня общепризнано, что система общественного обслуживания в жилых массивах должна дополнять комфорт, который обеспечивает человеку квартира. Фактиче-

ски понятие «жилье» приобрело теперь новое значение и включает в себя представление не только о доме и квартире, но и обо всем комплексе, определяющем уровень бытовых услуг. Рассматриваемый проект планировки жилого массива на Левобережье Серебрянки учитывает опыт строительства жилых комплексов в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе. Разумеется, при этом приняты во внимание местные градообразующие факторы: почва, рельеф местности, климат и другие. Что касается жилых строений, то мы, тоже предварительно, разумеется, предлагаем вашему вниманию новую модификацию сборного каркасно-панельного дома, известного в архитектурно-строительной среде как «СКП-10». В чем его отличие от тех, что возводятся в нашем да и не только в нашем городе? Повышена этажность, она, как мы полагаем, может быть доведена до 12—16 этажей, изменена внутренняя планировка, заново переконструирован санитарно-технический блок...

— Сортиры, надеюсь, не вместе с ванной? — Это неожиданно проскрипел голос Метлицкого.

Возникла пауза, потом в зале раздался смешок. Однако под насупленным взглядом Шуруева оживление в зале смолкло. А Метлицкий продолжал:

— А коридорчики-то... полтора метра? Мы со своей половиной, например, не разойдемся. Значит, придется очередь-график устанавливать, кому и когда идти? И кухня убогая, не повернуться.

— Совершенно точно! — вставил Стрижов.

Шуруев обеспокоенно посмотрел на Круглого. Тот, натянуто улыбаясь, стал объяснять:

— Совмещенных узлов, Модест Петрович, не будет. Коридоры — да, узковаты. Кухня — да, маловата. Таков шаг несущих конструкций.

— А кто вас ограничивал с этим самым шагом?

— Экономика.

— Не то говорите, батенька, не то. — Метлицкий метнул сердитый взгляд на Круглого и замолчал.

С легкой руки старика Метлицкого вопросов посыпалось много: и почему такая этажность, и зачем такое обилие стекла — ведь в Приозерске и морозы сильные бывают, и как со звукоизоляцией...

Круглый начал уже беспокоиться и подумал с тоской, что зря вытащили сюда этого «патриарха», но за столом поднялся Шуруев.

— Хочу дать небольшую справку: проектировщики выполнили точно наши требования — не выходить за принятую среднюю стоимость квадратного метра, сферы же обслуживания несколько расширить.

Но вновь раздался голос Метлицкого:

— Вы, товарищ Круглый, убедительно доказали, как будет компенсироваться малый объем бытовых служб в квартирах. Маленькая кухня? Иди в ресторан. Ванная комната как скворечник,— в бассейн идите. Ну а если я не хочу в этот самый ресторан? И в бассейн не хочу? А хочу в ванну. Или это уже консерватизм? А? — И затем другим, сразу потускневшим голосом продолжал: — Новое, конечно, искать надо. Как же, обязательно. Только чтобы не хуже старого.

Шуруев подбросил Круглому еще один спасательный круг:

— Скажите нам, Глеб Борисович, как в итоге вырисовываются экономические расчеты?

— Мы укладываемся точно в установленные нормативы. Потому-то и возникают некоторые из поднятых сегодня вопросов. Прибавьте нам хотя бы по пятнадцать — двадцать рублей на квадратный метр, и все они будут сняты. Может, раскошелитесь?

Шуруев пообещал с улыбкой:

— После совета скинемся.

Раздался напряженный голос Коваленко:

— У меня есть вопрос.

— Пожалуйста, товарищ.

— Глеб Борисович, как с церковью святой Варвары? И вообще с архитектурным ансамблем Старо-Спасского монастыря?

— Святую Варвару мы не обидим. Застройка не зайдет дальше границ заповедника. Правда, автомагистраль срезает кромку охранной зоны, но немного, триста — четыреста метров.

Коваленко заметил:

— Но ведь загораживаем весь памятник. Никто не увидит церквушку.

— Кому нужна эта самая преподобная Варвара, тот найдет и увидит.

Этот ответ Круглого поддержали смешком, и Глеб Борисович отвернулся от Коваленко, ожидая очередного вопроса.

Коваленко, наблюдая ход архитектурного совета, отме-

чал про себя, как умело Шуруев уводит его от опасных рифов и подводных камней. Делает это живо, с увлечением, расточая свои широкие, добродушные улыбки. Бросилось ему в глаза и то, как нервозно ведет себя Стрижов, с трудом удерживаясь от реплик и вопросов. Конечно, планировка застройки пока не проработана, тип сборно-каркасно-панельного дома «СКП-10» тоже не ахти какая находка. Так думали многие. Но ведь надо-то срочно и без излишеств, потом, в областных и республиканских организациях эти эскизы как будто уже смотрели.

Сергей чувствовал, что опрокинуть предложения Шуруева и Круглого почти невозможно, слишком явным было общее настроение участников совета.

Год работы в этих стенах — срок крайне маленький, чтобы выступать против таких китов, как Шуруев и Круглый. А потом, не будем отбирать лавры у товарища Стрижова, подумалось Сергею, он же хотел сегодня высказать все, что думает по поводу застройки.

Коваленко с некоторых пор чувствовал двойственное отношение к Стрижову. Его немногословность, упорство, независимость суждений по-прежнему тянули к себе. Но эта странная, удивительная привязанность к нему Нади... Как только Сергей вспоминал об этом, сразу же настраивался против Анатолия Федоровича. Вот и сейчас он, тронув Надю за плечо, проговорил:

— Не слышу голоса некоторых ярых борцов за справедливость.

— Не спеши. И оставь этот тон.

— А я бы на его месте вообще промолчал. Какой прок? Не видишь, в каком все умилении? Даже патриарх, кажется, смирился.

— Ты имеешь в виду Метлицкого?

— Ну а кого же?

— Он, по-моему, спит или, во всяком случае, дремлет.

— В его годы мы и дремать вот так собранно и красиво не сумеем. Восемь десятков, дорогая. Это не шутка.

— А я ему не в упрек. Его книги у меня и сейчас каждый день на столе. Просто не пойму, зачем тревожили старика?

— Ну, это же ясно. Раз Метлицкий был на совете, проект обсуждался при нем — значит, зеленая улица обеспечена. Кто же возразит?

Послышался громкий голос Стрижова:

— Прошу слова.

Шуруев, наклонившись к Метлицкому, пояснил:

— Инженер-архитектор Стрижов, один из немногих противников проекта. Со странностями товарищ.

Метлицкий оживился:

— Что? Противник? Как же он здесь-то очутился? Любопытно. Послушаем, послушаем.

Стрижов подошел к столу, положил перед собой небольшой листок бумаги.

— Вадим Семенович считает меня единственным критиком представленных разработок. Думаю, он ошибся.— В зале раздался нестройный шум, послышались редкие возгласы: «Найдутся еще». Стрижов переждал этот малоактивный шумок и продолжал:

— На мой взгляд, проект планировки Левобережья, как и проект дома, рекомендуемого к привязке,— негодны.

Я, к сожалению, ограничен жестким регламентом и потому буду аргументировать эти выводы лишь тезисно, тем более что авторы и основные защитники обсуждаемых разработок с моими доводами уже знакомы.

Если учесть ландшафт отводимой под застройку территории, ее сложный рельеф, то, бесспорно, напрашивается свободная система планировки. Авторы же берут строчный принцип, ставят дома по ранжиру, будто в солдатские шеренги. Архитектурно-планировочная композиция явно неудачна. Ведь именно свободная система планировки обеспечила бы композиционную пространственную связь нового района со старой застройкой Приозерска, с зелеными массивами приречных рощ, с водным зеркалом Серебрянки и Тростникового. Их же водный массив сейчас использован крайне неэффективно. Не может не удивить и расчет авторов на замкнутую систему обслуживания с локальными общественными центрами. Нелогично при строчной системе застройки. Дорого. Но так как я обещал не выходить из регламента, то не буду углубляться в детали. Хочу оставшееся время посвятить совершенно бесспорному вопросу — типу жилья, которое будет строиться на Левобережье. Так вот, предлагаемый авторами дом для Левобережья — плохой. Да, да. Плохой.

Весь зал насторожился, затих.

— Вообще-то,— продолжал Стрижов,— я считаю, что будущее массового жилого строительства за каркасно-панельными и панельными конструкциями. И те и другие, в разной степени правда, позволяют сократить трудоем-

кость, добиться более высокой заводской готовности конструкций, внедрить большую индустриализацию строительного процесса.

— Все это уже хорошо известно,— послышалась из зала реплика.

— Верно,— согласился Стрижов.— И повторил я эту общеизвестную истину затем, чтобы не заподозрили меня в недооценке сборного домостроения. А теперь о доме «СПК-10». И товарищ Круглый, и товарищ Шуруев настойчиво доказывают, что эта модель дома уже оправдала себя, что дома эти строятся и в Приозерске, и в некоторых других городах. Да, строятся. Но это не меняет того факта, что несуразностей в них хоть отбавляй.

— А что конкретно вам не нравится?— спросили из зала.

— Планировка квартир неудобная, санитарно-бытовые службы не выдерживают никакой критики. Нас утешают, что коррективы, которые будут внесены в проект, устранят эти пороки. Да нет же, нет, дорогие товарищи. Чудес ведь, как известно, особенно в проектном деле, не бывает. Передвижкой двух-трех перегородок вы ничего не достигнете и неизбежно дадите жильцам самый урезанный уровень удобств и услуг.

На протяжении всего выступления Стрижова в зале стояла напряженная, настороженная тишина. И в ней раздалась раздраженная реплика Круглого:

— Но я же объяснял, что в каждой жилой ячейке предусмотрено все необходимое для быта. И в достаточно удобной компоновке.

Стрижов живо обернулся к нему:

— Вот этот ваш термин — «жилая ячейка»,— по-моему, очень многое объясняет. Время «жилых ячеек» прошло. Уже сейчас мы стараемся на каждую семью давать отдельную квартиру, а в будущем не к «жилым ячейкам» пойдем, а к просторным и удобным жилым помещениям. Зачем же в новой застройке городить эти соты? Давайте думать о том, чтобы человек уже сейчас имел максимум возможных удобств в своем быту.

Шуруев сокрушенно покачал головой и весомо заметил:

— Ох как нас тянет к старым дорожкам — все должно быть в квартире как на хуторе. Дай волю, даже собственные курятники предусмотрим. Вы правы, товарищ Стрижов, что время диктует свои новые представления о быте, но сами же и опровергаете эту верную мысль. Я думаю,

что нынче не все нужно тащить в жилье. Значительную часть бытовых услуг надо выносить за пределы квартиры. И районы с развитой системой общественного обслуживания уже строятся. Например, Медон-Жоли-Мэ близ Версаля. Там почти все виды услуг — в жилом массиве. А квартира — место отдыха, сна.

— В этом медонском раю бытовые услуги обходятся жильцам во многие тысячи франков, Вадим Семенович.

— Тогда сошлемся на экспериментальные кварталы в столице.

— Хорошие застройки, видел их. Но там, между прочим, бытовые удобства в квартирах не урезаны.

— У вас все, товарищ Стрижов?— Шуруев явно нервничал.

— Нет, не все.

— Нельзя ли покороче? Очень пространно.

— На вопрос об ансамбле Старо-Спасского монастыря Глеб Борисович ответил, что авторы, мол, памятника не обижают. А по-моему, обижаете. А там ведь фрески Феофана Грека.

— Вот уже не думал, что и вы, Стрижов, относитесь к племени неистовых приверженцев старины. У нас их развелось столько, что бедным строителям и нашему брату архитектору ступить по городу не дают.

Круглый сорвавшимся голосом добавил:

— И все эти архивопоклонники патриотическими категориями козыряют. А посмотришь повнимательнее, у некоторых совсем иная подоплека — им новое не по нутру.

— К фанатикам, которые цепляются за каждый крест и решетку, за каждую развалюху, где, возможно, ступал Чацкий или Онегин, я не отношусь,— спокойно, с достоинством ответил ему Стрижов,— но и иванами, не помнящими родства, нам тоже быть не следует.

— Но это же чистейшая демагогия,— поморщился Круглый.

— Почему демагогия? Так можно любую неудобную вам мысль опорочить, под ярлык подогнать.

— Да успокойтесь вы наконец,— нервно выкрикнул Круглый.— Ведь эта самая святая Варвара остается.

— Это не просто святая Варвара, а памятник русской архитектуры семнадцатого века. Единственный в своем роде. Вы же эту жемчужину закрываете сплошной стеной жилых вышек.

Старик Метлицкий одобрительно взглянул на Стрижова.

Шуруев уже с плохо скрываемым раздражением спросил:

— А что же предлагаете? Впрочем... Вы же спец лишь по части критики.

Стрижов после небольшой паузы раздельно произнес:

— Вы, Вадим Семенович, прекрасно знаете, что это не так. По предмету нашего спора есть совершенно конкретные предложения. Я считаю, что на застройку Левобережья следует объявить конкурс. И отобрать действительно лучшие проекты.

— Вот, вот. Давайте затеем конкурсы, обсуждения, дискуссии. Глядишь, год, а то и два уйдут. А нам строить надо, строить.

Шумок во время выступления Стрижова уже возникал не раз то в одном месте зала, то в другом. Сейчас разговоры усилились. И все же чувствовалось, что сторонников его предложения было немного. Конечно, соображения Стрижова во многом справедливы, проект определенно сыроват. Но Шуруев тоже по-своему прав: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Озабоченные рассуждения Вадима Семеновича о сроках, которые поджимают, его соображения по поводу организации работы над проектом, подключение к этому всех сил института находили доброжелательную поддержку участников совета.

Стрижов видел это, чувствовал, понимал и злился на себя, что не смог убедить людей.

В зале раздался голос Коваленко:

— Можно прочесть одну цитату?

Шуруев посмотрел на говорившего. Коваленко держал открытой какую-то книгу.

— Если цитата умная, то почему не послушать?

— Я тоже так думаю. Вот, пожалуйста: «Невозможно дать единого рецепта для столь многообразного и сложного творческого процесса как архитектурное проектирование. Тем не менее лишь тот проект хорош, в котором все подчинено удобству людей».— Выдержав паузу, Сергей сообщил:— Это слова Модеста Петровича Метлицкого.

Метлицкий поднял голову, чуть улыбаясь, посмотрел на Сергея. А тот продолжал:

— С этой мыслью академика трудно не согласиться. Верно ведь? А раз так, то надо очень внимательно отнестись к критике представленных разработок. Разобраться,

насколько они соответствуют своим функциональным, утилитарным задачам — удовлетворению потребностей человека.

Шуруев с сарказмом обратился к залу:

— Кто еще хочет кого-либо процитировать?

— Цитировать я никого не собираюсь, а свое мнение хочу высказать.

Полина Стрижова, говоря это, ожидающе смотрела на Шуруева.

— Пожалуйста, Полина Дмитриевна. Мы, как видите, никого не ограничиваем.

— Хотелось бы, чтобы такой вопрос обсуждался с более принципиальных позиций. Отвечают эскизы проекта современным требованиям урбанизации или нет? Если же мы залезем в бытовщину — сосредоточимся на унитазах и кладовках, то сами не заметим, как за древние пятистенки начнем ратовать. На мой взгляд, направление, что взяла группа Круглого по модернизации «СКП-10», интересно. Может получиться вполне современный тип дома. Конечно, если ставить задачу сооружать хоромы с полным набором сервиса в каждой квартире, то этот проект принимать нельзя. Но не рановато ли идти по этому пути?

Не надо думать, что наши с вами вкусы — это некий эталон совершенства. Может, кому-то и не нужен ресторан, а многим нужен. Бассейн и сауна — кому-то не по нраву, а кому-то как раз впору. И места для приема гостей, и холлы, и спортивные залы современным людям — нужны. Да, да, нужны. И думаю, что если мы выведем многие бытовые услуги за стены квартир, хоть частично освободим людей от докучливых бытовых забот — это хорошо, это нужное и доброе дело.

Когда Полина кончила говорить, Шуруев с улыбкой заметил:

— Советую прислушаться. Это голос не только прекрасного специалиста, но женщины, хозяйки. Факт немаловажный.

Полина, шедшая к своему месту, остановилась.

— Я высказала свою точку зрения как архитектор, Вадим Семенович. В данном случае, я думаю, это более существенно.

— Да, да, конечно. Извините, Полина Дмитриевна. Я целиком с вами согласен.— И обратился к залу: — Кто еще хочет поделиться мыслями?

Желающих как будто не было. Шуруев повторил свой вопрос и, выждав немного, объявил:

— Тогда разрешите предоставить слово второму докладчику — Дмитрию Ивановичу Ромашко. Его сообщение хочу предварить небольшим замечанием. Я лично считаю, что в замыслах группы Дмитрия Ивановича много интересного. Конечно, это пока лишь предварительные наброски, они потребуют немалого времени, чтобы перейти на кальку, в рабочие чертежи. Но думается мне, что некоторые идеи, особенно эскизы компоновки квартир, можно безусловно использовать. Сейчас мы послушаем товарища Ромашко, затем поработаем секционно, а после соберемся и подобьем итоги. Нет возражений против такой организации дела? Нет. Очень хорошо. Пожалуйста, Дмитрий Иванович.

Ромашко знал о своем предстоящем выступлении, готовился к нему. Но ход архитектурного совета его убедил, что, собственно, вопрос о проектных предложениях группы Круглого уже предрешен, никакие другие варианты всерьез разбираться не будут. И, придя к этому выводу, Дмитрий Иванович переключился на другие мысли. Его занимал вопрос, почему все-таки новые микрорайоны так удручающе похожи друг на друга? Вот и проект планировки, предложенный Глебом Борисовичем, тоже повторяет уже много раз использованные композиции. Микрорельеф он почему-то снивелировал, Серебрянку и озеро, в сущности, закрыл от обзора... А если дома ставить группами и каскадом к берегу...

— Вы слышали, Дмитрий Иванович? Ждем вашу речь.

Ромашко с трудом оторвался от своих мыслей, торопливо подошел к столу.

— У нас, конечно, более скромные масштабы и задумки, но тем не менее просили бы посмотреть. Мы работаем над панельным домом. Нам кажется, он ничего... Расчет берем на унифицированные детали. Квартиры имеют перемещающуюся внутреннюю планировку. Схемы, макеты, расчеты основных узлов представлены в малом зале, на пятом этаже. Желающих прошу взглянуть.— И Ромашко первым двинулся к своим чертежам.

Послышались реплики:

— Вот это речь. Цицерон.

— Он прав. Зачем зря воздух сотрясать. Вопрос-то, в сущности, ясен.

— Но все-таки давайте взглянем.

Участники совета небольшими группками двинулись за Дмитрием Ивановичем.

Шуруев, Круглый и еще несколько человек окружили Метлицкого.

— Модест Петрович, как себя чувствуете? Что нам скажете?

Метлицкий сосредоточенно молчал. Потом спросил:

— А сколько домов-то привязывать собираетесь?

— Двадцать пять — первая очередь и двадцать пять — вторая.

— Пять десятков? Две-три штучки бы для начала.

— По две-три штучки, Модест Петрович, теперь не строим. Масштабы не те.

— Да, масштабы теперь совсем другие,— согласился Метлицкий.— Шаги-то действительно стали саженьи. Потому-то надо не сплеча рубить.

Шуруев предложил:

— Пройдемте ко мне, Модест Петрович.

А что за дом из панелей предлагают? Стоит ли смотреть?

— Кое-что интересное в группе Ромашко есть. Но все еще сырое, все пока в карандаше. Как завершим — пришлем вам. Взглянете.

В кабинете Шуруева Модест Петрович выпил стакан крепкого, горячего чая.

— Чай отменный,— похвалил он.— Какие марки и сорта завариваете?

Шуруев было растерялся, подозвал Раису Львовну.

— Чай ваш понравился, Раиса Львовна, расскажите-ка свой секрет.

Раиса Львовна с гордостью стала объяснять. Метлицкий внимательно слушал, а Шуруев с нетерпением ожидал, когда кончится этот обмен кулинарным опытом.

Метлицкий же, аккуратно обсосав лимонную дольку и отодвинув стакан, проговорил:

— Некоторые наши архитекторы все еще живут традиционными представлениями о своей профессии. А задача современного зодчего осложнилась — ему надо организовать пространство. Мы пока плохо уяснили эту азбуку. Да, да, плохо.

— Значит, наши работы вам не очень-то понравились?— с плохо скрытой надеждой получить желаемый ответ спросил Круглый.

Метлицкий, видимо, не совсем расслышал вопрос и продолжал свою мысль:

— Правильно кто-то из молодых сегодня напомнил нам старые истины. Ценность архитектуры определяется не только эстетическими категориями и даже не в первую очередь ими. Полезность — вот главное. Конечно, можно шуметь, что это утилитарность, забвение эстетики и т. п. Но, по-моему, только тот проект хорош, в котором фасад и планировка этажей, оборудование и оснащение, месторасположение в среде и пространстве соответствуют функциональному назначению здания. Надо не забывать, для чего и для кого мы проектируем и строим, человека не забывать...

— Все сказанное вами, Модест Петрович,— торопливо зачастил Шуруев,— мы намотаем на ус. Расскажем об этих соображениях всему коллективу. А если возникнет необходимость, можем ли мы сослаться, что в принципе с нашими предложениями вы согласны?

— Ну а как же! Был? Знакомился? Был и знакомился. Куда теперь подашься. Но вы все-таки не перекрестившись в воду-то не бухайтесь. Подумайте и над планировкой и над тем, чем застроите Левобережье. Пока еще все очень, очень сырое... Я бы не спешил. И даже если не успеваете с конкурсом, то все равно разработайте еще один-два варианта.

Уже у машины Шуруев еще раз спросил:

— Так мы надеемся на вашу поддержку, Модест Петрович?

— Поддерживайте, Шуруев, то, что талантливо и разумно. Бездарность сама пробьется.

Шуруев знал Метлицкого, знал его трудный, суровый нрав. Похвал он от старика и не ожидал. Но эти его слова при прощании настораживали. К себе в кабинет Вадим Семенович вернулся обуреваемый тяжелыми раздумьями.

Греха таить нечего, все это время, пока шли споры и разговоры вокруг предстоящей застройки Левобережья, Вадим Семенович не раз задумывался: а прав ли он, что так настойчиво и неотступно защищает проектные предложения группы Круглого и этот самый «СКП-10»? Не раз спрашивал себя: может, я жалею свою лепту, что внес в этот проект? Потом гневно обрывал себя: что за чепуха. Прежде всего, и этой лепты-то — пустяк. А потом, если найдется что-то лучшее, то я первый отложу в сторону предложения группы Круглого.

Шуруев понимал, что замечания Стрижова и его единомышленников во многом справедливы, и в проекте планировки и в конструкции дома многое не устраивало и его, Шуруева. И он понимал, что конкурс в такой ситуации — лучший выход. Но тогда задержится начало стройки. Это первое. Неизвестно, даст ли этот самый конкурс ожидаемые результаты. Это второе. И третье, о чем Шуруев думал лишь про себя. Не исключено, что в итоге конкурса пройдет проект какого-то другого авторского коллектива — из Москвы там, Ленинграда или еще откуда. Тогда что же останется на долю приозерского Облгражданпроекта? Подвизаться на привязке прачечных и торговых ларьков? Вот с этим Вадим Семенович согласиться уж никак не мог.

Взвесив в который уже раз все плюсы и минусы, все соображения и мысли как за проект Круглого, так и против него, Шуруев вновь пришел к выводу, что другого выхода практически нет. Он усилием воли решительно отбросил последние сомнения и нажал кнопку звонка, вызвав Раису Львовну:

— Что у нас там делается?

— Идут дискуссии в секциях.

— Очень хорошо. Сообщите всем, что заключительное заседание совета проведем в семнадцать часов.

Ровно в семнадцать часов Вадим Семенович поднялся, чтобы «подбить бабки», как он выразился. Хоть и не очень весело было на сердце, но крепился директор, не подавал виду, что червяк сомнения все-таки где-то шевелился.

— Итак, товарищи, подходим к финишу,— деловито начал он.— Мы выслушали сообщение товарища Круглого, его оппонентов, ознакомились с эскизами возможных вариантов застройки Левобережья. Конечно, это не идеальные предложения. Руководство института тоже не считает их таковыми. Мы хотели бы иметь и более современные, и более экономичные, и вообще более яркие разработки. Но обстоятельства, как это бывает в жизни довольно часто, диктуют нам свои условия. Некоторые товарищи ратуют за конкурс. Дело, конечно, влекущее, что тут говорить. Но... сроки, сроки. Нам в ближайшие два-три месяца надо определиться: как и чем будем застраивать Левобережье. А если конкурс не даст того, чего от него ожидаем? Тогда что? Возврат к тому же, с чего начали, и потеря

года, а то и двух. Приозерцы вряд ли согласятся с нами. Им ведь надо жилье, а не наши эстетические изыскания. Вот почему я за то, чтобы в принципе одобрить проектные замыслы, разработанные группой товарища Круглого. При этом группа должна тщательно учесть конструктивные предложения, высказанные членами совета, использовать также некоторые оригинальные решения, представленные группой Ромашко, особенно в части квартирной планировки. В связи с этим, видимо, будет целесообразно объединить эти два проектных коллектива. Я убежден, что содружество двух таких наших мастеров, как Глеб Борисович и Дмитрий Иванович, безусловно даст нам нужные результаты. Вот, собственно, и все, что я предложил бы как итог нашей сегодняшней работы. Думаю, что так мы и запишем в протоколе свое решение. Будут ли другие предложения?

Послышались дружные возгласы:

— Хватит. Ясно. Кончать пора.

— Тогда что же. Спасибо, дорогие коллеги.

Круглый облегченно вздохнул, бросил победный взгляд на Стрижова.

Среди говора людей, шума отодвигаемых стульев слышались реплики: «Зачем собирали, если все решено?» «Как зачем? Для стенограммы». «А Метлицкий-то явно не в восторге от проекта». «Не только Метлицкий». «Ну и что? Шуруев все равно пробьет».

Стрижов слушал эти приглушенные возгласы, и его разбирало зло. Толкуют осуждающе, а сами все проголосовали. Тоже мне «творцы прекрасного».

Ромашко, остановившись рядом со Стрижовым, ворчал:

— Вот вам и Руанский собор!

Стрижов накинулся на него:

— Ну, ты тоже хорош, Ромашко. Мямлил, мямлил.

— Плетью обуха не перешибешь.

— Знаешь, так любое безобразие оправдать можно.

Шуруев, с кем-то шедший мимо, услышал „х.

— Вы, конечно, недовольны?— обратился он к Стрижову.

— Конечно. Их предложения,— кивнул он в сторону Ромашко,— в сущности, так и не обсудили.

— Почему же? По-моему, обсудили все, и притом подробно и демократично.

— Собираетесь взять какие-то там элементы планировки. Разве это решение вопроса?

— Но это все же лучше, чем ничего. Так ведь, Дмитрий Иванович?

Ромашко, вздохнув, согласился:

— Да, оно конечно... Спасибо.

Подошел Круглый.

— Дайте кто-нибудь сигарету. До смерти курить хочется.

— Вы ведь вроде не курили?— доставая сигареты, заметил Стрижов.

— С тобой не только закуришь, а и запьешь.

Шуруев пошутил:

— Вы знаете, он недалек от истины. Просьба, Анатолий Федорович: вы уж не выбивайте Глеба Борисовича из строя. Проекты-то надо доводить.

— Доведем, Вадим Семенович. Несмотря ни на какие происки.— И, обратившись к Стрижову, с улыбочкой, но все же миролюбиво проговорил:— Ты, Анатолий, все шумишь о необходимости дерзать, помнить про нашу эпоху, не лепить, а возводить и так далее. Когда же забрезжило что-то в этом духе — встал в позу обличителя, блох ищешь. Обида заела, что ли? Так ведь дверь открыта. Включайся. Дерзай. Твори.

— Забрезжило? Уж не в обсужденных ли сегодня эскизных предложениях? Знаете, Глеб... Я все-таки думал, что вы... ну требовательнее, что ли. Надо потерять всякое чувство меры, чтобы видеть в них что-то оригинальное...

— Ну-ну, Стрижов, осторожнее на поворотах. Видел, как люди настроены? Так что караван-то идет. Идет, несмотря на твои потуги.

— А куда идет? Неужели вы в самом деле считаете, что «СКП-10» подходящий тип домов для Левобережья?

— Хорошему предела нет, Анатолий Федорович. А я лично абсолютно убежден: дома как дома. И будут они стоять на Левобережье.

— Ну что ж, поздравляю, Глеб. Если это случится, то могу только посочувствовать приозерцам.

Стрижов подошел к стоявшим невдалеке Сергею, Ромашко и Наде.

— Все прошло, как и следовало ожидать,— с сарказмом произнес Сергей.— Дифирамбов наслушались вдоволь.— Коваленко был расстроен и зол.

Надя успокоительно заметила:

— Ну все-таки пелись не только дифирамбы. Были и здравые мысли. И хорошо, что о них узнают.

— Кто и что узнает?— вскинулся Сергей.

— Ну, начальство.

Сергей хмыкнул:

— До бога высоко, до начальства далеко. Шуруй есть Шуруй. Советом-то дирижирует, как какой-нибудь маэстро своим оркестром.

Стрижов неожиданно спросил:

— А если у маэстро этого вдруг скрипка, фагот или, допустим, виолончель начнут брать не ту ноту?

— Это будет ЧП. Он их живо подтянет.

— Правильно. А если они опять?

— Заменят их.

— Опять правильно. Но ведь всех не заменишь. Кто-то обязательно заинтересуется, что это с оркестром происходит?

Ромашко махнул рукой.

— Пока солнце взойдет, роса очи выест.

Стрижов в ответ на это резко проговорил:

— Не верю я, что так вот, по этим проектам, застроят целый район. Не верю. Только надо не ныть, не хныкать, а драться. Вот ты, Дмитрий Иванович. Вас обирают, а вы: спасибо. То, что вы не боец, я знал. Но что вы такой... тюфяк, все же не думал.

— Не умею я... кулаками аргументировать.

— Но, черт побери, дома-то ваши лучше?

— Лучше. Наверное, лучше. Но там ведь Шуруев и Круглый.

Стрижов отмахнулся от этих слов.

— Времена слепого преклонения перед авторитетами прошли. Поймите это.

Шуруев, направлявшийся с Круглым и Полиной к выходу, услышал эти слова и остановился.

— Это вы верно заметили, Анатолий Федорович. Времена теперь другие. Коллективный разум — гарантия от ошибок. И сегодняшний совет еще раз показал это. В спорах родилась истина.

Стрижов, с трудом сдерживая себя, проговорил:

— Вадим Семенович, побойтесь бога. Какая уж тут истина? Вы ведь и сами не верите в то, что говорите. И будете очень неважно себя чувствовать, если вырастут на Левобережье эти «хоромы».

— В открытую дверь ломитесь, Стрижов. Спорить можно и должно, но упорствовать, навязывать свое мнение — удел людей ограниченных.

— Логичнее было бы изменить адресат для этого вывода.

Полина заметила со вздохом:

— Вадим Семенович, вы зря стараетесь. Стрижова ни вы, ни бог, ни сатана — никто не переубедит.

Стрижов поднял глаза на жену. Она тоже глядела на него — пытливо, пристально и, как показалось ему,— ожидающе. Анатолий вдруг ощутил неожиданно для себя такой приступ тоски и нежности к ней, что готов был вот сейчас, здесь броситься в ее объятия, умолять вернуться домой. Все-таки чувства его к Полине не иссякли.

— Не знал я за тобой этого качества, Анатолий,— со вздохом проговорил Круглый.

— Какого?

— Ну... вот этого ослиного упрямства.

— А я вот знал, что у тебя, Круглый, авантюрная струнка есть. Знал. Но что она так безудержно разовьется — пе предполагал.

Круглый осклабился в усмешке.

— В другой раз я бы обиделся. Но сегодня — не буду. Надеюсь все-таки на твой трезвый рассудок. Предлагаю мировую. Побоку сомнения и — завтра за работу.

— Ну что вы, Глеб Борисович. Стрижов — человек несокрушимых принципов. Если бы только кто понять их смог, эти принципы.

Этими скупыми фразами Полина продолжала их со Стрижовым спор, без обиняков показывая ему, что она ничего не забыла, ничего не простила, считает себя правой и свое место в происходящей баталии выбрала твердо.

Стрижов только вздохнул в ответ на это и устыдился своей слабости, своих мыслей, что за минуту до этого посетили его.

— Но товарищу Стрижову придется или отказаться от этих своих так называемых принципов или нам — отказаться от него.— Шуруев сказал это подчеркнуто весомо и значительно.

Стрижов молча посмотрел на него и на всю его группу.

— Шеренга мощная, что и говорить. Но лавры вам она принесет сомнительные.

Сказав это, он, не прощаясь, направился к выходу. Вслед за ним быстро пошли Сергей и Надя. Дмитрий Иванович Ромашко долго топтался на месте, не зная, как поступить: то ли пойти со Стрижовым, то ли включиться в оживленный разговор, что вели между собой Шуруев, По-

лина и Круглый, направляясь в вестибюль. Так ничего и не решив, Дмитрий Иванович один направился восвояси, мысленно полемизируя и с Шуруевым, и с Кругловым, и со Стрижовым. Аргументы в этом запоздалом мысленном споре у него подбирались один убедительнее другого.

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

В окно ворвалось воскресное солнечное утро, но настроение Стрижова от этого не стало лучше. Спалось сегодня плохо, какие-то дурные, несерьезные мысли лезли в голову. Не ушли они и от неистовой, усиленной зарядки, даже наоборот, стали назойливее роиться в голове. И все они вертелись вокруг событий, что за последнее время навалились на него. Уход Полины, неудача на архитектурном совете, осложнения в институте — все одно к одному. Может, я действительно мелочный и склочный индивидуум? Неудобный и неуживчивый тип, как меня характеризует Круглый? Но черт возьми, ведь в истории с Полиной, например, разве я виноват? А с этими проектами. Прав-то ведь я. Конечно, можно махнуть рукой на них. В конце концов, кто я такой, что за фигура? Шуруев и Круглый ответственны за эту застройку, ну и пусть ставят свои скворечни. Все верно, Стрижов. Ну а как же с твоей совестью? Эти твои мыслишки — трусость, в сущности, капитуляция. Тогда уж будь логичен и вступай в альянс с Глебом и его группой. Подумалось вдруг: а может, уехать? На Урал, в Сибирь или на Камчатку. Ведь до сих пор мало где пришлось побывать. Вздохнув, Стрижов постарался думать о другом — как распланировать день. Сходить в магазин, прочесть периодику. А затем, может, что-нибудь для души? Фильм, например. Ну, сегодня душа пусть подождет. Будем работать.

Однако через полчаса все эти планы полетели к черту. Совершенно неожиданно позвонила Полина.

— Дома будешь? Я заеду.— И положила трубку.

Стрижов был удивлен предельно. Сердце тревожно заныло в предчувствии то ли радости, то ли беды. Что значит этот ее приезд? За немалое время, прошедшее после их ссоры, это был первый звонок. Его попытки встретиться, еще раз обсудить их дела были сухо и непримиримо отвергнуты. Теперь же вот решила заявиться сама. В чем дело? Что случилось? Что она задумала? Анатолий стал спешно прибирать комнату.

От этих мыслей его оторвал Сергей, явившийся тоже совершенно неожиданно.

— Сережа? Что случилось?

— Если говорить в масштабе Вселенной, ничего особенного. События местного значения.

— Но все-таки?

— Вчера до поздней ночи выясняли отношения с вашей воспитанницей. И все равно туман. А вы что так рано на ногах? И что за генеральная уборка? Ждете кого-нибудь?

— Жду. Представь, Полина позвонила. Должна вот-вот появиться. Ломаю голову: зачем?

— Может, хочет выяснять отношения?

— Не думаю. Все уже выяснено.

— Тогда чтобы наставить вас на путь истинный.

— Поздновато, пожалуй. Да и трудно. Пути-то, оказывается, у нас разные. На архитектурном совете, как ты помнишь, это выяснилось особенно ясно.

— Мне многое открылось на этом совете. Даже вы... Более четко, так сказать, проявились. Теперь я знаю, кто такой Стрижов. Карась-идеалист. Пытались Круглому втолковать что-то там о долге зодчего, об интересах дела, удобствах для людей. Захотели от кошки лепешки, от собаки блинов. Да у него и мыслей таких в голове сроду не было. Кроме как о своей драгоценной особе он никогда ни о чем не думал и не думает. Этот принцип у него главенствующий.

— Ну ты очень уж категоричен, многое упрощаешь. И Круглый, и Шуруев понимают, что проектные предложения плохи. Но глубоко увязли в них и опасаются не у дел остаться, коль другие проекты найдутся.

— Вот и опять подтверждается мой вывод, что вы карась-идеалист. Они на всех перекрестках твердят: «Ни один наш проект на полках не лежал. Не будет лежать и этот... Никакие Стрижовы этому не помешают». А вы вроде как бы оправдываете их.

— Не оправдываю, а пытаюсь понять. Но ничего, Серега, ничего. Главное не робеть. Цыплят, как известно, по осени считают.

— Вы извините, Анатолий Федорович, но, по-моему, это уже... маниловщина.

— Пусть так. Пусть. Посмотрим, что будет. Завтра иду к Чеканову — секретарю обкома. Выскажу все. Без всяких скидок и смягчающих формулировок.

— Ну а если и там от ворот поворот?

— Не думаю... Ну, а если... То пойдем дальше.

Сергей пристально посмотрел на Стрижова.

— А вы, оказывается, все же орешек твердый... Не зря Надя о вас без восторга слова сказать не может.

Стрижов, думая о чем-то своем, проговорил:

— Надя... Надя — редкая девушка! Вам повезло, Сергей. Очень повезло.

Сергей вздохнул:

— Хороша Маша, да не наша.

— Не будьте растяпой и рохлей. Боритесь. А то проморгаете свою судьбу.

— Если бы знать, как это сделать. Бороться и не проморгать.

— Вот этого, братец, не знаю и совет давать не берусь.

Сергей, дурачась, пообещал:

— Сегодня по пути в Карабиху буду вовсю стараться, чтобы влюбить Надьку.

— Ни пуха ни пера,— весь в своих мыслях напутствовал его Стрижов.— Иди буди свою Дульсинею.

Надя уже одевалась, когда в прихожей раздался звонок. Она услышала шаги Стрижова — он открывал кому-то дверь. По первым же звукам голоса поняла — Сергей. Мужчины прошли в комнату Стрижова, и все стихло. Надя вспомнила, что сегодня намечена поездка в Карабиху. Может, Сергей вытащит и Анатолия Федоровича? Это было бы здорово! Вскоре за дверью послышался голос Сергея:

— Вставай, соня. Не забыла план дня? Торопись, а то опоздаем.

— Да я уже готова. А ты Анатолия Федоровича не пригласил с нами?

— Это еще зачем?

— Затем же, зачем и мы едем.

— Нет, не пригласил. И не собираюсь.

— Тогда это сделаю я.

Сергей вполголоса стал объяснять:

— Ему не до нас. Важная встреча предстоит.

Надя в раздумье стояла в дверях.

— Знаешь, Сергей, не хочется что-то в Карабиху, лучше махнем в столицу. Давно Зойке обещала.

Сергей и слушать не хотел.

— Давай-давай быстрее, заканчивай сборы. Позавтракаем в поезде, у меня кое-что прихвачено. И не забывай — поезд ждать не будет. Если ты откажешься — я тоже не

поеду. Сяду вот у двери и буду сидеть до скончания века.

Надя сокрушенно вздохнула:

— Не знала, Коваленко, что ты такой липучка.

— Ничего подобного, я отличный малый. Ты просто не разобралась как следует. Но все это потом, а сейчас — на автобус.

...Полина пришла через полчаса. Она вошла спокойно, деловито, словно ничего не случилось, будто она только что выходила из этой квартиры на полчаса в магазин за покупками. Но это было напускное спокойствие. Давалось оно ей с трудом.

Стрижов торопливо освободил от своего пальто и плаща вешалку, принял у Полины пальто. На него пахнуло запахом незнакомых терпких духов.

— Что же стоишь? Проходи в комнату.

— Подожди. Надо отдышаться. А ты как будто и не рад моему приходу?

— Не знаю, радоваться или огорчаться.

Полина испытующе посмотрела на мужа. Осунулся, похудел, в глазах тревожное, настороженное ожидание.

Нелегкими были эти два месяца для Стрижова, не беззаботно прожила их и Полина. Она настойчиво убеждала себя, что в сущности они давно чужие друг другу люди, что их союз ошибочен, давно изжил себя. Нельзя в самом деле тянуть эту лямку, когда предельно ясно, что и на жизнь они смотрят по-разному, и чувств не осталось ни у того, ни у другого.

И однако, сомнения, какая-то неуверенность будоражили ее душу. Они изредка встречались со Стрижовым в институте, и один его вид — какой-то отрешенный, унылый, портил ей настроение, и она долго не могла отделаться от сознания вины перед Анатолием. Правда, когда он отважился предложить ей встретиться и обсудить, как же быть дальше, как склеить их семейный корабль, она резко отвергла эти попытки, хотя сама же потом переживала эту свою непримиримость.

Отвергала она и услужливые знаки внимания Круглого. Его настойчивость даже раздражала ее. Она поняла, что Глеб Борисович рад их разрыву со Стрижовым и старается форсировать события. Это задевало ее гордость, рождало невольное чувство недоверия и настороженности. Полина Дмитриевна не знала пока, к какому берегу она приплывет.

Визит Полины к мужу не был случайным.

...Прошло уже немало времени с того момента, как областными организациями проектные предложения по Левобережью были представлены в Госстрой республики. Однако рассмотрение их что-то задерживалось. Конечно, в республиканских органах дел немало, но задержка с рассмотрением материалов могла быть и не только по этим причинам. Шуруев наведался в столицу республики, и двое именитых друзей, которых он посетил, подтвердили его опасения. Хотя конкретного они сообщили мало, но и сказанного было достаточно, чтобы забить тревогу. Оказалось, что недавно на одном из совещаний председателем Госстроя было высказано соображение, что проектные предложения по Приозерску сыроваты и требуют дополнительной проработки...

Вадим Семенович ринулся в обком партии. Там о сомнениях, возникших у руководства Госстроя, уже знали. Чеканов объяснил:

— В самые ближайшие дни мы соберем всех заинтересованных в застройке. Готовьтесь и вы к этому совещанию. Думайте над тем, как улучшить представленные материалы. Видимо, есть в них какие-то изъяны и просчеты более существенные, чем нам казалось.

Шуруев ломал голову над тем, откуда взялись сомнения в Госстрое? Кто-то, конечно, надоумил их там, кто-то сообщил. И скорее всего — Стрижов. Он ведь и не скрывал, что будет бороться и против проекта планировки, и против «СКП-10». Видимо, после архитектурного совета обратился к кому-то с письмом, просигнализировал кому-то. И хотя твердой уверенности в этих предположениях у Шуруева не было, он, верный своему правилу не ждать, когда гром грянет, предвидеть неприятности и заранее локализовать их, решил вновь вернуться к старой идее привлечь Стрижова в состав проектной группы по Левобережью.

В этом его убедило и последнее совещание с проектировщиками. К разработке промзоны пока не приступали, и весомых кандидатур на эту часть проекта не было. После совещания Шуруев, оставив у себя Круглого, вновь завел разговор о Стрижове. Глеб Борисович, однако, упорствовал:

— И так из-за этого Стрижова мы все нервы истрепали, а вы опять о нем.

Этот разговор, затеянный Шуруевым, был неприятен еще и тем, что всколыхнул в душе Круглого то, что его занимало последнее время — холодность и отчужденность

Полины. После ухода от мужа она, вопреки ожидаемому, круто изменилась и по отношению к Глебу Борисовичу, стала какой-то колючей, резкой, не шла ни на какие контакты.

— Оставьте вы этого Стрижова в покое,— сказал с раздражением Круглый.— Он сейчас умолк, притих, а тут опять возомнит о себе черт те что, новую бучу поднимет. Что же касается сведений о каких-то там закорючках, в Госстрое возникших, то пусть они нам их расскажут и покажут. Тоже мне гении. Докажем, что мы тоже не лыком шиты. Стрижов нам ни к чему.

Шуруев спорить не стал, хотя и не был полностью согласен с Круглым, но решил довести свой замысел до конца.

Распорядившись, чтобы к нему пригласили Полину Дмитриевну, он задумался, как говорить с ней? В институте все уже знали, что она ушла от Стрижова и живет у какой-то подруги. Их разрыв связывали с Круглым, его давними и настойчивыми ухаживаниями за Полиной. После юбилейного празднества на даче Круглого у Вадима Семеновича к ним обоим возникло какое-то недоброжелательное чувство. Он скрывал его, но как-то не выдержал и дал понять это Круглому. Тот все свел к грубоватой шутке в том смысле, что и он, мол, когда ему перевалит за шестьдесят, будет строжайше блюсти нравственность. Одним словом, Вадиму Семеновичу было неприятно встречаться с Полиной, да еще по столь щекотливому поводу. Но что было делать? Разговор в Госстрое и обкоме в отличие от Круглого его серьезно обеспокоил.

Тревожило Вадима Семеновича и положение Стрижова в институте. Хорошо еще, что он не послушал неких не в меру усердных советчиков и не подписал приказ о его увольнении. А проект такого приказа был готов. Реакция Стрижова на это была на редкость спокойной.

— Зря Шуруев закручивает так круто. Приказ незаконный, и суд заставит его отменить. Но дело, конечно, директора, пусть подписывает.

Когда Шуруев узнал об этих словах, он не удержался и кряхтя проворчал:

— Умный черт, ничего не скажешь.— И приказ вернул не подписанным.

На работу Стрижов выходил регулярно, вешал табель, что-то там делал за своим столом. Но что он мог делать, когда все сотрудники группы были уже переведены к

Круглому и все проектные разработки, кроме Левобережья, временно приостановлены.

Все это беспокоило Вадима Семеновича. Из сознания не уходила какая-то раздражающая и гнетущая досада. Наконец он решил твердо: со Стрижовым надо как-то иначе... Тогда-то и пришла мысль отправить к нему его собственную супругу. Начнут с обсуждения институтских дел, а там, глядишь, и до своих доберутся. Может, даже не одно доброе дело сделаем. Сейчас, перед встречей с Полиной, эта мысль вдохновила Шуруева, и он, повеселевший, повел свой разговор без особых предисловий:

— Полина Дмитриевна, вам ответственное дипломатическое поручение.

Полина насторожилась, хотя пока не догадывалась, о чем пойдет речь.

— Как у вас с Анатолием Федоровичем? Отношения не наладились? Все еще холодная война?

Полина удивленно взглянула на Шуруева:

— Примирения, как мне кажется, не будет.

— И все-таки, Полина Дмитриевна, вам надо встретиться с ним. Нужно, чтобы Стрижов вошел в бригаду по Левобережью. Очень нужно.

— Но он ведь категорически отказался. Вы это знаете.

— Знаю, но надо. И для проекта надо, и вообще.

— Боитесь, что будет мешать? Но ему с вами не управиться.

— Береженого и бог бережет, Полина Дмитриевна. И потом, нам и малые тучки над Левобережьем нежелательны.

— Чего же все-таки хотите от меня?

— Убедить Анатолия Федоровича войти в состав комплексной проектной бригады по застройке. А мы все забудем и все простим.

Полина задумалась.

— Ну что же,— со вздохом проговорила через минуту она.— Поручение не из приятных... Но раз вы настаиваете, раз надо — попробую. За успех, однако, не ручаюсь.

— Что вы, что вы. О неуспехе и слушать не хочу. Я очень надеюсь на эту вашу встречу.

Полина понимала, что рано или поздно, а встретиться им со Стрижовым придется. Так или иначе, но поручение Шуруева облегчало ее положение, придавало ее поездке к супругу какой-то более обоснованный, более оправданный характер. Не на поклон, не мириться еду, а по делу.

Хотя где-то в глубине души она и не исключала возможности их примирения. Во всяком случае, эта мысль в последнее время неприязненного отношения у нее не вызывала.

— Посмотрим, как он там без меня. Может, поумнел за это время, может, научился понимать жизнь в ее реальных проявлениях?

...Когда вошли в комнату, Полина невольно отметила и чистоту и порядок. Только теперь чертежи заполонили все полки, столы и стулья. Полина усмехнулась, заметив это.

— Совсем, гляжу, утонул в своих прожектах. Привычки не меняются.

— Ну где уж теперь, староват я для других привычек.

— Великие и мудрые говорят, что учиться никогда не поздно.

— Возможно, у них это получалось. На то они великие и мудрые.

После небольшой паузы Полина проговорила:

— Как себя чувствуешь? Архитектурный совет из памяти не выветрился? Синяки-то зажили? Все произошло, как я и говорила, как и следовало ожидать. Пошел, как говорится, по шерсть, а воротился стриженым.

— Да, все было проведено как по писаному. Но вы там не очень-то обольщайтесь.

— Собираешься продолжать бузу? Зря, между прочим. Только себе вредишь. Кончится тем, что работу искать придется. А с такой репутацией куда пойдешь?

— Была бы шея, хомут найдется. — Он показал на чертежный стол. — Вот... Задумка подходит к концу. Все-таки сферический безопорный корпус, кажется, получается. А что касается увольнения из института... Ну что ж, это дело на совести Шуруева и Круглого. Пусть решают. Только от этого их «СКП-10» лучше не станет.

Оба помолчали. Стрижов спросил:

— Может, кофе хочешь?

— Ну что ж, давай выпьем кофе.

Стрижов метнулся на кухню, а Полина подошла к окну, долго смотрела на улицу. Она почувствовала сейчас: чужая здесь, исчезло что-то из их жизни такое, что вернуть уже невозможно.

«Сидит тут, корпит над каким-то мифическим, никому не нужным проектом и не хочет заняться нормальным,

реальным делом. Чушь какая-то,— сердито подумала она.— Как его вытащить? Как?»

Стрижов вошел с чайником, с двумя кофейными чашками.

— Молока только не купил еще. Извини.

— Плохо, выходит, живешь, коль даже молока нет.

— Ну почему такой вывод? Живу, как жил. Конечно, похуже, чем за жинкой, но...

— Знаешь, Стрижов, давай-ка поговорим серьезно. Твои дела меня тоже пока касаются. Или ты этого не считаешь? Все донимаешь своими чувствами, вернуться уговариваешь, а сам...

— Что сам?

— Делаешь глупости.

— Ты имеешь в виду архитектурный совет? Но при чем тут...

— Не притворяйся. Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. Имей в виду, пока еще все можно уладить. Руководство еще раз предлагает тебе войти в основной авторский состав.

— За какие же это заслуги?

— Мне это обещано, понимаешь, мне.

— А тебе за какие?

Полина нервно повернула к нему голову:

— Что ты этим хочешь сказать?

Стрижов и сам понял, что получилось грубо. Он мягко проговорил:

— Извини, Полина, ничего плохого. Но я не понимаю... Ты что — пришла... мирить меня с ними? А я-то думал...

— А ты думал, что я приду и... прямо в кровать?

— Полина!

— Что Полина? Что? Ты думаешь, только тебе тяжело? Мне ведь тоже... Я хочу... как лучше. Тебе... нам...

— Спасибо, если так. Только... в упряжку к Круглому я не пойду. Да и не надо. В разные стороны будем тянуть.

— Но почему? Почему? Ты можешь мне это объяснить? Вразумительно, по-людски.

— Полина,— просительно и страдальчески морщась, проговорил Стрижов,— ты же это прекрасно знаешь.

— Ну конечно. Гордость тебе не позволяет. Самолюбие. Переоцениваешь ты себя. Все — бездари, один ты — талант. Не забывай, что я тоже кое в чем разбираюсь. И если других слушать не хочешь, то хоть меня-то послушай.

— Насчет самолюбия, гордости, переоценки — это ты зря. Все это не так. Просто мне претят нечестные дела. В этом все дело. И я не понимаю, как ты, архитектор, могла говорить такое на совете? Ты же не можешь не понимать, что и модернизированный «СКП-10» — перелицовка старья. Такие предложения могли проходить пятнадцать — двадцать лет назад, а не сейчас.

— А какая тебе разница, какие дома здесь будут стоять? Надеюсь, нам-то в них жить не придется.

— Возможно, и не придется. Но рассуждать так... Извини, но это ужасно. Откуда у тебя эта обывательская философия? Ты же в комсомоле была, институт кончила...

— Хочешь лекцию мне прочесть? Не советую. Я пришла помочь тебе, с открытой душой. А ты...

— Помочь? Чем же? Приглашением в корпорацию Круглого? Видимо, неважно идут дела в вашей мощной шеренге.

Полина встала со стула, нервно закурила сигарету.

— Слушай, Анатолий. Неужели тебе не ясно, что ты проиграл? Во всем. Пойми, время безнадежных идеалистов давно прошло. Все за правду ратуешь, все в принципы играешь, а сам... Что ты значишь? Чего добился? С работы гонят, живешь в конуре... От получки до получки едва концы с концами сводишь...

— Зато честно живу.

— Оставь, надоело. Все это я слышала, и не раз.

— Могу повторить вновь. Нечестно добытый кусок мне в горло не полезет. А вот ты... Ты — меня пугаешь. То ли я так и не распознал тебя, то ли другая ты стала.

— В чем ты меня можешь упрекнуть? Лучше жить хочу? Да, хочу. Быть хорошо одетой? Да, хочу. Каракулевую шубу хочу сшить, о норковой мечтаю. В Париже, Риме, Вене хочу побывать. Хочу, хочу.

— Удивительное дело,— глухо заметил Стрижов,— десять лет прожили — теперь вижу: разные мы люди. Психологическая несовместимость.

— Да, разные. Согласна с тобой... Ты со своей ура-принципиальностью и идейностью так и будешь в латаных штанах ходить. А жена — в стеганке. Вот Глеб...

Стрижов зажмурился, как от удара.

— Хватит о Глебе.

— А почему хватит? Ты просто завидуешь ему. Да, да, завидуешь!

— Довольно, я сказал.

Но Полина уже еле владела собой, с вызовом она повторила свой вопрос:

— А почему, собственно?

— А потому, что тебе давно следовало бы сделать выбор.

Полина гордо вскинула голову, насмешливо улыбнулась.

— Да? Спасибо за совет. Но ты можешь успокоиться — я его уже сделала.

— Ты пришла, чтобы сказать мне об этом? Что ж. Поздравляю.

— Но ты, я вижу, не очень-то обеспокоен моим сообщением. Может, потому, что я была права насчет воспитанницы? Рядом ведь, под боком. Немудрено.— Полина внутренне и сама удивилась этим внезапно сказанным злым словам. Эта мысль всерьез ее никогда не занимала, и если она и возникала порой, то Полина отбрасывала ее как вздорную. Но сейчас такое предположение показалось ей вполне логичным. А почему бы и нет? Ведь Надька-то в нем души не чает. Однако реакция Стрижова успокоила ее.

— Полина, ты эту глупость брось повторять. Непорядочно это с твоей стороны.— Сказано это было с такой болью, что Полина замолчала.

Оба почувствовали, что надо остыть, успокоиться, иначе катастрофа неминуема. Но ни Анатолий, ни Полина не осознали еще того, что пропасть между ними была уже непроходимой и до катастрофы, о которой каждый из них подумал, было совсем близко.

— Так как все-таки насчет предложения Шуруева?— глуховато проговорила Полина.— Имей в виду, это его последняя попытка. Больше не будет. И не забывай: бывают ошибки, которые уже не поправишь.

Стрижов поднял голову:

— А я ответил. Спасать меня не надо. Во всей этой истории ошибаюсь — не я.

— Нет, ты неисправим. Совершенно неисправим.

— Идеалист, недотепа. Ты не раз мне говорила об этом. Вот что, Полина, давай-ка вернемся лучше к нашим баранам, давай кончать нашу ссору. Это и будет мне самой лучшей поддержкой. А? Честное слово.— Он подошел к Полине, положил ей на плечи руки.— Ну не все же у нас было плохо... Давай попробуем начать все сначала. Может быть, мы сможем... Поедем с тобой куда-нибудь на Север,

в Сибирь, будем строить там промкомплекс. Честное слово, мои наброски, кажется, получаются. Ну их к чертям, этих Шуруевых и Круглых. А, Полина?

Полина высвободила плечи.

— Немного же ты обещаешь мне.

— А что я могу еще обещать? Люблю я тебя, Полина. Очень. Не представляю, как без тебя жить буду. Но на кривые тропы не пойду. Извини, не приспособлен. Вернешься — рад буду. Все, что есть у меня, все, что мозг мой и руки вот эти честно добудут,— все домой принесу. Но и только. Ты хорошо сказала: бывают поступки, которые и хотел бы, да поздно поправлять. Вот таких поступков у меня не было и не будет. А вот ты... ты оглянись вокруг себя...

Эта последняя фраза глубоко уязвила Полину. Она нервно, взвинченно вдруг выкрикнула:

— Ты оставь свои грязные намеки!

Стрижов опешил:

— Почему ты кричишь? Я же ничего не имел в виду обидного. Просто повторил твою же мысль. Правильную мысль. Не каждую оплошность можно исправить. Да не злись ты, Полинка. Будь же, какой была.— Стрижов хотел взять ее руки.

Но Полина была вне себя.

— Оставь меня! Оставь в покое! Ненавижу! Видеть не могу!

Стрижов отступил, пораженный.

— Полина, что ты говоришь?!

— А то, что слышишь! Добился своего, правдолюбец? Как она, правда-то, хороша?

Полина стремительно метнулась в переднюю, схватила с вешалки пальто и, истерично выкрикивая одну и ту же фразу: «Ненавижу! Презираю!» — выбежала из квартиры.

Стрижов ринулся за ней, но эта громко, с каким-то неистовым озлоблением, несколько раз выкрикнутая фраза пригвоздила его к месту. Он долго, ошеломленный, недоумевающий, стоял на лестничной площадке. Затем механически, в глубоком отчаянии вышел на улицу. Шел бездумно, плохо различая улицу, людей и все, что его окружало. В мозгу мучительно билась лишь одна мысль: это все, Полины больше нет. Как железный обруч, эта пронзительная мысль все давила и давила на воспаленный, взбудораженный мозг.

...Уже на вокзале Надя вдруг решительно отказалась от

поездки. Она и сама не понимала причины своего какого-то слякотного, унылого настроения. С трудом и как-то путано объяснила это Сергею, извинилась перед ребятами и торопливо вернулась к автобусной остановке. Из-за воскресного дня машины шли переполненными, и что-то лишь через час или полтора она добралась до дома. Когда выходила из автобуса, то заметила Стрижова. Вид у него был необычный. Всклокоченные волосы, опустошенный взгляд, какая-то сомнамбулическая походка.

Надя поняла, что у Анатолия Федоровича случилось что-то из ряда вон выходящее, и стремительно ринулась за ним. Догнав, окликнула. Стрижов остановился, непонимающе глянул на Надю и, узнав ее, вымученно улыбнулся:

— Извини, Надя, пожалуйста. Я... должен... побыть один...— И, сказав это, ссутулясь, опустил голову, пошел по тротуару, ни разу не оглянувшись в ее сторону.

Надя, удивленная и обескураженная, долго как вкопанная стояла на месте. Хотела вновь пойти за ним, но он, словно почувствовав это, ускорил шаги. Надя, донельзя встревоженная, вернулась домой.

Сейчас она со всей беспощадной ясностью поняла, что Стрижов ей дорог, очень дорог. И дело было не в какой-то там особой бескорыстной дружбе. Просто она любила его. И понимала, что глупее, несуразнее этого ничего нельзя придумать.

Из памяти не выходил безразличный, отчужденный взгляд Стрижова, когда она остановила его на тротуаре. Воспоминания о нем, об этом взгляде, вызывали чувство неловкости и стыда. Дура я, что полезла. Зато ясно, что я для него ровно ничего не значу, и глупо ждать с его стороны каких-то иных проявлений.

Но и после этих бичующих и жестоких слов ей все-таки было щемяще, до слез, жаль Стрижова. Она зрительно представила его себе поникшим и одиноким, бесцельно бродящим по городу. И ей стоило большого труда удержать себя, не ринуться на улицу на розыски Анатолия Федоровича.

Через час или два он вернулся домой. Смущенно и виновато попросил:

— Ты извини меня, Надюша. Что-то я не в своей тарелке. Совсем выбился из колеи. Извини.

Он тяжелой, шаркающей походкой подошел к креслу у зеркала, взял сигарету и закурил. Потом глухо, медленно, как бы вдумываясь в звуки своих слов, проговорил:

— Ненавижу, говорит, и презираю. Вот так. Теперь — все...

Сказав это, замолчал. Молчала и Надя. Она сидела на низенькой скамеечке, обхватив колени руками, низко опустив голову. Целая буря чувств пронеслась в эти минуты в ее душе. Был момент, когда она хотела броситься к нему и сказать все, чем было полно ее сердце. Ей стоило больших усилий сдержать себя, успокоить, не дать волю обуревавшим чувствам.

Суховато, сдержанно она проговорила:

— Вы же знаете Полину Дмитриевну. Успокоится и вернется. И опять у вас все будет по-прежнему.

Стрижов отрицательно покачал головой. А Надя, отвечая, видимо, своим так долго владевшим ею мыслям, заговорила нервно, торопливо, взволнованно:

— Как все трудно и запутано в жизни. Вот она мучает вас, издевается. Значит, не любит. А кто любит, тот даже сказать не может. Мучайся, и все. Ну почему, почему так? — И Надя, не выдержав больше своего нервно-взвинченного состояния, вдруг заплакала горячо и надрывно. Стрижов удивленно поднялся с кресла, подошел к ней.

— Что с тобой, Надюша? Ты-то что плачешь?

— Не могу я спокойно видеть ваши мучения. Когда я вижу, как вы убиваетесь, страдаете, я готова на все, на любую глупость. Лишь бы вам было легче. А вы даже не замечаете, что я есть на свете. Неужели вы так слепы? Я же извелась вся. Вы ночами не спите, и я не сплю. Ходите по комнате, паркетом скрипите. И я тоже комнату шагами меряю...

Стрижов мягко, умоляюще попросил:

— Надя, очень тебя прошу...

Однако Надя не услышала его слов.

— Не могу, не могу я больше так. Не могу.

Плач ее все усиливался, и Стрижов, испуганный, растерявшийся, все повторял что-то пустое, малозначащее:

— Все наладится, все будет как нужно. Успокойся.

Надя долго, пристально поглядела на него, затем медленно поднялась и, уходя к себе, сквозь слезы отчужденно произнесла:

— Ничего вы не поняли, Анатолий Федорович, ничего...

Полина вернулась от Стрижова предельно возбужденная. Ее переполняли досада и злость на Анатолия — за его непримиримость, независимость, за его какую-то снисходительность и спокойную уверенность в разговоре с ней. Он должен был вести себя совсем по-другому, оценить, что она пришла, понять, чего это ей стоило. Не проняло его и предложение Шуруева. Оно лишь послужило поводом для того, чтобы прочесть ей нудную мораль насчет честности, порядочности и прочее. Действительно, слепец и обозленный неудачник.

Но все явственнее и явственнее проступало и другое восприятие случившегося, возникало во всей своей влекущей остроте новое, не испытанное еще чувство — чувство раскрепощенности от невидимых пут, от тяжкого груза, который постоянно давил на ее плечи.

Теперь Полина чувствовала себя освобожденной от сознания вины перед Стрижовым, от боязни осуждения ее поведения сослуживцами и знакомыми.

— Теперь я вольная птица. Во́льная, вольная...— Полина повторила эту фразу несколько раз, будто убеждая себя в ее истинности.

Скоро, однако, без каких-либо видимых причин навалилась тоска, она вдруг почувствовала острую горечь одиночества. И Людмила, подруга, улетучилась куда-то на весь день.

Полина долго сидела в кресле, предаваясь то чувству волнующей свободы, то бесконечной жалости к себе, сознанием своей ненужности кому бы то ни было. Ей вспомнились мать, на похоронах которой она так и не смогла быть, сестры, которые столько лет приглашают ее побывать в своем родном селе, поклониться могилам родительским. А она за суетой городской жизни так до сих пор не смогла выбраться хотя бы на день или на два.

Мысленно часто возвращалась к Стрижову. Но ничего, кроме досады за напрасно прожитые годы, она не испытывала. Во всем, что произошло с ней, и в этом вот одиночестве, в тоскливом состоянии она винила его, и только его. Словно всего лишь час назад он не предлагал ей забыть все, подвести черту и начать их жизнь сначала.

Она еще, еще раз проверяла свое отношение к Анатолию. И убеждалась все больше, что ушло что-то коренное, самое существенное, произошел какой-то внутренний слом

в ней самой и восстановить прежнее уже невозможно. Она ловила себя на мысли, что все связанное с Анатолием вызывает у нее чувство глухого раздражения. Его образ приобрел как бы другие измерения, виделся ей в диаметрально противоположном свете, чем это было раньше. Прежде Полину только удивляло его бескорыстие, вечные хлопоты о ком-то, только не о себе и своей семье, сейчас же все это вызывало у нее негодование. Когда-то ей нравилась его неторопливость и некоторая медлительность. Теперь это казалось проявлением тугодумия, неповоротливости. Нравилось, как он говорил. Скупо и чуть стесненно. Сейчас это выглядело удивительно неуклюже. Даже морщины возле глаз, казавшиеся раньше такими близкими и родными, свидетели вместе прожитых лет, сейчас лишь дописывали в ее представлении образ неудачника.

— Как я могла любить этого человека? Да и любила ли?

Надо было что-то делать, чем-то занять себя, с кем-то поделиться своими мятущимися мыслями. Полина перебрала в памяти знакомых. Нонна Игнатьевна Шуруева — вот кто ее может понять.

— Это хорошо я надумала, отлично даже. Заодно и Вадиму Семеновичу доложу о своей дипломатической миссии к товарищу Стрижову.— Эти слова она произнесла с сарказмом и набрала номер телефона шуруевской дачи.

Нонна Игнатьевна обрадовалась звонку Полины. Вадима Семеновича еще не было дома, она коротала часы в ожидании и сразу же пригласила Полину приехать к ней. Через час с небольшим Полина уже была у Шуруевых.

Нонна Игнатьевна и по тону разговора Полины поняла, что у нее неладно на душе, а сейчас, увидев ее осунувшейся, бледной, с покрасневшими от слез глазами, убедилась в этом еще больше.

— Здравствуйте, здравствуйте, милочка. Что это с вами? Вы же просто на себя не похожи. Ну давайте устраивайтесь вот в это кресло, сейчас я вас кофе угощу. Поболтаем по-свойски, по-бабьи. Вскоре Вадим Семенович придет, ужинать будем.

Полину тронула эта заботливость, и она вдруг разревелась, не в силах больше сдерживаться. Плакала долго и всласть, а Нонна Игнатьевна терпеливо уговаривала ее, словно девочку-несмышленыша:

— Ну поплачьте, поплачьте. Это нам помогает. А я все завидовала, глядя на вас. Вот, думаю, с характером женщина, эта сумеет за себя постоять, не даст себя в оби-

ду. А оказалось, обидели-таки, нашлись такие люди, сумели.

Полина понемногу стала успокаиваться и, утерев глаза и жалко улыбнувшись, проговорила:

— Знаете, как-то собралось все одно к одному. Вы уж извините...

— Всему виной, конечно, муженек?

Полина глубоко вздохнула и глухо ответила:

— Все вместе.

— Ну как у вас с ним?

— Теперь уже все. Я давно решила. Но он донимал просьбами: вернись да вернись, попробуем начать все сначала. Вадим Семенович тоже... встретьтесь, говорит, еще раз, попытайтесь... Посоветовал уговорить заняться делом вместо склок. Подумала, может, действительно одумался, переживает, может, не все еще потеряно...

Нонна Игнатьевна слушала внимательно, не перебивая собеседницу, но тут не удержалась и заметила:

— Извините меня, Полина, но я скажу прямо: меня все время удивлял ваш союз.

Полина не нашлась что ответить и лишь пожала плечами.

— Не то, милочка, совсем не то. Мужлан он какой-то, ужасно неинтеллигентный мужчина. И не надо вам так убиваться, не надо. Он за великое счастье должен считать, что был рядом с такой женщиной. И не смейте расстраиваться и терзаться. Не доставляйте ему этого удовольствия. Прибежит еще к вам, умолять будет, вот посмотрите.

Полина невесело усмехнулась.

— Знаете, Нонна Игнатьевна, не хочу. Перегорело. Ушло все. Вся жизнь из-за него кувырком пошла. Ни на что глаза не глядят.

— А вот это вы зря, милая. Жизнь, она один раз дается, и отмахиваться от нее, от жизни-то, грех. Да-да, милая,— грех. А в вашем-то возрасте особенно. Я давно вам хотела сказать: вы как-то мало цените себя, забросили, будто вам невесть сколько годков. А женщина и в шестьдесят должна помнить, что она женщина, украшение рода человеческого. Вот меня возьмите. Мне уже шестой десяток, а я не сдаюсь. Нет, ни в коем разе. Вот были мы в Париже с Вадимом Семеновичем. Он меня все в музеи да на выставки тащит, а я ему: пойдем к Диору, да зайдем в Дом мод или там в универмаг, в ателье... Ах, эти парижан-

ки, вот уж показать себя мастерицы.— Придирчиво осмотрев костюм Полины, Нонна Игнатьевна категорически заявила: — А вы вот отстали от моды-то, дорогая, отстали. Сейчас джерсовые костюмы уже не носят. Тройки, тройки с пуховыми свитерочками или шелковые блузочки. Это уж стало обязательным. Надо и вам достать. Займемся вами, займемся.

Нонна Игнатьевна хорошо знала психологию своих приятельниц, знала, что хорошие тряпки отвлекут любую женщину от самых тягостных мыслей. Потому-то и трещала сейчас о парижских модах, чтобы вывести Полину из сумрачного, угнетенного состояния. Именно потому, ну а также из-за желания похвалиться, она повела Полину к своему гардеробу и все выбрасывала и выбрасывала на кровать кофточки, юбки, блузки, какие-то замысловатые джемпера, косыночки и платочки.

Полина, не столь хмурая уже, с любопытством рассматривала все это богатство, восторгалась, завидовала. В самый разгар смотрин появился Шуруев и с ним Круглый. Они обрадовались гостье, потребовали ужин. Женщины, побросав парижские наряды, стали сервировать стол.

Когда разделались с легкой закуской, Шуруев как бы между прочим, заговорщически подмигнув Полине, спросил:

— Ну как, я вас не очень обременил, послав к супругу? — И, заметив удивление Круглого, тут же пояснил: — Не удивляйся и не хмурь брови, дорогой Глеб Борисович. Я старый воробей, стреляный притом же, и потому многое обязан предвидеть. Да-да. Я просил Полину Дмитриевну еще раз попытаться наставить Стрижова на путь истинный. Не люблю, когда что-либо ноет. Сторонник любых мер, лишь бы в нашем слаженном институтском организме не было воспалительных процессов.

— Да. Но вы, как вижу, не очень разборчивы в выборе средств. Надо же было учитывать, как это неприятно Полине Дмитриевне.

— Очень хочу, чтобы распри вокруг «СКП-10» кончились. И если бы этого Анику-воина заставить заниматься делом, а не критиканством,— куда спокойнее бы мы жили. А то ведь каждый день жду какой-нибудь каверзы.

— И все-таки... Я сочувствую вам, Полина Дмитриевна. Не предполагал, что Вадим Семенович так бессердечен.

Полина, уже успокоившаяся, отогретая всеобщим вниманием, беззаботно ответила:

— Ничего страшного. Поручение это было как раз кстати. Надо же было мне когда-то появиться в своем бывшем гнезде. Хотя бы затем, чтобы убедиться окончательно, что оно... действительно бывшее.

Шуруев пристально посмотрел на нее:

— Ну и как? Анатолий Федорович не собирается перековывать мечи на орала?

— Разговор был малоприятный. Мне настойчиво внушалось, что такое профессиональная честь и... порядочность. В общем, не хочу всего рассказывать. Неприятно да и неловко как-то.

— Чего он, собственно, хочет?— с недоумением проговорил Круглый. И сам тут же ответил:— По-моему, и сам не знает. Просто таким людям нравятся склока и смута сами по себе, они доставляют им удовольствие. Это удел мелких людей. Иначе кто их заметит?

Шуруев, отвечая каким-то своим мыслям, не согласился:

— Ты, Глеб Борисович, упрощаешь дело. Извини, но обида у тебя глаза застилает. Стрижов не из этого числа. Упрям, спесив. Все верно. Но бьет в одну точку. А впрочем, давайте-ка заменим тему, женщины среди нас, а мы все вокруг одного и того же толчемся.

Около одиннадцати Круглый и Полина собрались уходить. Нонна Игнатьевна уговаривала Полину остаться, но та отказалась.

— Спасибо, Нонна Игнатьевна. Вы и так меня отогрели. Спасибо вам. Поеду. А то подружка моя Людмила глаз не сомкнет, ждать будет. До станции Глеб Борисович, я надеюсь, меня проводит?

— Конечно, конечно,— с готовностью согласился Круглый.

Когда Полина и Глеб Борисович ушли, Шуруев поделился с Нонной Игнатьевной:

— Вот какой вы народец, женщины. А? Поди вас разбери. Предала ведь она муженька-то своего.

— Ну какой он муж. Чужие они.

— Но все же... муж и жена.

— А ты тоже хорош. Нашел, что придумать.

— Я же с прицелом это делал-то. Думаю, может, повода не найдут, чтоб встретиться. А оно... видишь, как вышло.

— Да ты не терзайся. Ни при чем ты тут. У них давно уже все порвалось. И к лучшему. А то Глеб Борисович извелся весь.

— Тоже мне — замена. Шило на мыло. Очень уж потрепанный жених-то.

— Что это ты так о своем сподвижнике?

— Объективно, дорогая, объективно.

С тяжелым, неприятным осадком засыпал в ту ночь Шуруев, словно он был причастен к какому-то нехорошему, нечистому делу.

...Выйдя с дачи Шуруева, Глеб Борисович и Полина пошли к станции. Шли не спеша, изредка перебрасываясь малозначащими фразами.

Оба чувствовали, знали, что говорят о пустяках, что неизбежен другой, куда более значащий разговор, и когда же, как не сегодня, не сейчас его начинать? Но начинать его почему-то было трудно. Круглый возмущался тем, что Шуруев, не подумав, заставил пережить ее сегодняшние неприятности.

— Если бы я знал об этой его затее, ни за что бы ее не допустил. Вам и так нелегко, а тут такая трепка нервов.

Полина, однако, успокоила его:

— Не переживайте, Глеб. За любые ошибки, что мы совершаем, приходится платить. В том числе и за ошибки молодости. А визит к Стрижову... что ж тут особенного? Это даже хорошо, что он состоялся. Я бы, может, долго еще собиралась. А Вадим Семенович подтолкнул, ускорил. Теперь все стало предельно ясно.— Сказав это, Полина глубоко вздохнула и замолчала.

Полина говорила спокойно, но за этим спокойствием все же чувствовалось смятение, нервное напряжение, удрученность.

«Значит, она все еще любит Стрижова,— подумал Круглый.— По-прежнему думает о нем». И ему, как это было и раньше, неудержимо захотелось побороть эту ее приверженность к мужу, взять верх над старыми чувствами, освободить ее от них. Пусть поймет наконец, что они, эти прошлые чувства, лишь вериги на ногах, непужное, громоздкое препятствие к давно тлеющим, но искусственно сдерживаемым чувствам между ней и им — Глебом Круглым.

Глеб Борисович взял Полину под руку, теснее прижал к себе и чуть глуховатым от волнения голосом заговорил:

— Полина, дорогая! Я понимаю. Старые чувства, вместе прожитые годы... Мне все-все понятно, и я тебя ни в чем не собираюсь да и не имею права упрекать. Но ты тоже должна понять... Если бы ты знала, как я мучаюсь вдали от тебя, как мне больно сознавать, что ты страдаешь, а я ничем не могу помочь... Как я ненавижу эти наши мещанские условности, которые останавливают тебя. И все-таки, Полина, дорогая моя Полина, тебе придется сделать этот шаг, придется наконец сделать свой выбор.

Полина остановилась, долго вглядывалась в лицо Круглого и напряженно, каким-то неестественным, надтреснутым голосом проговорила:

— Совсем недавно такое же решительное требование было высказано... Стрижовым. Пора наконец тебе сделать выбор — я или Глеб... Сказано было категорически...

— И что же ты ответила ему? — Круглый взял Полину за руки и, взволнованный, настороженный, ждал ответа.

— Я сказала, что этот выбор уже сделан.

Круглый стремительно стал целовать Полину в губы, в глаза и, обняв за плечи, решительно повернул обратно от станции, которая уже давала о себе знать сигналами подходившей электрички. Они медленно пошли обратно, к поселку, который уютно и домовито мигал теплыми ночными огнями. Полина, не возражая и ни о чем не спрашивая, в такт шагам Круглого шла под этот манящий уютный кров.

У ПЧЕЛИНА

Стрижов понимал, что после их последнего разговора с Полиной, который конечно же стал известен руководителям института, ему надо как-то решать свои служебные дела. Обстановка в институте тоже требовала этого. Он не был честолюбив, обычно чурался каких-либо шумных историй, вовсе не собирался быть в центре внимания кого бы то ни было. И тем не менее произошло так, что последние события вызвали в институте бурную и уже не утихающую реакцию. О них судили и рядили во всех комнатах и на всех лестничных площадках. Кое-кто одобрял остракизм, которому подвергли его Круглый и Шуруев, видя в этом твердость руководства, но большинство работников института относилось ко всему происшедшему явно отрицательно. Выходит, критиковать проекты начальства нельзя? Но такие явления уже анахронизм, дела давно минувших

дней. В наше время это выглядит по меньшей мере странно.

Стрижов продолжал выходить на работу, занимаясь какими-то мелкими, техническими делами. Конечно, это его беспокоило и удручало. Но не меньше заставляли нервничать излишние знаки внимания сослуживцев. Это паломничество людей с выражением сочувствия ставило его в ложное положение, вызывало досаду и подталкивало Анатолия Федоровича к принятию каких-то решений.

Шуруев тоже хорошо знал обстановку в институте и каждый день спрашивал то помощника по кадрам Величко, то Раису Львовну — не приходил ли Стрижов. Он хотел, чтобы закончилась наконец вся эта история. Согласие Стрижова работать в группе Круглого Вадим Семенович предпочел бы любому решению. Но тот окончательно отверг это предложение. Он, видимо, принадлежит к числу людей, которые свои принципы ставят превыше всего. Но это значило, что ему, Шуруеву, следует показать незыблемость своих принципов. Иначе люди будут смеяться над ним, директором института.

Узел этот должен быть так или иначе разрублен.

И вот Стрижов у Кирилла Величко. Молодой, розовощекий помощник директора по кадрам сидел в своем застекленном кабинете и бережно пощипывал рыжеватые и тощие усики. Он жестом указал Стрижову на стул:

— Обсудим, Анатолий Федорович, ситуацию. Как вы намерены поступить? Работать у нас будете или есть какие-либо другие планы?

Стрижов понимал, что Величко говорит не свои слова, а выполняет поручение руководителей института. И потому отнесся к ним со всей серьезностью.

— Вот что, товарищ Величко. Уходить я пока не собираюсь. Работу буду выполнять любую, какую поручат. Думаю, что мера наказания, которую избрали для меня, лишив каких-либо заданий, неразумна. Есть же у института задания и кроме тех, что выполняет группа Круглого. Не очень это мудро со стороны руководства. Что касается дальнейшего, кое-какие планы есть. Но для того, чтобы прояснить некоторые обстоятельства, мне надо несколько свободных дней. Съездить надо в столицу. Если можете, оформите мне три-четыре дня. Без оплаты, конечно.

— Думаю, затруднений этот вопрос не встретит,— солидно проговорил Величко, зная, что начальство будет только радо отсутствию Стрижова,— напишите заявление. Думаю, оформим.

Как только за Стрижовым закрылась дверь, Величко позвонил Шуруеву и доложил о беседе со Стрижовым. К концу дня в вестибюле уже висел приказ об отпуске инженера Стрижова на семь дней без сохранения содержания.

Вечером Круглый был у Шуруева.

— Что за новый фортель у нашего Дон-Кихота? Почему вдруг отпуск?

— Поедет, наверное, выяснять возможности, где приложить свои таланты. И хорошо. Затянулось у нас с ним. Уже партийное бюро вмешалось. Требует, чтобы я кончил игнорировать коммуниста. А что я — нянька? Мне сейчас не до благотворительности. От других забот голова кругом идет.

— Что ж, пусть выясняет. Скатертью дорога.— Потом вдруг спросил:— Нам у Пчелина-то когда надо быть?

— В пятницу.

— А сегодня вторник. Времени достаточно. Как бы этот Стрижов не попал к нему раньше. Замусорит академику мозги своими идиотскими сомнениями.

Шуруев задумался.

— Мысль эта что-то мне в голову не пришла. Ну, а если и так, то Пчелина не проведешь, разберется.

— Так-то оно так. Но они ведь на какой-то там почве хорошо знакомы.

— Почва самая святая. Пчелин и отец Стрижова воевали вместе.

— Вот видите. Может и порадеть академик по знакомству. А в нашей проблеме его епархия — главнейший порожек.

— В Пчелина я верю, Глеб Борисович. Верю. Хотя время всех меняет.

— Вот именно. Поеду-ка я к Пчелину на предварительную беседу.

— А что? Может, ты и прав. Береженого, как говорится, и бог бережет. Поезжай. На официальном-то заседании всего не скажешь, а при личной беседе — другое дело. Только на Стрижова ты не очень тень наводи. Он его хорошо знает.

Круглый не ошибся, предположив, что Стрижов постарается попасть к Пчелину. Анатолий Федорович давно уже собирался это сделать, но все откладывал. Теперь же эта встреча была очень нужна. Печать уже трубила о на-

чале работ по Зеленогорску, а ведь именно с прицелом на эту крупнейшую стройку Стрижов и корпел над своим проектом бесколонного, ангарного корпуса. Неделю назад он послал Пчелину кое-что из материалов, и очень хотелось знать его мнение. Да и по поводу приозерской истории надо бы посоветоваться. Хотя и пошли разговоры, что к представленному проекту в республике отнеслись холодновато, разработки институт все же ведет. Неужели так никто в это и не вмешается? Он позвонил Пчелину, и тот назначил встречу.

Зоя встретила его приветливо, как старого знакомого. Но через секунду она уже была «на службе», вела себя деловито, сдержанно.

— Садитесь, Анатолий Федорович, и подождите немного. Михаил Васильевич вас скоро примет.

Стрижов улыбнулся.

— А что это ты, Зоя, так официально со мной? Зазналась, что ли? Надя мне как-то об этом говорила, только я не поверил.

— Не разыгрывайте меня, Анатолий Федорович. Надя не могла сказать такое. А с вами я... ну... как полагается на службе...— И сказано это было так серьезно и значительно, что Стрижов поспешно согласился.

— Да, да, конечно.

— Вот вам журнальчики. Почитайте.

Минут через пятнадцать — двадцать Стрижов показал на часы:

— Долгонько академик заставляет ждать.

— Он просил извинить его. В какие-то чертежи углубился. Я бы вас кофе угостила, да вчера мы с Михаилом Васильевичем поздно засиделись и уничтожили наши запасы. А хозяйство только заводим. Сами знаете, совсем недавно академия к жизни-то возродилась.

— Да. Неисповедимы пути господни. Взбрело тогда кому-то в голову — и под корень нашу академию. Строить стали в десятки раз больше, а архитектурный центр вдруг оказался ненужным.

— Субъективизм, Анатолий Федорович, явление далеко не прогрессивное.

Стрижов усмехнулся.

— Ну, Зоя, ты растешь не по дням, а по часам.

— Михаил Васильевич научит уму-разуму. Раз, говорит, работаешь в академии архитектуры, изволь быть на должном уровне. Вот я и стараюсь.

Стрижов вновь посмотрел на часы.

— А не пора ли, Зоя, все же Михаилу Васильевичу напомнить.

— Напомнить, конечно, можно. Только...

— Не любит?

— Очень. Надо, говорит, уметь отличать занятость от бюрократизма. Но рискнем.— И Зоя, мельком оглядев себя, пошла в кабинет Пчелина.

Стрижов не любил ожиданий в приемных, считал, что это идет не от занятости некоторых руководителей, а от их неумения спланировать время, от невнимания к людям. Правда, за Пчелиным такого до сих пор не водилось. Но, может, он тоже не устоял перед этими привычками? «Ну ладно, наберемся терпения,— с легкой досадой думал Стрижов,— но спросим, что это значит. Эх, если бы не было большой нужды в этой встрече. Передал бы сейчас приветик через Зою — и был таков. Но придется ждать».

Инженер Стрижов и академик Пчелин действительно были знакомы, и знакомы давно.

С самого начала войны и до последних ее дней офицеры советской разведки Михаил Пчелин и Федор Стрижов выполняли особые поручения командования в тылу врага. До победы оставалось уже совсем немного времени, когда их группа попала в кольцо фашистов. Документы, которыми она располагала, были предельно важны, их надо было во что бы то ни стало переправить за линию фронта. Командир группы Федор Стрижов передал Пчелину планшет и приказал выходить. Пчелин не хотел оставить друга. Спор был отчаянный, но короткий — кольцо немцев сжималось. Стрижов с тремя бойцами затеял отвлекающий неравный бой с передней цепью, а Пчелин прорвался и скрылся в лесу. Скоро по двум глухим гранатным взрывам он понял: схватка кончилась.

Верность той дружбе Пчелин пронес сквозь все годы. Первое, что он сделал после войны,— нашел в Приозерском детском доме сына Стрижова, Анатолия, и забрал его к себе. И только когда парень уже сам пошел по жизни — счел свой долг перед фронтовым другом выполненным. Анатолий глубоко был привязан к Пчелину за его заботу о нем в те трудные годы, за верность памяти отца.

Встречались они редко, но, если встречались, рады были оба, говорили долго и обо всем, спорили, ссорились, опять мирились. И хотя Пчелин был почти вдвое старше Анатолия, разница в возрасте не чувствовалась.

— Слушаю вас, Зоя,— Пчелин поднял голову от бумаг.— Хотите сообщить, что товарищ Стрижов заждался и нервничает. И что это похоже на невнимательность со стороны академика. Так?

Зоя смутилась.

— Почти все так, Михаил Васильевич. Вот только насчет невнимательности... Вы это сами... Такого я говорить не собиралась.

— Говорить не хотела, а подумать подумала, и, поди, совместно обсудили эту тему. Ну ладно, зови этого басурмана.

— Хорошо, Михаил Васильевич. Но все же хочу уточнить: о невнимательности у нас разговора не было.

Пчелин усмехнулся.

— Может, наши служебные взаимоотношения мы выясним потом? Стрижов-то ведь ждет, волнуется.

— Зову, зову, Михаил Васильевич.

Пчелин, разумеется, знал, что в Приозерске готовятся к крупной застройке, не было для него секретом и то, что вокруг нее разгораются страсти. Совсем недавно ему позвонил секретарь Приозерского обкома Чеканов.

— Просьба к вам,— проговорил он,— ускорьте рассмотрение наших предложений. Госстрой переслал их вам на заключение. Отношение к этим проектным разработкам неравнозначное. Претензии есть и у нас, но нас поджимают сроки. Доведем в рабочем порядке. Столько лет ждали этого решения! Потому бьем вам челом...

О заседании архитектурного совета Облгражданпроекта скупо обмолвился Пчелину и Метлицкий, заглянувший как-то к Михаилу Васильевичу на огонек.

— Значит, даже на периферии показываетесь, а у нас — редкий гость. Нехорошо, Модест Петрович,— упрекнул его Пчелин.

— Очень уж уговаривали, Миша. Не хватило сил отказаться.

...Пчелин встретил Стрижова почти у двери, крепко встряхнул его руку.

— Ты извини, что заставил малость подождать. Спорщик-то ты трудный, вот и решил предварительно подковаться. Видишь,— показал он на стол, заваленный чертежами,— все приозерские дела. Здесь же стенограмма архсовета и твоя речь: ничего, разумная. Только уж очень злая. И письмо твое тоже здесь.

— Злая, говорите? Наболело, Михаил Васильевич.

— И все-таки не одобряю. В спорах, знаешь ли, берут верх не эмоции, а аргументы.

—А если их — эти аргументы — ни слышать, ни видеть не хотят?

— Может быть, не признают убедительными.

— Может быть и такое. Но пусть тогда докажут, переубедят...

— А если ты того... непереубедимый?

Стрижов, вздохнув, согласился:

— В данном случае это действительно так.

— Ну вот видишь. Как же убедить человека, если он признает только свою правоту?

Стрижов сумрачно проговорил:

— Если позиция в этом споре у вас, Михаил Васильевич, уже определилась, то данную тему я с обсуждения снимаю.

— Каким ты был, таким остался. А пора бы и остепениться. Перестроиться кое в чем. Вон сколько седины-то в шевелюре — меня догоняешь.

— Перестраиваться уже поздновато, Михаил Васильевич. А если говорить откровенно, то и не хочу.

— Ну ладно, вольнодумец. Объясни, почему бьешь во все колокола? В чем дело?

В это время в приемную Пчелина торопливо вошел Круглый. Он бросил в угол дивана шляпу, плащ и ринулся к двери кабинета. Зоя преградила ему дорогу.

— Ах, пардон. Слона-то я не приметил. Здравствуйте, дорогуша. Здравствуйте. Какая же вы! Умеет вот природа создавать такие существа.

— Здравствуйте, товарищ.

— Круглый, Круглый моя фамилия. А вас как звать?

— Зоя. Но...

— Удивительно. А я думал Марина Влади. Очень уж похожи. Шеф у себя? — кивнул Круглый на дверь кабинета.

— Михаил Васильевич сегодня принимать никого не сможет.

— Мне позарез нужно к нему. Вопрос наиважнейший, государственный. Там кто-то есть?

— Товарищ Стрижов.

— Стрижов? Так мы же из одной епархии. И по одному делу. Пойду.

— Нет, нет. Как же можно, товарищ Круглый?

Круглый обозлился.

— Вот чертовы порядки. Тогда доложите, что Круглый здесь, понимаете, Круглый...

— Раз настаиваете, я обязана это сделать. Присядьте, пожалуйста.

Когда за Зоей закрылась дверь, Глеб Борисович проворчал:

— Ох и ведьма выйдет из этой маргаритки. Угораздит же природу вылепить такое чудовище. А Стрижов-то прорвался-таки. Вот тип. Но что мне-то делать, если этот старый гусак не примет? Как тогда быть?..

Когда Зоя вошла в кабинет Пчелина, тот, недовольный, повернулся к ней и заметил:

— Мы же договорились, Зоя Андреевна, что нам не будут мешать!

— Там рвется еще один посетитель. И такой, знаете... настырный. Еле удержала. Некто товарищ Круглый.

— Ну что ж, скажите товарищу Круглому, что я обязательно встречусь с ним. Только завтра. С утра.

— Я уже объясняла. Настаивает, чтобы сейчас. Категорически требует даже.

— А вы ему объясните так же категорически... но мягонько, с улыбкой, что, мол, не может Пчелин. Сегодня не может. Набирайтесь, Зоя Андреевна, житейской мудрости, сноровки и терпения.

Зоя вздохнула:

— Попробую. Хоть чувствую, никакая сноровка тут не поможет.

Круглый встретил ее у самой двери.

— Ну, как?

— Михаил Васильевич ждет вас завтра с утра.

Круглый взвинченно зашумел:

— Вот-вот! Только возродили это богоугодное заведение, и уже махровый бюрократизм. Круглого не хотят принимать?! Круглого! Невероятно!

— Почему не хотят? Говорю вам, завтра с утра.

— Мне сегодня надо. Сейчас. Понимаете?

— Вы не кричите, пожалуйста. Я не глухая.

— Да не кричу я. У меня голос такой. Как же быть? Вот чертовщина!— ответил он и тут же подумал: «Кто может уломать эту старую галошу? Головин? Пожалуй».

И Круглый поспешно ринулся из приемной.

Зоя удивленно пожала плечами и поплотнее прикрыла дверь кабинета Пчелина.

Пчелин в раздумье говорил Стрижову:

— Серьезную баталию ты затеял, Анатолий, серьезную. Предложения Круглого и его группы, в сущности, под корень?

— Но нельзя по таким материалам затевать стройку. Сырое же все, недоработанное. И устарело уже многое. Ведь целый район возводиться будет.

Пчелин пристально посмотрел на Стрижова и спросил:

— Объясни мне, зачем все это тебе?

— То есть как?

— Ну, эта война с Шуруевым и Кругловым? Какая тебе разница, так или иначе будет спроектирован массив, эти или другие дома будут на Левобережье? Своего проекта ты не предлагаешь, от соавторства отказался. Ты, конечно, прав, предложения пока не доработаны. Но ведь дело это обычное. Изменят, заменят, доведут. Время, время — вот фактор, который надо учитывать.

— Но зачем портить такую замечательную территорию, зачем привязывать плохие дома, когда есть возможность спроектировать лучшие. Я предлагал Шуруеву внимательно посмотреть разработки группы Ромашко. Там есть основа, может действительно получиться интересное решение.

— Ромашко? Ромашко. А! Знаю. Как же, знаю.

— Очень талантливый архитектор, но не боец, на драку не идет. И бригада у него отличная, очень способные ребята.

— Но, говорят, дома́ тоже не золото.

— Тоже не все доведено до дела. А еще лучше — конкурс. Отберите лучшее.

— Анатолий, скажи-ка ты прямо, зачем пришел? Что ты от моей седой головы хочешь? Поддержки? Протекции? Так ты ведь знаешь, я в такие игры не играю. Проектные предложения, что я бегло посмотрел, не так уж плохи, хотя и в твоих критических стрелах тоже немало резона. Я обещаю только одно — подробно разобраться во всем этом и высказать свое мнение. Но я не обещаю, что оно будет таким же, как твое.

Стрижов разочарованно произнес:

— Да. До сегодняшнего дня я как-то больше верил, что не может, ну не может в наше время восторжествовать абсурд. Сейчас что-то усомнился. Уж если академик Пчелин...

Михаил Васильевич сухо прервал его:

— Академик Пчелин обещал архитектору Стрижову составить собственное мнение об эскизном проекте по

Приозерску. И это будет сделано. Но ты, видимо, хочешь, чтобы я ринулся защищать именно твою точку зрения? Позволь тебя спросить: а почему, собственно?

Стрижов улыбнулся:

— Михаил Васильевич, не надо со мной так строго. Если я вас рассердил чем, то извините, и будем первый вопрос повестки дня считать исчерпанным. Я ни о чем не прошу, ни на чем не настаиваю, но и ни от чего не отказываюсь. А вот по следующему пункту порядка дня я действительно пришел к вам с просьбой. Более того, надеюсь на вашу протекцию.

Пчелин поморщился, не поднимая глаз, спросил:

— Говори, о чем речь.

— Вы на мою пояснительную по сборным перекрытиям не успели взглянуть?

— Почему же не успел? Успел. И хвалю. По-моему, очень оригинально.

— Если так, то прошу рекомендовать меня в Зеленогорск. Я знаю, вы комплектуете туда проектную группу.

Пчелин поднял недоумевающий взгляд.

— Это что-то новое, Стрижов. Объясни толком.

— Судя по прессе, Зеленогорский комплекс будет строиться на принципиально новых основах, по самой современной технологии. Ну так вот... может, конечно, нескромно это. Но думаю, что мои потуги в этой области могли бы пригодиться.

Пчелин, слушая сейчас Стрижова, мысленно упрекал себя за сухость в разговоре. Поторопился и с выводами о парне. Стрижов остался Стрижовым.

Когда Анатолий замолчал, Пчелин проговорил:

— Зеленогорск — это далеко не просто. Ты имеешь хоть приблизительное представление, где это, как и сколько, в каких условиях придется работать?

— Думаете, не выдержу? — с прищуром в глазах спросил Стрижов.

— Думать этого не думаю, а спросить обязан. Не в Москву и не в Сочи ехать-то придется.

— Я почему-то уверен, — продолжал Стрижов, — что буду там полезен. О протекции не просил бы, но боюсь нарваться на отказ. Поди, не только какой-то там Стрижов из Приозерска захочет попробовать свои силы на такой стройке.

Формирование проектной бригады для Зеленогорска было одной из неотложных и беспокойных забот Михаила

Васильевича, и предложение Стрижова оказалось кстати. Но оно было слишком неожиданным. Дело предстояло ответственное, крайне трудное, инженера-архитектора, способного возглавить целое направление в предстоящих проектных работах огромного комплекса, подыскивали давно. Кто очень рвался — не подходил, кто подходил — на Крайний Север не очень рвался.

— Ехать туда надо на два-три года, не меньше. Это ты учитываешь?

— Учитываю, Михаил Васильевич.

— А как отнесется к этому Полина?

Стрижов замялся было, затем сумрачно ответил:

— Мы с ней расстались.

— Вот как? А я и не знал.— Оба помолчали. Пчелин хотел спросить об этом подробнее, но, увидев мрачный, нахмуренный взгляд Стрижова, передумал. А Анатолий, видимо интуитивно догадавшись о его мыслях, несколько торопливо добавил:

— Но моя просьба никак не связана с этим фактом.

Пчелин потянулся к белому телефону, быстро набрал номер и минуты две или три разговаривал со своим невидимым собеседником о каких-то ста тысячах валюты, которые зажал какой-то Василий Дмитриевич. Договорившись о едином плане действий, чтобы «обложить его, сквалыгу, со всех сторон», Пчелин заговорил о цели своего звонка:

— Первый раз в жизни отступаю от своих принципов и ходатайствую за своего протеже. У меня сидит инженер-архитектор Стрижов, кандидатура для Зеленогорска. Знаю-то? Давненько знаю. Думаю, потянет. Когда примешь? Сегодня? Вот и отлично. Сегодня и заедет.— Положив трубку, Пчелин, не меняя позы и глядя на Стрижова, проговорил:

— Ну что ж, Стриж... Зеленогорск — дело архиважное. Все вопросы по нему решаются быстро. Коль понравишься головному подрядчику — через месяц надо будет улетать. Так что баталию с Шуруевым и Круглым заканчивай.

— Что могу — сделаю. Если и здесь не найду поддержки, поеду в ЦК. На вас буду жаловаться.

Пчелин скупо усмехнулся.

— И на том спасибо. Только ведь всех-то и солнышку не обогреть. Не ты, так другие жаловаться будут.— Затем добавил:— В ближайшие дни в Приозерском обкоме пар-

тии все эти дела будут обсуждаться. Думаю, что тебя пригласят тоже. Вот там все и решим. А теперь давай-ка прямым ходом в Минтяжстрой — министр уже ждет. Все-таки вынудил ты меня под старость лет на блатные дела. Смотри не подведи! Ну, будь здоров.

Когда Стрижов вышел, Пчелин ненадолго задумался. Вспомнился ему отец Анатолия, взгрустнулось о старом друге. Подумалось о том, как разительно похож Анатолий на отца, очень похож. Только тот был мягче, сдержаннее, не был так непримирим. Видимо, у каждого поколения свои черты... От этих размышлений Михаила Васильевича отвлек звонок по правительственному телефону. Звонил руководитель крупного союзного ведомства. Не виделись они давно, и оба были рады перемолвиться несколькими словами... А потом тот попросил:

— Слушай, у тебя там в приемной некто Круглый. Прими ты его ради Христа, извел он меня.

Пчелин досадливо поморщился:

— Не хотел я сегодня встречаться с этим малым. Но раз ты просишь... Только откуда ты-то его знаешь?

— А...— усмехнулся собеседник.— Знакомство плавочное, если можно так сказать. В бассейне порой встречаемся.

— Ну хорошо, приму, раз такое дело. А то еще утопит он тебя, нелегкая его забери.

В приемной Пчелина в это время текла своя жизнь.

Как ни строго относилась Зоя к своим служебным делам, она все же урвала минутку и, вынув из стола зеркальце, посмотрела на свои пушистые брови, еще чуток подвзлохматила свой «лошадиный хвост». За этим занятием ее и застал Стрижов, выйдя из кабинета Пчелина. Зоя смутилась было, но он, к ее удивлению, тоже проявил интерес к своей внешности.

— Зоя, скажи-ка откровенно, как я? На хиппи не смахиваю?

Когда Стрижов только еще появился в приемной, Зоя заметила его довольно помятый вид. Но, зная от Нади о его домашних делах, ничуть не удивилась этому. Сейчас же, когда он сам заговорил на эту тему, ответила:

— Если говорить откровенно, то впечатление не очень.

— Ну вот, а мне к министру ехать.

— А вы съездите переоденьтесь.

— Куда съездить? Номер-то в гостинице обещают только к вечеру.

— Так вы что же, нигде не остановились? И не кушали, конечно. Ну, Анатолий Федорович, вы меня обижаете. Запомню я вам это. Сказали бы, можно было что-нибудь организовать. Я же думала, вы в гостинице устроились.

— Значит, неважный вид-то, говоришь? Ну да ладно. Авось не взыщут. Позвонить разрешишь?

— Пожалуйста. Вот городской, этот через восьмерку.

Стрижов уткнулся в телефон, не заметив, как в приемной показался Круглый. Он стремительно подошел к столу Зои и торопливо, требовательно проговорил:

— Доложите, дорогуша, да побыстрей. Он примет.

По пути в столицу Круглый не раз думал о том, что не исключена его встреча со Стрижовым. В институте встретиться или не встретиться — зависело от Круглого. А здесь другое. «У того же Пчелина можем столкнуться. О чем говорить? Сказать ли о Полине? Хотя он, конечно, знает, но все же. А, черт с ним, скажу. Отшучусь: если жена убежала к другому, еще неизвестно, кому повезло...» Хотя Глеб Борисович и настроил себя на этот легковатый спасительный тон, увидев Стрижова в приемной, растерялся, засуетился:

— О, Анатолий, здравствуй! Вот это удача! А мне обязательно надо поговорить с тобой. Ты подождешь? Я у старика долго не пробуду.

Стрижов удивился этой просьбе и сухо ответил:

— Ждать не буду. Что надо — говори сейчас.

— Ну что же, можно и сейчас.— Он посмотрел в сторону Зои. Та уходила с бумагами к Пчелину. Круглый был доволен этим и уже свободнее продолжал:— Анатолий, отнесемся ко всему случившемуся спокойно, не будем драматизировать ситуацию. Полина у меня.

Стрижов молчал, поэтому Круглый продолжил:

— Но ты, старина, того, сам виноват. Она шла к тебе, чтобы вернуться. А ты... Надо было как-то по-другому. На меня же ты зла не держи, откровенно говоря, я ведь тоже не рад такому обороту дела. Все со сложностями, с комплексами, с психологией. Не для меня это. Я предпочитаю более уравновешенные характеры. И вообще... Так сказать, цветы запоздалые...

Стрижов знал, конечно, что Полина переехала к Круглому. Да, он понимал, что их разрыв стал фактом. И все же... Очень уж поспешно Полина сменила супружеское ложе. Ведь ничего еще не забыто, не поросло быльем, свежа еще боль в сердце. Полина же окончательно подвела итог.

Удар этот Стрижов переживал тяжко и трудно. Только он сам знал, сколько нервов, душевных сил и бессонных ночей стоила ему эта новость, разнесшаяся по институту.

Лишь одна мысль более или менее облегчала его мятущуюся душу. Значит, у Полины и Глеба было давнее взаимное чувство. А он, Стрижов, все эти годы был препятствием к их союзу. Это как-то облагораживало в его глазах их поступок, а его убеждало в закономерности и неизбежности такого исхода.

Слова же Круглого о Полине, его снисходительно-циничное откровение по поводу случившегося так больно задело Стрижова, так грубо разрушило придуманную им же самим легенду, что он скрипнул зубами от боли. С трудом сдерживая себя, Стрижов хрипло бросил Круглому:

— Слушай... ты... Подло же это.

Круглый осклабился в усмешке:

— Ну что ты взвился? Можем же мы поговорить по-мужски?

Это его ухмылка была последней каплей. Сузив в неистовом гневе глаза, Стрижов приблизился к Круглому, взял его за лацканы пиджака:

— По-мужски говорить хочешь? По-мужски это делается так...— И дважды с силой ударил Круглого по щекам.

Круглый побелел, задохнулся от гнева и злости. В драку, однако, не полез. Отступив от Стрижова, он зачастил:

— Ты что? Спятил? Это же... Это же хулиганство. Статья.— И, повернувшись к Зое, которая только что вышла от Пчелина и наблюдала последнюю часть сцены, завопил: — Вы видели? Будете свидетелем. Я это так не оставлю.

Зоя, однако, спокойно ответила:

— Ничего я не видела... Вас просит Михаил Васильевич.

Бочком направляясь к кабинету Пчелина, Круглый бормотал:

— Мы еще вернемся к этому эпизоду, Стрижов. В ближайшее же время.

Тот брезгливо ответил:

— Уходи.

Когда за Круглым закрылась дверь кабинета, Зоя встревоженно посмотрела на Стрижова.

— Анатолий Федорович, зачем это вы? Ведь неприятности могут быть.

— Проглотит. А заслужил он большее. Руки вот только хочется вымыть. До свидания, Зоя. Заезжай к нам. Не зазнавайся.

Зоя хотела ответить что-то, но ее вызвал звонок Пчелина.

— Что там у вас творится? — сухо спросил академик.

— Где, Михаил Васильевич?

— Ну, у вас, в приемной.

Зоя пожала плечами.

— Товарищи беседовали...

— И все?

— А что еще?

— Но вы же видели... видели, — нервно заговорил Круглый, — как Стрижов оскорбил меня... Действием оскорбил.

— Ничего такого я не видела. О чем вы?

Круглый в подчеркнутом недоумении пожал плечами. Пчелин, пряча улыбку, отпустил Зою. Когда она вышла, спросил Круглого:

— Неужели из-за проекта все вышло?

— Да нет, о нем и речи не было. Сугубо личное. Полина-то, ну, жена его... у меня сейчас...

— Тогда чего же вы хотите? Чтобы он вам за это спасибо сказал? Такое тоже бывает, но не часто.

— Я к прокурору... В суд подам. Так это дело не оставлю...

— Желаю вам успеха у Немезиды. Но ко мне-то, полагаю, вы по другому поводу? Слушаю вас.

Все еще нервозно Круглый проговорил:

— У вас на заключении находятся эскизные предложения по Приозерску. Так вот, надо, чтобы мнение академии не разошлось с позицией руководящих инстанций. Не следует слушать разных злопыхателей и демагогов.

Пчелин попытался его успокоить:

— Вы не волнуйтесь. Мы намерены обсудить эти материалы совместно с областными организациями. Надеюсь, общими силами сумеем разобраться в их достоинствах и недостатках.

— Вот-вот. И давайте при этом руководствоваться не личными привязанностями, а интересами дела.

Круглый понимал, что он взял не тот тон разговора, что своей взвинченностью и нервозностью портит все, но ничего с собой сделать не мог. Стычка со Стрижовым вывела его из равновесия.

Пчелин нахмурился. Людей нахальных он не терпел.

— Спасибо, товарищ Круглый, за разъяснение наших

обязанностей.— Пчелин даже церемонно поклонился. Это, однако, еще больше взвинтило Круглого.

— С нами, товарищ Пчелин, шутить не надо. Мы, знаете ли, не новички какие-нибудь. Целые кварталы и городские улицы созданы вот этими руками.

— Еще раз благодарю вас. Предложения рассмотрим самым тщательным образом.

— И надеюсь, доброжелательно,— все еще в запале проговорил Круглый.

— Объективно рассмотрим.

Круглый понимал, что надо сказать что-то смягчающее, чтобы не так вот колюче расстаться с Пчелиным. Но ему так ничего и не пришло в голову. И он, злой, недовольный и собой и этой беседой, направился к двери. Пропуская в дверях Зою, спросил глухо:

— Этот ненормальный ушел?

С еле заметной усмешкой Зоя сообщила:

— Опасность миновала.

Эта ее усмешка не ускользнула от внимания Круглого и вновь обозлила его. Направляясь через приемную, он гремел:

— И это академия архитектуры! На кой черт ее возродили? Пансионат для престарелых. Ретрограды да птенцы тут окопались.

А в кабинете Пчелина Зоя, кладя на стол академика очередные бумаги, со вздохом пожаловалась:

— Ну и денек сегодня, Михаил Васильевич.

Пчелин весело рассмеялся.

— Привыкайте, Зоя. Академической тишины в этих стенах не предвидится.

В ОБКОМЕ

Кабинет первого секретаря Приозерского обкома превратился сегодня как бы в зал проектного института. На стенах — планшеты с различными таблицами, диаграммами, фотографиями, на столе для заседаний, стоявшем впритык к письменному столу, разложены чертежи, схемы, выкопировки.

В приемной ожидала большая группа руководящих работников Приозерска. Стрижов тоже был приглашен на это совещание и теперь в углу приемной что-то сосредоточенно записывал в своем блокноте. Здесь же были Шуруев и Круглый. Они оживленно переговаривались, но Стри-

жова будто не замечали. Наконец к нему подошел Шуруев и, нарочито приподнято поздоровавшись, спросил:

— Как дела, Аника-воин? Все шумишь, все бьешь в колокола? За сегодняшнюю баталию, что предстоит, тоже тебя надо благодарить?

— Почему? Совещания в обкоме назначаю не я.

Шуруев тяжело вздохнул:

— Как ты все осложнил, Стрижов.

— Ничего, Вадим Семенович, скоро у вас жизнь будет поспокойнее. Только смотрите, как бы вас эта благость в болото не затянула́.

Шуруев хотел уточнить, что Стрижов имеет в виду, но всех пригласили в кабинет Чеканова.

В кабинете кроме хозяина уже находились председатель горисполкома Костюков — подвижный толстяк с коротким седым ежиком на голове, острыми колючими глазами, и секретарь горкома Наумов — молодой еще человек, он озабоченно переговаривался с сидящим рядом академиком Пчелиным.

Когда вошедшие расселись вокруг обширного стола заседаний, Чеканов поднялся.

— Вы, товарищи, знаете, что нами в Госстрой республики были представлены проектные предложения по Приозерску. Они были подготовлены нашим проектным институтом, рассматривались городскими организациями и обкомом партии. Однако в Госстрое материалы вызвали ряд замечаний. Нам предстоит разобраться во всем этом, разобраться внимательно и не спеша. Дело, сами понимаете, наиважнейшее и непростое...

Нетрудно было понять тревогу областных работников, когда оказалось, что представленные проектные материалы не нашли одобрения, по ним возникли замечания специалистов. Это грозило перенесением сроков начала работ по застройке Левобережья на год-два, а то и больше. Поэтому, хотя свое вступление на сегодняшнем совещании Чеканов делал внешне спокойно, размеренно, давалось ему это спокойствие с трудом.

Он, хмурясь, отложил в сторону какую-то папку с бумагами, видимо, именно в ней были малоприятные заключения специалистов, и продолжал:

— Предложения не отвергнуты, нет. Но рекомендовано еще раз посмотреть их. У нас здесь присутствуют руководители проектного института, руководство города, приехал Михаил Васильевич Пчелин. Вот давайте разбираться.

При этом не будем забывать двух обстоятельств. Первое: сроки. Нам очень нежелательно оттягивать начало застройки Левобережья. Очень нежелательно. Но как и чем мы его застроим — тоже немаловажно. На авось, потом, мол, разберемся,— мы идти не можем. Это второе обстоятельство, которое тоже прошу иметь в виду при обсуждении поставленного вопроса. Кому первому предоставим слово? Видимо, руководителю проекта застройки? Пожалуйста, Глеб Борисович.

...Круглый говорил с плохо скрытым недовольством. Его глубоко уязвила вся эта история, и он, несмотря на все уговоры Шуруева, никак не мог настроиться на спокойный, рассудительный тон. Глеб Борисович был убежден, что позиция республиканских организаций явилась результатом происков Стрижова и поддержки этих происков со стороны Пчелина. Поэтому он не столько разъяснял основные элементы проектных предложений, сколько зло, с сарказмом высмеивал те замечания, которые содержались в заключении Госстроя и с которыми Шуруев и он были уже ознакомлены.

— Меня удивляет, что из-за возражений одного-двух, пусть и уважаемых, специалистов подвергли сомнению труд целого коллектива зодчих, работу целого института. При этом замечания по планировке, например, носят общий, я бы сказал, даже абстрактный характер. Недостаточно оптимально использована пойма Серебрянки. А по-моему, достаточно оптимально. Нет органической связи со старой застройкой. А по-моему, есть, и довольно ясная. Неудовлетворительно используется ландшафт. А я утверждаю, что удовлетворительно. Следует более рационально отнестись к водному зеркалу озера Тростникового, использовать его более эффективно. Что это такое? Может, застройку на его гладь перенести, вторую Венецию отгрохаем? Мне кажется, что побережье озера у нас использовано довольно удачно и рационально.

— Какое же это удачное использование, когда вы его все занимаете портовыми сооружениями,— бросил реплику Стрижов.

Круглый, не повернувшись к нему, ответил:

— Приозерск — не город-спальня, а город-труженик. Пора бы это знать, товарищ Стрижов.

— Но спать-то лучше под плеск воды, чем под рев и гудки теплоходов.

— Это лирика, к делу она отношения не имеет.— Круг-

лый в том же запальчивом тоне закончил: — На критических замечаниях в адрес «СКП-10» я останавливаться не буду, ибо эти замечания полностью соответствуют тому направлению, которое мы взяли по доработке проекта. Дома будут нормальные. Но на вкус каждого, конечно, не потрафишь. И делать этого, думаю, не надо.

Круглый замолчал и сел на свое место, ни на кого не глядя.

Чеканов вежливо спросил:

— У вас все, Глеб Борисович?

— Пока все. На вопросы и замечания, если таковые будут, я готов ответить.

— Какие есть вопросы, товарищи? Прошу. — Чеканов выжидающе смотрел на участников совещания.

Вопросы были. Они касались прежде всего доработки проекта «СКП-10», затем возник спор о целесообразности повышенной этажности, опасались, что новая застройка придавит старый город. Система транспортных связей новой застройки со сложившимися магистралями города тоже беспокоила многих.

Круглый уже несколько успокоился и отвечал деловито и уверенно. У многих из присутствующих рождалась мысль, что сомнения по проектным предложениям у республиканских товарищей, пожалуй, преувеличены, не очень-то они весомо выглядят. Интересно, что скажет академик Пчелин?

Когда вопросы к Круглому и Шуруеву иссякли, Чеканов, не обращаясь ни к кому конкретно, заметил:

— Непростое дело нам предстоит. Приозерск живет более трех столетий, а мы должны построить такой же по размерам новый город за какие-то пять лет. И все же хотелось бы избежать крупных просчетов и ошибок. Именно заботу об этом я вижу и в заключении специалистов. Этим озабочена и партийная организация института, об этом же, между прочим, написал в обком и инженер Стрижов.

Костюков поднял голову и предложил:

— Надо бы зачитать это письмо. Там есть толковые мысли, но и субъективного много.

— Из письма товарища Стрижова мы секрета не делаем, оно разослано всем членам бюро обкома. К тому же товарищ Стрижов присутствует здесь и, я думаю, выскажет свою точку зрения. Сейчас слова просит директор института. Пожалуйста, Вадим Семенович.

Шуруев поднялся за столом, неторопливо надел очки, заговорил озабоченно:

— Я считал и считаю и планировку застройки, и избранный тип домов с учетом их модернизации достаточно удовлетворительными. Если бы я думал иначе, я бы не представлял эти материалы архитектурному совету и тем более областному комитету партии. Можно ли иметь лучшие проекты? Можно ли иметь лучшие типы домов? Да, конечно, можно. Но в стране и кроме Приозерска многое надо строить. На дворцы и коттеджи денег пока нет. Так давайте же реально смотреть на вещи. Я не боюсь сказать, что некоторые не в меру ретивые критики наших предложений своим упорством ввели в заблуждение республиканские организации. Хорошо, что прибыл товарищ Пчелин. Я уверен, что вместе мы найдем выход из создавшегося тупика, разрубим этот узел и, не откладывая, начнем осваивать Левобережье. Хороший будет массив, товарищи, уверяю вас.

Стрижов опять не удержался:

— Массив — конечно, будет. Наставите вы своих «СКП», которые ничуть не ушли от знаменитых пятиэтажек,— и массив готов. А каково в них жить? Об этом следует думать прежде всего.

— А что вам, собственно, дались пятиэтажки? Что вы их так невзлюбили? Это был необходимый и неизбежный этап в нашем градостроительстве.

Пчелин поддержал Шуруева:

— Пятиэтажки я бы тоже не трогал. Нужда заставляла идти на них. Нужда. Мне вспоминается одно выражение Магомета: «Если бы у меня было три каравая хлеба, то я бы один каравай оставил, а два продал и купил гиацинты, чтобы накормить свою душу». Нам было не до гиацинтов. Жилищный кризис был страшный, архитекторы вынуждены были забыть на время мечты о голубых городах и строить много и быстро.

— Но так строить сегодня уже нельзя!— Голос Стрижова звенел напряженно и нервно.

Пчелин поддержал его, проговорил со вздохом:

— Строим много, но не всегда хорошо, это верно. К масштабам бы да качество...

— Долго будем ждать этой манны небесной при таких проектах,— мрачно проворчал Стрижов.

И тут же раздался бас Костюкова:

— Месяца два или даже три я слышу одно и то же:

Стрижов против, Стрижов критикует... Думаю, кто такой Стрижов? Что за новый авторитет появился? Может, академик? Профессор? Да нет, говорят, инженер, сотрудник института.— И, повернувшись к Чеканову, Костюков продолжал:— А еще болтают там, за рубежом, что у нас мало свободы личности. Я лично считаю, что у нас настоящий произвол личности. Поведение инженера Стрижова — лишний тому пример. Мутит он воду, поднял целую кутерьму, на огромное дело тень навел. Чего он, собственно, хочет? Дайте мне слово, Игорь Павлович.

— Так вы его уже взяли. Продолжайте, Сергей Михайлович.

Костюков вооружился указкой, воинственно расправил плечи.

— Я хочу высказать официальную позицию исполкома городского Совета. Нас проектные предложения, разработанные Облгражданпроектом, устраивают. Устраивает и тип домов. Мы их, собственно, знаем, они стоят и на Октябрьской и в других районах. Скучноваты, однообразны, санитарно-бытовые узлы маловаты. Но проект «СКП-10» учитывает все зто и довольно ощутимо меняет дело. Набор квартир очень хорош. Трех-, двух- и однокомнатные — то, что нам нужно. Одним словом, мы считаем, что надо просить товарищей из республики поддержать нас. Ну, а что надо поправить, улучшить — сделаем.

Шуруев и Круглый, довольные, переглянулись.

Выступления других руководящих работников Приозерска были также за утверждение подготовленных проектных предложений. Всех беспокоила угроза отсрочки застройки Левобережья. Чеканов поискал глазами Стрижова.

— Собираетесь выступать, товарищ Стрижов?

Стрижов поднялся, с трудом унял вдруг охватившее его волнение.

— Прошу заранее извинить меня, товарищи, но я не могу высказаться так кратко, как зто делали выступавшие товарищи. Думаю, вы поймете меня. Вот уже несколько месяцев я хожу в склочниках, сутяжниках. Это дает мне право и даже обязывает объяснить самому авторитетному органу — обкому партии — причины моей настойчивости. Я знаю, что многим набил оскомину, себе навредил достаточно. И все же хочу сделать еще одну попытку доказать свою правоту. Да, я не академик и не профессор, как правильно заметил здесь председатель горсовета,

и тем не менее утверждаю, что проектные предложения по Левобережью, представленные в Госстрой, неудовлетворительные. Плохой подарок будет приозерцам.

— А вы что, хотите иметь только хоромы? Чтобы квартиры были об два этажа да еще с лоджиями? — сердито спросил Костюков.

— Не знаю, почему вы подозреваете меня в этом. Квартиру я у вас не просил.

— Не просили, так попросите. Подивитесь фильм, что шел у нас недавно. В каких апартаментах там зодчие-то обитают? Ну, а бытие, как известно, определяет сознание.

— Если не брать частности, то фильм, о котором вы говорите, глубокий и поучительный. Но не о том у нас речь. Я, товарищ Костюков, тоже против, чтобы каждый дом, кафе или танцзал в хоромы превращать. Но то, что строить пора уже более добротно,— это факт. Особенно жилье. И вы, прежде всего вы, должны выступать как против тех, кто действует по принципу сбил-сколотил, так и против неумных фантазеров, которые готовы швырять сотнями тысяч, чтобы увековечить свое имя на фасаде.

— Спасибо вам, Стрижов. А я все думал, кто разъяснит мои задачи?

Шуруев в тон Костюкову съязвил:

— Стрижов на это мастер. Вы еще не то услышите.

— Надо же хоть здесь поговорить откровенно. В институте-то вы не даете.

— Ну, вы и там не очень стесняетесь.

— А что толку? Спорим, ругаемся, а плохие проекты все равно в дело идут, дома по ним строят. Не исключено, что так случится и с Левобережьем.

— И будет правильно. Архитектурный совет института, несмотря на все ваши потуги, предложения по застройке одобрил.

— Убедился еще раз, Вадим Семенович, что вы можете многое. А каков результат таких скороспелых, а порой, скажем прямо, заранее обусловленных решений? Результат мало убедительный. Отучаем людей думать, творить. Одни смотрят на архитектуру как на прозаическое ремесло, другие — как на возможность выкрутасничать. Одни преспокойно лепят спичечные коробки, другие городят такое, что мозги набекрень становятся.

Круглый возмутился:

— Ну зачем же так, Стрижов? Не лепим, а строим, и не только спичечные коробки. Есть в нашем активе кое-что и

другое. Мне очень прискорбно слушать, Стрижов, такое здесь, в областном партийном штабе. Так ведь все можно зачеркнуть: и то, что оставили нам предки, и что сами создаем. Чем вам нелюбы московские застройки? Или киевские? Может, вы и Дворец съездов в Кремле не одобряете?

Стрижов бросил на него удивленный негодующий взгляд.

— Нет, почему же, Дворец чудесный. То же, между прочим, могу сказать и о московских ансамблях и даже о высотных домах Москвы. У нас стало модным ругать их. А делается это совершенно напрасно. По-моему, очень неплохие дома. Так прочно и органично вписались они в панораму столицы. Ну, а о предках и говорить нечего. Кто же равнодушно пройдет мимо сооружений Баженова или Казакова? Кто может не восхититься афинским Акрополем или римским Колизеем? И сегодня они потрясают нас величием, монументальностью, пропорциями, гармонией.

Шуруев саркастически усмехнулся.

— Эка, чем удивили! Нынешний уровень техники позволяет делать и более фантастические вещи. Стоят же на земле небоскребы. Поднялась на полкилометра башня в Останкине. Так что можем, можем не хуже древних. Но надо помнить, что архитектор строит прежде всего то, что нужно обществу. Есть такая восточная мудрость: в чьей арбе едешь, тому и песню поешь.

— Но петь-то можно по-разному. Ни одно из искусств не влияет так на человека в повседневной жизни, в будничных ее проявлениях, как архитектура.

— Вот это верно,— подал реплику Чеканов.— Готовясь к сегодняшней встрече, прочел я кое-что. И мне ужасно понравилась мысль одного автора: плохую книгу можно забросить под диван, на дрянную живопись — закрыть глаза, пленку с современной модернистской музыкой просто заменить... Но плохая архитектура? Куда ее денешь? Она маячит перед вами, как живой укор, мозолит глаза, выявляет себя, так сказать, «весомо, грубо, зримо».

Многие из находившихся в кабинете недоуменно переглянулись. Некоторым участникам совещания казалось странным, как вели его Чеканов и Пчелин. Выслушивают всех, выспрашивают, а сами молчат.

Чеканов, прерывая установившуюся паузу, обратился к Стрижову:

— Продолжайте, если не закончили.

— Мне осталось сказать немногое. Конечно, отсрочка

застройки нежелательна! Согласен. Но ведь строим-то мы не на год и не па два, а на многие десятилетия. Так давайте же попытаемся сделать так, чтобы Левобережье не было потом притчей во языцех, как пример спешки и неразумности. Выход простой — конкурс. К такой застройке не грех привлечь лучшие силы и не только из Приозерска.

Не скрывая своего недовольства, Костюков остановил Стрижова:

— Вы нам тут целую лекцию прочли об архитектуре. Спасибо, конечно. Но ведь новые проекты, за которые вы ратуете,— это потеря времени, отсрочка строительства, удорожание. Понадобится иная технология па домостроительных комбинатах, другое оборудование, оснастка. За этим потянется и многое другое. Понимаете вы это? Вас на высокие материи тянет, в космические выси, а земное, земное забываете. Я тоже не прочь покалякать о мировых проблемах, только повседневные дела и заботы быстренько с небес на землю опускают.

— Я понимаю вас, Сергей Михайлович,— горячо ответил Стрижов,— проблем, конечно, много, и вам куда труднее, чем мне. Но ведь левобережная застройка будет стоять минимум лет пятьдесят.— И уже спокойнее, без прежнего запала продолжал:

— Я обязан сказать еще одно. Дело не только в плохом типе домов. Планировка и застройка массива тоже не продуманы. Чтобы не занимать много времени, я остановлюсь лишь на двух моментах. Прекрасная, со сложным рельефом равнина, спускающаяся к Серебрянке и к озеру, просто обязывает нас развернуть массив в сторону открывающейся перспективы. Авторы почему-то ориентируют застройку в обратном направлении. Это предопределило другую странность. Все чудесное побережье Серебрянки и озерное побережье почему-то отданы портовым сооружениям. Надо же учитывать опыт других городов! Пришлось мне как-то быть в Омске. Десятки лет жилые кварталы там были отгорожены от реки грузовыми причалами, складами, портовыми службами. Теперь этой картины нет и в помине. Вдоль Иртыша, на десять с лишним километров, протянулся великолепный песчаный пляж, вплотную примыкающий к городу и обрамленный сплошным зеленым ободом. Так им, омичам, пришлось исправлять ошибки прошлых хозяев города. Зачем же нам допускать такую оплошность и давать ненужную докуку потомкам? Само по себе напрашивается решение — комплекс портовых служб рас-

положить на северном побережье Тростникового. Это даст возможность лучшую территорию занять жильем, планировку увязать с энергичной графической линией реки, с пластичным изгибом ее берегов... Планировка застройки вызывает много и других сомнений.

Стрижов сделал паузу, обвел взглядом участников совещания и закончил:

— Так что вы, дорогие товарищи, представленные предложения защищаете зря. Плохие это предложения. Конечно, если жить только сегодняшним днем, не думать о людях — можно решать и так.

Костюков недовольно бросил Шуруеву:

— Бойкий у тебя народ, Шуруев.

Секретарь горкома Наумов с укоризной заметил:

— Вы не правы, Стрижов. Все здесь присутствующие не менее, если не более, чем вы, заинтересованы в разумной застройке Приозерска. Вам-то с приозерцами, которые целые годы ждут жилья, встречаться не приходится, а мы с ними видимся каждый день. Время и нужда нас торопят. Поймите это.

— Вот именно,— шумно поддержал его Костюков.— И вообще, Юрий Петрович, почему, собственно, Стрижов чернит и охаивает труд целого коллектива? Навязывает нам свою точку зрения? По какому праву?

Чеканов хотел ответить на этот взвинченный, нервозный вопрос Костюкова, но Стрижов стремительно поднялся с кресла и, зло прищурясь, не сводя взгляда с Костюкова, чуть вибрирующим от сдерживаемого волнения голосом заговорил:

— По праву коммуниста, товарищ Костюков. Партия ставит своей задачей раскрыть и развить все духовные силы общества, добиться, чтобы каждый, понимаете, каждый осознал меру своей ответственности за все, что происходит в стране. Вот почему я выступаю и буду выступать против непродуманной застройки Левобережья. Это, если хотите знать, дело моей партийной и гражданской совести.

Стрижов сел в напряженном ожидании гневных возгласов, шумных возмущенных упреков. Однако в кабинете надолго установилась напряженная, никем не нарушаемая тишина.

Да, Стрижов все-таки плоховато знал руководителей Приозерска. Их значительно лучше знал Чеканов. И именно потому он не торопил людей. По задумчивым, озабоченным лицам, нахмуренным взглядам он прекрасно понимал

их душевное состояние. Каждый сейчас думал примерно одно и то же: «Конечно, Левобережье следует застраивать по-настоящему. Прав этот настырный инженер. Но как сделать, чтобы не потерять время, чтобы не упустить представившиеся возможности? Известно ведь, у республики нужд много, и как будет потом вновь решаться вопрос об ассигнованиях Приозерску — неизвестно».

— Пора, наверное, высказаться мне? — Пчелин вопрошающе взглянул на Чеканова.

— Да, пора, Михаил Васильевич.

— Я хочу начать с раскрытия одного секрета. Несколько дней назад архитектор Стрижов был у меня на беседе. Я его настоятельно убеждал прекратить столь непримиримый обстрел проекта застройки Приозерска. Итогом этой беседы, как видите, явилось письмо в областной комитет партии. Что ж, я не в претензии. Я уважаю людей, которые отстаивают свою точку зрения. Отговаривал же я его от наскоков на ваши проектные предложения не потому, что они мне нравятся, а потому, что такие вопросы надо решать не на эмоциональном накале, а спокойно взвесив все за и все против. И я бы не формулировал выводы о разработках Облгражданпроекта так категорично, как это делает Стрижов. Можно ли застроить Приозерск по этим проектам? Можно. И я думаю, что в конце концов вы, приозерцы, если очень захотите, добьетесь этого. Но нужно ли это делать? Вот это надо сейчас решить. Все вы, несомненно, хотите иметь вполне современную застройку, хорошие дома, красивую архитектуру. Далеко не каждый город республики получает вексель на такой объем затрат, как Приозерск, и будет обидно, если вы плохо им распорядитесь.

Что меня обеспокоило в этих предложениях более всего? Унылость, однотипность застройки, отсутствие в планировке своего, приозерского почерка с учетом всех местных градообразующих факторов. Но со всем этим можно еще как-то смириться. А вот уж такие квартиры строить нынче нельзя. Меня насторожило то обстоятельство, что урезанные бытовые удобства товарищи объясняют своеобразными социологическими рассуждениями. Да, нам пора отходить от традиционных, привычных представлений о жилье, создавать дома нашего времени, нового социалистического быта. В планировке современных квартир надо меньше клетушек, кладовок, закоулков и всего того, что, в сущности, заполняет жилье человека, лишает его воздуха, света, простора. Все это пришло от веками сложившегося уклада

жизни, когда каждый жил сам по себе. Мы должны идти по другому пути. Ведь принципы коллективизма будут все шире входить в нормы и уклад нашей повседневной жизни. И следовательно, квартира — это место отдыха, сна, приготовления человека к его труду. Она должна быть светлой, просторной, полной воздуха и пространства, не осложнять, а облегчать быт. Казалось бы, все это верно и все просто. Но появилось немало таких авторов, которые эти, в принципе абсолютно правильные, требования времени доводят до абсурда. В ущерб элементарным удобствам в квартирах предусматривают непомерно расширенные общественные службы. Проектные предложения по Приозерску грешат именно этой болезнью. Товарищи Шуруев и Круглый в своей пояснительной записке прямо пишут: «Малый объем бытовых служб в квартирах будет в избытке компенсирован комплексом общественного обслуживания». Сказано, как видите, довольно ясно... Так вот. Вам, приозерцам, надо решить: пойти ли на дома типа «СКП-10» с компенсацией их недостатков расширенной сетью бытовых, культурных, санитарно-гигиенических учреждений или искать более совершенные проекты жилья. Я бы на вашем месте обратился к москвичам. У них сейчас много проектов, созданных на основе каталога унифицированных деталей. Эти детали позволяют обеспечить удобную планировку квартир, разнообразить застройку, избежать унылой однотипности фасадов. Дорогие товарищи, определитесь, за что будете воевать: за застройку в любом виде, лишь бы скорее, или за такой жилой массив, чтобы совесть ваша была спокойна, а люди были довольны. И давайте обойдемся без лишних обид и амбиций. Думаю, что приозерские Черемушки стоят того, чтобы семь раз отмерить, один раз отрезать.

— Ну, какие тут могут быть обиды и амбиции... Дело есть дело,— проговорил Чеканов озабоченно.

Пчелин посмотрел на него и закончил:

— Хочется помочь вам, а не помешать, но вдвойне хочется, чтобы встал на Серебрянке действительно отличный современный город. Убежден, что и вас одолевают такие же борения души...

Было заметно, что присутствующие начали склоняться к мнению академика.

И опять пошел неторопливый, озабоченный разговор. Прикидывали все возможные варианты решения проблемы, взвешивали и плюсы и минусы, спорили, шумели, опять успокаивались. Упорно держался лишь Круглый. Оскорблен-

ное самолюбие заставляло по-прежнему утверждать, что ничего лучшего для Приозерска, чем их предложения, придумать нельзя, да и не надо.

Уже в самом конце совещания Чеканов еще раз спросил его:

— Вы что-нибудь хотите добавить?

Глеб Борисович развел руками:

— Да нет, пожалуй. Все мои мысли, все бессонные ночи работников нашей мастерской — в этих эскизных чертежах,— показал он на стол, заваленный кальками и ватманскими листами.— Что же касается критиков и оппонентов, то что ж тут скажешь? Критиковать, как известно, куда легче, чем дело делать.

Чеканов медленно поднялся за своим столом и тихо, задумчиво проговорил:

— По поводу бессонных ночей и прочего, Глеб Борисович. Результаты должны быть, а не только усилия. Результаты. Вот так.— Помолчав немного, он продолжал: — Теперь по существу дела, товарищи.— Голос Чеканова посуровел, чувствовалось, что решение им принято, и принято твердо.— Думаю, что решить этот вопрос надо так. Первое: просить республиканские организации приостановить рассмотрение внесенных нами предложений. Второе: признать целесообразным объявить конкурс на разработку проекта для застройки Левобережья. И третье: обязать Облгражданпроект не ударяться в фанаберию, а принять в конкурсе активное участие, представив новые проектные предложения. Вы ведь, дорогие,— обратился он к Шуруеву и Круглому,— лучше других знаете условия Приозерска, ландшафт, климат и прочие градообразующие факторы. Теперь основательно знаете и требования, которые будут предъявлены к проектным предложениям. Так что вам, как говорится, и карты в руки.— И, уже обращаясь к Пчелину, добавил:

— Все эти предложения мы в ближайшие дни вынесем на утверждение бюро обкома. Думаю, что они будут поддержаны. К вам же, Михаил Васильевич, просьба такая. Уж раз судьба втянула вас в приозерский конфликт, становитесь шефом нашей застройки. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Вот если бы без последнего условия,— пошутил Пчелин.

Чеканов в том же тоне возразил:

— Э нет, вместе плов кушать — вместе и дым глотать...

Когда все поднялись и подались к выходу, Чеканов попросил остаться Пчелина, Наумова и Костюкова. А Шуруева и Стрижова пригласил зайти к нему еще раз. Он посмотрел на часы.

— Ну, так через час-полтора.

Когда все вышли из кабинета, Чеканов подошел к окну, открыл фрамугу, стал жадно вдыхать холодный свежий воздух.

— Устал я что-то сегодня,— пояснил он Пчелину.— Вопросик вы нам подбросили, академик.

— Вопрос действительно непростой. Только автор не я.

— А кто же? Стрижов?

— Авторы проблемы скорее Шуруев с Круглым.

Вернувшись за свой стол, Чеканов, обращаясь к Наумову и Костюкову, проговорил:

— Я оставил вас посоветоваться по поводу Стрижова.

Наумов спросил с недоумением:

— А что с ним? Казнить или миловать?

— Ни то ни другое. Руководство Минтяжстроя просит отпустить его в их распоряжение. Академик вот тоже поддерживает эту просьбу. Признался даже, что протежировал Стрижову перед министром.

— Виноват, было такое. Стрижов специализировался по крупным промышленным сооружениям. Кое-что из его работ видел. Интересно. В проектной бригаде по Зеленогорскому комплексу будет очень полезен. К тому же и сам изъявил желание.

Костюков со вздохом проговорил:

— Ершистый парень, очень. Но с головой, стервец. С головой. Его бы в исполком. Я бы нашел ему дело.

— Подожди, Сергей Михайлович, с исполкомом,— остановил его секретарь горкома Наумов.— Давайте еще раз подумаем, как с ним быть, со Стрижовым-то. Ведь именно он опрокинул наши проектные предложения. И теперь мы ему говорим: скатертью дорога, уезжай. Вроде избавляемся от него. Его могут упрекнуть в дезертирстве, а нас — в зажиме критики, в гонении на нее. Как мы все это объясним в институте, в городе?

— Внешне, возможно, кому-то так и покажется,— в раздумье заметил Чеканов.— Но мы-то ведь знаем, как обстоит дело. И объяснить людям сумеем.

— И все-таки лучше бы его запрячь в тележку вместе с Круглым,— предложил Наумов.

— К сожалению, это невозможно. Тут еще и личная,

семейная ситуация. Жена от него ушла... к Круглому. Так что тяжеловато будет. Всем,— пехотя ответил Чеканов и спросил: — Так как? Отпустим? Возьмем грех на душу? Хоть и парень стоящий и момент действительно неподходящий, но свое дело он, кажется, сделал. Во всяком случае, проекты мы в результате этой свары получим, наверное, получше. Решили? Так тому и быть. Помните, Михаил Васильевич, нашу доброту,— пошутил Чеканов.

— Спасибо. Вы явно хотите, чтобы я по уши завяз в обязательствах.

— А как же? И плов, и дым. Сообща.

...Шуруев и Круглый после совещания у Чеканова пошли в соседнее кафе пообедать. Уселись за угловой столик. Круглый обеспокоенно спросил:

— Как думаешь, зачем Чеканов тебя и Стрижова вызывает?

Шуруев пожал плечами:

— Не сказал. Но думаю, за тем же самым. Что делать и как быть.

— А не возникнут некоторые организационные вопросы?

— Например?

— Например, появится у вас вместо Круглого другой заместитель — товарищ Стрижов. Или другой вариант. Вы окажетесь на пенсии, а Стрижов в вашем кресле.

Шуруев ничего не ответил, только мельком, но удивленно посмотрел на Круглого и, допив компот, глуховато ответил:

— Если даже и так, кричать об этом на всех перекрестках не буду. Всему свое время. Как ни вертись, скоро семьдесят.— Говорил это Вадим Семенович спокойно, но с затаенной болью.

Круглый, наверное, даже не подозревал, как метко он ударил Шуруева. Мысли о стремительно прошедших годах, неумолимо приближающейся черте перехода от нормальной человеческой жизни к просто пенсионному существованию нет-нет да и посещали его. Вадим Семенович был еще здоров и бодр, порой побаливало сердце, но об этом никто не знал, кроме его супруги. Он очень хотел, чтобы возглавляемый им Облгражданпроект не оказался где-то на второй роли в предстоящей застройке города, прекрасно понимая, что от этого будет в значительпой мере зависеть и его, Шуруева, судьба. Именно поэтому он всемерно поддерживал проект Круглого, без оглядки бросался

на его защиту в спорах со Стрижовым, в партбюро, на архитектурном совете, в Госстрое и, наконец, в обкоме. Но все сложилось, к сожалению, не так, как того добивались Вадим Семенович и Круглый. И как знать, может, Глеб Борисович и прав в своем предположении? Вызовет сейчас Чеканов и скажет: «С проектом застройки вы нас, дорогой товарищ Шуруев, подвели. Предстоящие дела вряд ли осилите. Так не пора ли на отдых? Нам в преддверии большого строительства нужен руководитель проектных дел и поэнергичней, и помоложе... Как вы относитесь к этому?»

Круглый, заметив, что Вадим Семенович углубился в невеселые размышления, посоветовал:

— Все будет зависеть от того, как вы там поведете разговор. Вскрылитесь. Пусть видят, что Шуруев все тот же Шуруев.

Вадим Семенович поморщился от этого совета.

— Жизнь идет по своим законам, и не нам это изменять. А чертежный стол у меня никто не отнимет.

Шуруев и Стрижов вышли из здания обкома вместе. С противоположной стороны улицы к ним сразу же ринулся Круглый.

— Ну, с чем можно поздравить?

Шуруев и Стрижов были еще под впечатлением только что состоявшегося серьезного и важного для обоих разговора, им было трудно перейти на этот легковатый, бодряческий тон. Оба промолчали. Поэтому Круглый с явной иронией адресовался к Стрижову:

— Тебя-то, борец за правду, с чем? С каким постом? Директор? Заместитель? Или еще что-нибудь выбил?

Стрижов хмуро посмотрел на Круглого:

— Глупо рождено — не научишь, тупо ковано — не наточишь. До свидания, Вадим Семенович. Завтра я зайду к вам. Хотя времени у меня в обрез.

— Постарайтесь выбраться. Иначе как же?

Стрижов чуть махнул в приветствии рукой и пошел в глубь улицы. Круглый стал тормошить Шуруева.

— Так что все-таки там было? И что будет? Да не тяните, рассказывайте.

— Что было — то было. Партийный разговор был. А что будет? Новый проект будем разрабатывать.— И сказано это было так твердо и весомо, что Круглый понял: иного решения ждать бесполезно. И Шуруев тут же доба-

вил: — И знаете, это нам, Глеб Борисович, последний экзамен. Хоть Стрижова теперь и не будет, но на авось дело не пройдет. Садитесь за проект вплотную.

— Куда же он?

Шуруев, не глядя на Круглого, ответил:

— В Зеленогорск, с проектной бригадой.

— Что ж, пожелаем товарищу Стрижову счастливой дорожки и блистательных успехов по освоению Крайнего Севера,— с облегчением вздохнул Круглый.

Шуруев с укоризной посмотрел на повеселевшего Круглого и отвернулся от него. Вдалеке энергично шагал Стрижов. И Вадим Семенович вдруг остро ощутил, что ему будет очень не хватать этого ершистого и задиристого человека.

РОМАШКО И ЕГО ПРОЕКТ

Стрижов и Ромашко были знакомы давно, еще со студенческой поры. И хотя семьями они не сошлись, что-то не очень поладили их жены, это, однако, не мешало им поддерживать между собой ровные товарищеские отношения.

Ромашко не любил шумных сборищ, трудных и нервных споров, еле высиживал час-другой на неизбежных заседаниях и совещаниях. Не любил он мельтешить в первых рядах, редко и плохо выступал, не помнит, чтобы в молодости с кем-нибудь поссорился или просто крупно поговорил. Если какой-то вопрос затрагивал его лично, то соглашался с любой точкой зрения, лишь бы не доказывать какие-то там свои права, убеждать кого-то в чем-то.

Лопушок, прозвище, данное Мите Ромашко еще в школе, ходило за ним постоянно до вполне зрелых лет. Потом, когда его кудри поредели, а сам он основательно округлился и пополнел, друзья окрестили его Пончиком. Эти прозвища были проявлением дружеского отношения окружающих к Ромашко. И в школе, и в институте, и потом на работе — всегда и везде над ним подшучивали, подсмеивались, но беззлобно, не обидно. Его любили все или почти все за неизменное добродушие, покладистость характера.

К Стрижову Дмитрий Иванович всегда относился как к старшему, хотя разница в возрасте была невелика. В трудные минуты он прибегал к его совету, помощи. Тот его ругал за вялость, бесхребетность и прочие пороки, но чем мог помогал. Даже в женитьбу Пончика Стрижову пришлось вмешиваться.

Эту историю часто вспоминала жена Ромашко Лариса.

«Приходит Митя как-то к нам в общежитие пединститута. Мнется, жмется, мямлит что-то не очень членораздельное. А девчонки давно приметили, что когда он меня видит, то в лице меняется, заикаться начинает. Спрашиваю я его:

— Ты что, Митя, зачем пришел?

— К тебе пришел,— чуть слышно отвечает он.

— А зачем?

— Да понимаешь, Колька Чугунов прямо-таки с глузу съехал. Заниматься бросил, не ест и не пьет. Доходит парень.

— Почему доходит-то? Что стряслось с ним?

— Да как же, по тебе сохнет. Зашла бы ты к нам, успокоила парня. Сорвется ведь на сессии, обязательно сорвется.

— Значит, ты по его поручению каждый вечер около наших окон шастаешь?

— Нет, почему по поручению. Я сам. Может, думаю, увижу.

— И долго ходить собираешься?

— Не знаю. Как ты.

— А как с Колькой Чугуновым быть?

— Да, это проблема. Жалко парня, сорвется.

— Это был,— смеясь заканчивала обычно рассказ Лариса о своем муже,— наверное, первый и последний случай, когда Митя свои интересы поставил на первый план. Но и то, если бы не Стрижов, не решился бы Ромашко на этот подвиг. Рассказал ему Митя о своих терзаниях. Стрижов, чертыхаясь, кляня его последними словами, потащил нас в загс, свел, одним словом. А с распределением что вышло? Приходит вечером Митя домой убитый, расстроенный.

— Что,— говорю,— случилось?

— Да, понимаешь, в Приозерск некому ехать. У Нади Кириенко замужество подвернулось, у Феди Чесночка мамаша при смерти. В дирекции целый переполох.

— Ну так что, может, поедем? — спрашиваю я.

Он так и вскочил от радости.

— Правильно,— говорит,— давай поедем. В Москву мы с тобой всегда вернемся. Поработаем в Приозерске годдва — и с опытом в столицу.

В столицу мы, правда, так и не вернулись, присохли

к Приозерску. Но ничего, не жалуемся. Только Митя долго сокрушался от того, что подшутили над ним. Замужество у Нади Кириенко состоялось лишь через два года. Мамаша у Феди Чесночка тогда не могла находиться при смерти, так как почила в бозе за пять лет до этого».

Ромашко, занятый какими-то чертежами, услышав, что рассказывает Лариса своим подругам, упрекнул ее:

— Зачем ты, Ларка, только такие, невыгодные для меня, сюжеты вспоминаешь? А себя да еще Стрижова этакими херувимами выставляешь. Может, расскажешь, как я однажды ушел от тебя?

Лариса рассмеялась.

— Было дело. Из песни слов не выкинешь. Только убежал-то ты опять-таки к Анатолию Федоровичу.

— Ох, действительно. Ведь я же у Стрижовых от тебя скрывался.

...Как-то поздно вечером Ромашко ворвался к Стрижову в состоянии крайнего возбуждения. Этот всегда тихий и робкий увалень был разъярен. Не говоря ни слова, ринулся к домашней аптечке, выпил какое-то лекарство, осушил стакан уже остывшего чая и все никак не мог прийти в себя.

— Может, ты все-таки объяснишь, что с тобой стряслось? — спросил Стрижов.

— Хотите знать? Пожалуйста. Могу ли я сесть на этот диван?

— Конечно. Можешь даже лечь, если очень хочется.

— А Полина?

— Что Полина? Прежде всего, ее нет, она в отъезде. А если бы и была, то что за беда? В общем, садись или ложись — как тебе заблагорассудится.

Ромашко, удобно устроившись на диване, проговорил:

— Имейте в виду, Анатолий Федорович, что я к вам надолго.

— Не понимаю.

— Ушел из дому.

— Как это ушел?

— Так вот — ушел. Совсем. Вы, надеюсь, не хотите, чтобы я окончательно погиб?

Кто кем руководил в этой семье, ни для кого не было секретом. Но жили они более или менее дружно. И вдруг такой сюрприз!

Стрижов потребовал от Ромашко объяснений.

— А что тут объяснять? Лариса — просто-напросто ведьма. С Лысой горы. Жизнь мою она превратила в ад. А так как виноваты во всем вы — принимайте у себя беглеца.

— Ну, а при чем я-то здесь?

— Если бы вы, Стрижов, тогда меня насильно не увезли в чертов загс — не было бы этого кошмара.

— Ну ладно, допустим, я ошибся. А что все-таки случилось? Пока я ничего не понял.

— Как вам известно, мы в прошлом году получили квартиру.

— Припоминаю. Новоселье было довольно шумным.

— Да-да, вы ведь были у нас! Ну так вот, справили мы это самое новоселье, и что-то, знаете, случилось с моей половиной. Видно, подхватила она где-то барахольный вирус. Ни сна ни отдыха: магазины, очереди, очереди, магазины... День и ночь я слышу только одно: сервант, диван, торшер и тому подобное. Наконец обзавелись мы разными гарнитурами. Думаю, вот теперь отдохну. Но оказалось, только тут-то и начались мои мучения. Представляешь, прихожу домой и сразу слышу истошный крик супруги:

— Куда тебя несет? Неужели до сих пор не уяснил, что нельзя в квартиру входить в обуви? Сними ботинки и тогда входи.

— Успокойся,— говорю,— не шуми по пустякам. Она еще пуще:

— Да как на тебя не шуметь? Пальто опять не вытряхнул? Не вытряхнул, спрашиваю тебя?

Даю справку:

— Тряс,— говорю,— ей-богу тряс.

Тогда она вдруг ударяется в пространные рассуждения, как это важно. Внушает, что такое пыль, сколько в ней содержится различных инфекционных бактерий. Верхняя одежда — это, оказывается, хранилище пыли и рассадник инфекции.

— Особенно твое ратиновое пальто. Посмотри сам, оно же буквально все серое.

— Так ведь у него цвет такой серый,— отбиваюсь я.— При чем тут пыль и разные там инфузории?

— Все равно, возьми за правило: как подходишь к дому, снимай пальто и вытряхивай.

Ромашко страдальчески вздохнул и продолжал:

— Должен сказать, что мальчишки во дворе меня и так

уж гусаком прозвали. Как начинаю трясти это свое пальто, они шумят: «Во дает! Будто гусак-гуменник перья чистит!»

Так вот, закончили мы диспут о пальто, начинаю выяснять ситуацию насчет ужина.

— Готов,— говорит.— Иди на кухню.

— Опять на кухню? Хочу ужинать в столовой. Для чего,— говорю,— она существует?

От этих слов Лариса даже заикаться стала:

— Т-ты с ума сошел! Стол-то там у нас ка-какой? Полированный. Если на нем каждый день обедать, что же с ним будет?

После ужина решил я почитать что-нибудь. Когда открывал шкаф, стекло, будь оно неладно, выскочило. Что тут было! Крик на весь дом.

— Зачем ты туда полез? Чего тебе там понадобилось?

— Книжку почитать хотел.

— Скажи, что тебе надо, я найду. Аккуратно, без битья стекол.

Решил я вразумить ее. Объяснял популярно. Как важно, чтобы не подавлялась в семье свобода личности, напомнил, что некоторые великие мира сего считали главным достоинством женщины слабость и мягкость, а не силу.

Она же ноль внимания на мои сентенции. Я, говорит, не для того приводила наш очаг в порядок, чтобы ты его в хлев превратил.

Обозлился я и говорю:

— Ладно. Леший с тобой! Спать лягу! Где я сегодня устраиваться должен? Снова на полу?

А почему я так спросил? Да вот почему: была у меня кровать. Скромная, но все-таки кровать. Теперь вместо нее стоит какой-то саркофаг. «Кровать-полуторадиван» называется. Мебельный гибрид! Цирковой акробат, и то не каждый, на ней спать сумеет. Но я хоть и с трудом, но приспособился. Однако и на этот агрегат я, оказывается, не могу рассчитывать. Обнаружилось, что его терракотовая обивка уже протирается, лысеет. И потому спать на нем — кощунство.

— Неужели,— говорит,— ты разляжешься дрыхнуть на этом чуде искусства и техники?

Ну, добила она меня этими словами. Оборвалось что-то в моем слишком терпеливом организме.

— Ах так,— говорю,— модерн! Терракот? Чудо? На

кресло не садись, на диван не ложись, к столу не подступись?.. Я скоро шизофреником стану из-за твоих дурацких причуд. Вот что, дорогая, или я, или эта чертова бутафория. Ставлю вопрос категорически.— Хлопнул дверью — и тягу.

Она кричит:

— Куда ты, Митя?!

— Куда угодно,— отвечаю,— куда глаза глядят. Хоть к черту на кулички!

А ей хоть бы что. Она свою линию продолжает:

— Когда,— говорит,— вернешься, не шастай в ботинках по комнатам: паркет только что натерла...

— ...И вот я у вас, здесь...

Закончив свое повествование, Ромашко еще удобнее устроился на диване. Он лежал, блаженно улыбаясь, явно наслаждаясь жизнью.

— Ну, а как дальше? — спросил Стрижов.

— Что дальше? Поживу у вас недельки две, а может, и больше, если, конечно, не выгоните. Отдохну. А там видно будет.

— А как же Лариса?

— Лариса.— Он на минуту задумался и решительно махнул рукой.— Пусть решает, что ей в конце концов дороже: разная мура стиля модерн или я, законный супруг? Вопрос стоит только так.

Стрижов не знал, как отнестись ко всей этой истории, слишком уж анекдотично она выглядела. Но когда на третий день Лариса прибежала за мужем и из комнаты, где объяснялись супруги, послышался ее плач, понял, что дело у них вовсе не шуточное.

Ларисе пришлось приходить еще несколько раз за упрямым Пончиком, опять подключать Стрижова, чтобы Дмитрий Иванович сменил гнев на милость.

Вообще, когда надо было, у Ромашки проявлялся достаточно твердый характер. И не только в схватке со своей супругой, а и при обстоятельствах более серьезных. Одно время в Приозерске, как легенду, рассказывали о поездке Ромашко в Москву, о его схватке там с самыми крупными авторитетами строительного мира.

Архитектор — лауреат с довольно громким именем и он же руководитель крупного строительного ведомства — внушал обступившим его участникам совещания безусловную прогрессивность и широкую будущность сборного домостроения. Излагал он правильные и толковые вещи. Слуша-

ли его внимательно, не перебивая, сказывалась общая заинтересованность новым делом. Но, как и в каждом новом деле, на первых порах были здесь свои «белые пятна». Никто из участников совещания не рискнул обратить на них внимание высокого авторитета, полагая, что он и сам знает о них. Но Ромашко почему-то думал иначе и решил для себя кое-что уточнить.

— Я что-то не уяснил, как вы предполагаете размещать в этих домах общественные учреждения — магазины, мастерские, детские сады или, допустим, ясли? Насколько я понял, планировку-то изменить нельзя, панели ведь несущие.

Оратор без особого энтузиазма ответил:

— Сборные конструкции лучше вводить, начиная с жилых этажей. Первые же этажи для названных вами целей желательно решать в монолите.

— Монолит и сборные конструкции? Сложновато. Это же отдельный проект... Другая организация работ.

— Использование сборных элементов для первых этажей, для общественных помещений — не рекомендуем. В монолитных конструкциях больше возможностей для оформления фасада, для свободной планировки помещений. Неужели это не ясно?

— Да, это я понимаю. Монолит есть монолит. Но вот насколько это удорожает дом? Не подсчитывали? Нет. А зря. Процентов на пятнадцать, а то и двадцать наверняка...

Докладчик нервно оглянулся на президиум, как бы ища у него защиты от докучливого оппонента, и суховато спросил:

— А вы откуда, товарищ?

— Из Приозерска.

— Приозерск? Это где же?

— Да в России-матушке. Между прочим, уже триста годков стоит.

— Вам что-то непонятно в наших идеях? А между тем ведь все ясно как на ладони. Берите этот опыт на вооружение и начинайте внедрять у себя в своем Приозерске.

— Дело-то, конечно, интересное, но с первыми этажами хреново получается. Верно ведь?

Докладчик снисходительно отпарировал:

— Ну, вы зря так поспешно делаете свои выводы. Вы сначала разберитесь, вникните, уясните.

Вольность Ромашко ему явно не понравилась. Его бе-

лесоватые брови вздернулись, щелки выцветших голубоватых глаз сузились в недовольстве. Вернувшись с трибуны за стол президиума, он хмуро глядел в зал, и Дмитрию Ивановичу казалось, что этот взгляд направлен только на него.

На следующий день совещание-семинар продолжалось на одном из домостроительных комбинатов столицы. Приозерцев, однако, туда почему-то не пригласили.

По их возвращении в Приозерск Шуруев долго и сокрушенно распекал Ромашко:

— Ну как ты мог накуролесить такое? Что ты, промолчать не мог? Что тебе дались эти первые этажи? Теперь не миновать неприятностей. Захотят разобраться, почему это в Приозерске не понимают новых веяний.

Ромашко робко оправдывался:

— А что я сделал такого особенного? Ну, спросил. Узнать, выяснить хотелось. Ведь с первыми этажами действительно проблема, пока они тоже в темноте плутают. А ведь можно, Вадим Семенович, кое-что тут придумать, можно.

— Молчите уж, новатор выискался. Вот нагрянут к нам...

— Да никто не нагрянет.

Самонадеянная молодость оказалась на сей раз ближе к истине, чем многоопытная старость. Стало известно, что лауреат вынужден был переделать свой проект. В Приозерск никто не нагрянул, а многие из тех, кто считал Ромашко совсем уж рохлей, должны были изменить мнение о нем. Но после этого «взлета» Дмитрий Иванович продолжал оставаться тем же молчаливым, незаметным Ромашко, одним из средних архитекторов Облгражданстройпроекта.

В Приозерске Дмитрий Иванович работал уже добрый десяток лет. Во многих сооружениях, что были построены в городе, использовались целые его узлы и конструкции, но об этом мало кто знал, кроме институтских работников. Правда, несколько лет назад в столице республики выросло довольно заметное здание политехнического института. Дмитрий Иванович был членом авторской бригады. Проект выдвинули на республиканскую премию. И хотя премию в итоге не дали, отношение в институте к Дмитрию Ивановичу после этого несколько изменилось. Стали поручать более серьезные застройки, а вскоре назначили руководителем бригады по разработке проекта жилого поселка для

одного из городов области. Работа была не очень объемная и не очень сложная, основную ее часть Ромашко взвалил на себя. Довольно скоро она была завершена и без особых задержек одобрена и принята заказчиком. Тогда Ромашко и пришел к Шуруеву со своим предложением — поручить его группе разработку типового проекта недорогого жилого дома для городских микрорайонов.

— Можно сделать очень даже неплохой домишко, и довольно веселый,— заверял он. О предстоящей застройке Левобережья Ромашко, конечно, знал, но на такое дело и не помышлял замахиваться, тем более что за ним стояли сам Шуруев и Круглый.

Так как разработка типовых проектов для массового строительства предусматривалась в производственных планах института, Шуруев сначала благосклонно отнесся к просьбе Ромашко и разрешил заняться типовым проектом. Но предупредил, что в случае получения институтом каких-либо других более важных поручений группа будет переброшена на них. Таких поручений вскоре оказалось немало, и работа над проектом «недорогого жилого здания с веселым видом» почти прекратилась. О ней даже как-то подзабыли, не упоминали ни на производственных совещаниях, ни на архитектурных советах. Ромашко, однако, своей задумки не оставлял и толкался со своим замыслом то к Шуруеву, то к Круглому, то еще к кому-нибудь.

Шуруев долго не мог взять в толк, чего, собственно, хочет Дмитрий Иванович?

— Не знаю, что можно еще придумать, какие еще решения можно найти, когда панели и все остальные изделия делаются для определенного типа домов. Все их параметры, размеры, конфигурация, назначение — все задано проектом этого дома. Ну что тут можно намудрить? Поменять местами пол и потолок?

— Уверяю вас, может быть не один и не два, а несколько вариантов зданий. Но для этого я должен располагать продукцией не одного, а всех трех приозерских домостроительных комбинатов. Почему нас все упрекают за скуку и монотонность новых застроек? Да потому, что ДСК гонят утвержденную модель, одну и ту же, одну и ту же. А я хочу, чтобы из того же ассортимента деталей собирали различные типы домов. Уверяю вас, что на базе наших ДСК можно скомпоновать три-четыре вполне современных дома. Это позволит довольно основательно разнообразить застраиваемые районы.

Шуруев наконец-то уловил, усек, как он сам выразился, суть дела. В чем-то он даже был согласен с Дмитрием Ивановичем.

«Дома мы ставим действительно однотипные, маловыразительные,— подумал Вадим Семенович.— Все «под одну гребенку». А почему? Да потому, что определяющим фактором стали не архитектурные требования, а технология производства сборных элементов. Товарищ Ромашко хочет, чтобы архитектурные требования были поставлены на ведущее место. Конечно, если мы хотим иметь не унылое стереотипное железобетонное клише, а настоящие архитектурные ансамбли, на этот путь надо идти. Но время для этого еще не приспело. Жилья нужно много, нужно оно быстро, и придется пока товарищу Ромашко со своими идеями подождать».

Он мягко, но настойчиво стал объяснять это Дмитрию Ивановичу. Тот слушал молча, терпеливо. И задорный огонек, только что горевший в глазах, потух. Когда Шуруев кончил, он глуховато спросил:

— Вадим Семенович, ответьте мне прямо: вы лично против такого замысла?

— Я? Да, пока против. И не только я, против будут и многие другие. В том числе и те, кто повыше нас.

Ромашко вздохнул.

— Спасибо вам за ясный ответ.

Этот разговор с Шуруевым расхолодил его. Вечером он изливал Стрижову свою душу.

— Какого дьявола мы будем корпеть над этим проектом, если даже у нас в институте, то есть на самой первой ступени, его явно не поддержат? А уж в других инстанциях тем более. Нет, надо совсем прекратить эти потуги, отложить до лучших времен.

Стрижов, выслушав его, спросил:

— Ты мне вот что скажи. Ну, саму идею компоновки дома из унифицированных деталей я понял. Она не нова, москвичи это уже делают, и на приоритет первооткрывателя ты тут, думаю, не претендуешь. А вот сам дом, что вы ладите, чем он хорош? Чем он лучше других? Что ты считаешь в нем наиболее важным и перспективным?

— Ты меня удивляешь, Стрижов. Можно подумать, что ты только сегодня об этом доме узнал. Я же раза три все объяснял. Ты с умным видом даже чертежи обнюхивал, а теперь оказывается — ни черта не понял. Или притворяешься?

— Можешь ругаться сколько хочешь, но все же повтори свои объяснения еще раз. Чем он хорош, этот ваш дом?

— Дом как дом. Что ты все долдонишь: чем он хорош? Да всем. Свободная планировка, достаточная высота потолков, нормальные бытовые службы. Да что я тебе все это рассказываю? Все это уже было говорено-переговорено...

— И все-таки еще один вопрос. Стоимость.

— Нормальная, средняя. Если, конечно, поставить на поток.

— Ну, разумеется. Тогда у меня уже не вопрос, а допрос. Раз такие очевидные качества у вашего будущего детища, то почему ты так легко отступаешь? Почему не постараться убедить Шуруева, чтобы дали вам возможность довести дело до рабочего проекта?

Ромашко с досадой ответил:

— Попробуй его убеди. Пытался я, и не раз. Сначала поддержал, а потом на попятную. Рано, не время, не поймут и прочее.

— И все-таки давайте попробуем. Может, общими силами сдвинем с места эту глыбу, именуемую Шуруевым?

После этого разговора Стрижов решил поинтересоваться, что за проект рождается в группе Круглого? Большого времени изучение этих материалов не заняло. Группа просто несколько видоизменяла типовой проект дома, по которому несколько лет застраивалась Октябрьская улица Приозерска. Фасады, правда, за счет качества отделки ограждающих панелей стали получше. Но планировка квартир оставалась почти неизменной. И радикально изменить ее было просто невозможно.

Стрижов теперь был глубоко убежден, что даже в эскизах предложения группы Ромашко значительно лучше. И ему было непонятно, почему Шуруев не ухватился за них, почему форсированно доводят явно заурядный дом «СКП-10»?

Шуруев был известным и авторитетным человеком в Приозерске, считался принципиальным и деловым. В институте его мнение было непререкаемым. У Стрижова не было особых оснований подвергать сомнению этот авторитет, он, как и многие в институте, считал это явление вполне закономерным. Иначе какой же это директор? Однако позиция Вадима Семеновича в выборе проекта для Левобережья серьезно поколебала веру Стрижова в его объективность и принципиальность. Анатолий Федорович

пытался, и не один раз, объясниться с Вадимом Семеновичем, заинтересовать его разработками Ромашко, предупредить, наконец, его от совершаемой ошибки. Это, однако, ни к чему не привело, и тогда-то Стрижов пошел на открытый конфликт с Шуруевым и, следовательно, с Круглым.

Ему многие говорили: «А почему, собственно, ты печешься о домах Ромашко? Пусть он сам пробивает свои замыслы, пусть сам воюет». Но никто лучше Стрижова не знал, что ничего Дмитрий Иванович не пробьет и воевать ни с кем не будет.

Побыв накануне архитектурного совета на партийном бюро, Ромашко взмолился:

— Анатолий Федорович, убедительно прошу вас, закончим всю эту историю. Пусть представляют дома Глеба Борисовича. Они же действительно проверены и апробированы, а у нас что? Пока прикидки, наброски.

— Ты, Ромашко, как всегда, неисправим,— махнул рукой Стрижов.

Чтобы уговорить его выступить на архитектурном совете с объяснением своих замыслов, Стрижову потребовался почти целый вечер. Но после этого заседания вытащить Ромашко куда-либо стало уже невозможно. Куда бы потом ни толкался Стрижов, делал он это без участия Дмитрия Ивановича. Правда, Анатолия Федоровича это не останавливало. Он давно уже считал, что спор о застройке Левобережья вовсе не личный его вопрос и не вопрос Ромашко, а сугубо общественное, принципиальное дело.

...Вернувшись с совещания в обкоме у Чеканова, Стрижов сразу же, не заходя домой, поехал к Ромашко.

— Что случилось, Анатолий Федорович? — спросили оба супруга почти одновременно.

— Есть причина, и немаловажная.

— Ну, а все-таки?

— Сейчас все объясню. Дайте отдышаться. Прощаться пришел, уезжаю.— И, чтобы предупредить вопросы и расспросы, объяснил: — В Зеленогорск. Вот так.

Лариса растерянно посмотрела на мужа:

— Митя, как же ты теперь будешь?

Ромашко не мог поверить в то, что сказал Стрижов.

— Жаль, Анатолий Федорович, очень жаль. Неуютно без вас мне будет. Поверьте,— Ромашко приложил руки

к груди,— я говорю совершенно искренне. Мне, когда вы рядом, как-то спокойнее и легче.

Стрижов реагировал на эти слова Ромашко довольно своеобразно:

— Спокойнее, проще? Конечно. Как же без няньки? Рохля ты и размазня, трус и лодырь, бесхребетный и беспринципный тип...

Дмитрий Иванович и Лариса Павловна ошалело глядели на Стрижова. Они не могли понять, что сегодня творится с ним.

— Вы, кажется... не закончили свою обличительную речь...— с трудом проговорил Дмитрий Иванович.

— Да, не закончил. Именно так. А не сказал вот что. Если ты в ближайшие месяцы не закончишь разработку своего проекта, то все эти эпитеты я буду трезвонить в твой адрес на каждом углу, на каждом перекрестке. Опозорю на всю страну.

Ромашко облегченно вздохнул:

— Ну, Анатолий Федорович, так немудрено и до инфаркта человека довести.

— Ты меня в него вгонишь раньше. На днях в институт и лично к тебе нагрянут Чеканов и Костюков. Пчелин тоже заинтересовался. Покажи все, что есть. И не вздумай канючить, что на доработку проекта тебе надо год, а то и два.

— А сколько же? — с некоторым испугом спросил Ромашко.

— Полгода — максимум.

— Ну, вы скажете тоже. Полгода.

— Ну, ковыряйся больше. Тогда дома Круглого уж наверняка встанут на Левобережье.

— А они и так встанут,— вяло сказал Ромашко.

— Не думаю,— убежденно ответил Стрижов и подробно рассказал о совещании у Чеканова: — Очень важный и деловой был разговор, и я верю теперь, что будут построены на Левобережье другие дома. Может, даже того же Круглого и Шуруева, но другие, лучшие. Все может быть. Они не такие, как ты, рохли. Всех сейчас запрягут в работу. Но это их, а не твоя забота. Ты же у меня смотри. Если узнаю, что в обломовщину ударился, специально приеду и расправлюсь. Задушу или застрелю, честное слово.

Ромашко поднял на него недоуменно-испуганный взгляд.

— Вы сегодня кровожадный какой-то.

— А с тобой иначе нельзя. — И уж мягче Стрижов добавил: — Ну, серьезно, Дмитрий, я тебя очень прошу. Скорее заканчивай работы. И на конкурс выходи обязательно. Понимаешь, для меня это дело принципа. Неужели зря я столько воевал?

Ромашко торопливо и чуть торжественно пообещал:

— Не беспокойтесь, Анатолий Федорович, я понимаю. И буду стараться. Очень. Вот только люди и сроки...

— Других сроков не будет. Так что время не упускай. Что касается людей, то — к Шуруеву. Есть договоренность: всю бывшую вашу группу — под твое начало. Не знаю уж, прорвешься ли к премиям, но скорбный труд не пропадет.

...Через несколько дней после этого разговора Стрижов улетал на Север. Провожали его Коваленко, Надя и Ромашко с Ларисой. Всем было как-то грустно, не по себе. Только сам Стрижов был преувеличенно оживлен и разговорчив. Он и эти проводы на аэродроме использовал для того, чтобы не дать покоя Ромашко.

— Дмитрий Иванович, помнишь наш разговор? Не забыл? Смотри. И не бойтесь вы никого. Если будет туго — идите к Шуруеву. В крайнем случае толкнитесь к самому Чеканову. Людей, людей своих не растеряйте. Подумайте даже о расширении группы. Ты, Сергей, тоже... Поэнергичнее будь. Побольше бери на себя, чтобы Дмитрий Иванович не отвлекался на организационную сумятицу. И ты, Лариса, должна тормошить своего благоверного, чтоб не дремал...

— Еще какие будут директивы, товарищ Стрижов? — вытянувшись в струнку, спросил Сергей.

— Есть кое-какие. Вам с Надей справить свадьбу. Жаль, уезжаю — можно было бы гульнуть.

К удивлению Стрижова, эти его слова ни у Сергея, ни у Нади не вызвали никакой реакции. Он спросил:

— Вы что, не согласны?

— Кто — за, кто — против! — с кривой усмешкой ответил Сергей.

Стрижов забегался в эти дни со своим отъездом и совсем не виделся с Надей. Ответ Сергея насторожил его, но он подумал о том, что опять у них обычная мелкая недомолвка. Он грубовато подтолкнул Сергея в бок:

— Не робей, старина. Все придет на круги своя.

Голос в динамике уже вторично приглашал пассажиров занять места в самолете. Надо было прощаться. Стрижов

вдруг остро почувствовал, как дороги ему эти люди и как будет скучать по этому увальню Ромашко, по добродушному и задиристому Сергею, по Наде, несмотря на ее подчеркнуто сдержанное отношение к нему, особенно в последнее время.

Пожимая холодную руку девушки, он пошутил:

— Телеграмму о свадьбе послать не забудьте. Прилечу.

Надя, не приняв шутки, глухо проговорила:

— Счастливого пути, Анатолий Федорович. Пусть у вас все будет хорошо.— И отвернулась. Две маленькие предательские слезы скатились по щекам, выдав ее состояние...

Трудно сказать, что больше всего повлияло на Дмитрия Ивановича Ромашко — то ли ругань Стрижова его обозлила и задела самолюбие, то ли вдохновил разговор с Пчелиным и Чекановым, которые заезжали в институт и целый день дотошно знакомились с материалами групп Круглого и Ромашко. Во всяком случае, после их отъезда Дмитрий Иванович объявил своей бригаде:

— Мы должны доказать, что небо коптим не зря. Отныне будем трудиться до седьмого пота. Если есть несогласные, прошу заявить. Претензий иметь не буду.

Несогласных не оказалось, и вся немногочисленная бригада поспешила к своим кульманам.

В институте теперь Ромашко устраивал трам-тарарам по любому поводу. Не дай бог, если кто задержит хоть на день выкопировку какого-то чертежа или схемы для его группы или, допустим, кто-то не оформит договор с макетчиками на аккордные работы. Шум поднимался на весь институт.

— В нашего Ромашку какой-то бес вселился,— удивленно пошутил Сергей Коваленко. И он был недалек от истины.

Скоро Ромашко убедился, что Стрижов был прав, говоря о необходимости расширения группы.

Шуруев в ответ на эту его просьбу развел руками:

— Штаты у меня есть. Несколько вакансий не заполнено. Но людей нет, все в работе, сами знаете.

Дмитрий Иванович отправился в вояж — сначала по областным организациям, потом подался даже в Москву. Итоги этого вояжа произвели в институте фурор. Ромаш-

ко вернулся не один, а привез с собой двух лохматых, модно, а потому небрежно одетых аспирантов из Московского архитектурно-строительного института — Вячеслава Шиманского и Владимира Чугунова. Как он смог уговорить этих парней, какими горизонтами Приозерска привлек — осталось неизвестным. Но факт оставался фактом — аспиранты приехали, возвращаться в Москву не собирались и работали на совесть. Ребята они были на редкость современные и коммуникабельные. Очень скоро их в институте знали все, они тоже знали всех, и уже трудно было представить Облгражданпроект без этих лохматых и веселых парней.

...Свой эскизный проект группа Ромашко закончила и отправила в Госстрой — в жюри конкурса — в точно установленный срок. Все облегченно вздохнули. Последние десять дней сидели за чертежами дни и ночи и измотались предельно.

— Всем три дня отдыха,— объявил Ромашко, а сам позвонил в городскую библиотеку и попросил подобрать литературу по высотному строительству.

Коваленко удивился:

— Что это вы, шеф? Небоскребами решили заняться?

— Понимаешь, прочел я тут небольшую информашку. Один английский инженер, Вильям Фришман, разработал дом — супергигант в 850 этажей, высотой в 3200 метров.

— Ну, мало ли сейчас различных проектов! И домов-гигантов, и жилых массивов в космосе, и городов под водой. Фантазиям несть числа.

— У Фришмана меня заинтересовали его мысли о конструкции фундамента этого гиганта, «срисованной» с корневой системы деревьев, как известно, хорошо воспринимающей вертикальные и значительные горизонтальные нагрузки.

— Да на кой дьявол вам это?

— Ну, Серега! Я не узнаю тебя. Сам же изрекал не раз: «Знать надо многое, знаем же мы мало».

— Все это верно, но вы все-таки не темните и скажите, что задумали?

— Откровенно?

— Откровенно.

Ромашко весело рассмеялся.

— Хочу подготовиться к очередному конкурсу. А мысль о фундаменте у Фришмана интересная.

После этого Дмитрий Иванович опять превратился в прежнего Ромашко — был тих, малоразговорчив, медлителен. И было трудно определить: то ли переживает человек, ожидая итогов конкурса, то ли ему вообще безразличны эти итоги и ходит он, занятый своими, какими-то ему лишь известными мыслями, и мечтает только о том, чтобы не мешали и не докучали ему.

Однако Дмитрий Иванович был вовсе не безразличен к тому, что и как решит конкурсная комиссия. Конечно, было бы здорово, думал, он, не завалиться. Пусть не премируют, но хотя бы одобрят. Он уже давно приучил себя к мысли, что через конкурс их проект, конечно, не пройдет, и отказ в премии его бы не удручил. Но если проект не заинтересует специалистов вообще, то это будет означать полный провал. Тогда брошу все прожекты с жильем и займусь молочнотоварными фермами. Там все-таки чуть проще.

Когда он высказал эту мысль Коваленко, тот усмехнулся:

— Вы, шеф, отстали от жизни. На селе сейчас животноводческие комплексы строят. Да такие, что закачаешься.

— Тогда мы в бригаду Круглого попросимся, чертежи копировать.

— Вот это другое дело. Это реально.

...Через месяц в институте была получена телеграмма от Пчелина. Академик сообщал, что жюри конкурса одобрило проект группы Ромашко и присудило премию. Утром об этом сообщили газеты и радио.

В тот же день в Зеленогорск пошла лаконичная телеграмма: «Поздравь с премией и будущей застройкой. Рохля, Размазня и прочее». Ответ был получен не менее лаконичный: «Поздравляю. Но высказанные эпитеты остаются в силе до осуществления застройки. При первой же возможности приеду посмотреть, как вы испортили левобережье Серебрянки. Стрижов».

Такая возможность представилась Стрижову только через три года, когда первая очередь застройки уже подходила в концу.

ПРИОЗЕРСКИЙ СИМПОЗИУМ

Предстоящий приезд участников Европейского симпозиума архитекторов, проходившего в Москве, наделал

в Приозерске немало переполоха. Хотя за последнее время туристы, журналисты и различные делегации были довольно частыми гостями в городе, однако приезд такой мощной когорты зодчих мог озадачить хоть кого.

Костюков уже несколько дней подряд безотлучно находился на Левобережье и с дотошной придирчивостью требовал от строителей закончить одно, подтянуть другое, переделать третье.

— Понимаете, Игорь Петрович,— жаловался он вечером Чеканову,— корпуса стоят красавцы. А тротуары не заасфальтированы, клены для Центрального сквера до сих пор не завезли. Основная наша магистраль — продолжение Октябрьской — ну совсем готова. Любо-дорого смотреть. А бордюрный камень был уложен бетонный, пролежал зиму и крошится. Разыскал гранитный. Завтра обещали доставить.

Чеканов пошутил:

— А ведь, пожалуй, прав Пчелин, что направляет к нам этот десант. Глядишь, подтянем кое-какие прорехи.

— Ну нет, спасибо за такую помощь академику не скажешь. Надо же, всю Европу тащит сюда. Что, кроме нашего, других городов нет?

И хотя Костюков выражал недовольство, в глубине души был, как и все приозерцы, доволен и гордился тем, что Приозерск приобретал все большую известность как город, где прогрессивно, современно ведется массовое жилищное строительство.

Такая слава пришла к Приозерску не скоро и не сразу. К чести руководителей областных и городских организаций, надо сказать, что задержка с утверждением проектных предложений их не обескуражила. Они подняли на ноги все архитектурно-строительные инстанции и добились-таки ускоренного проведения конкурса на разработку нового проекта застройки. Академик Пчелин крепко держал слово, данное обкому, и помогал всемерно. Но главное — приозерцы не теряли времени и загодя, тщательно готовились к развороту строительных работ. И когда проекты были утверждены, начали застройку массива без раскачки и проволочек.

Чеканов, перед тем как отпустить Костюкова, попросил его:

— Сергей Михайлович, давно я хотел попросить вот о чем. Собрали бы вы с Шуруевым наших архитекторов и

руководителей городских организаций. Район на Левобережье получается у нас действительно неплохой, но посмотрите, какие ставят палатки, киоски, автоматы для продажи воды и газет. Жуть берет. Одни старые, другие новые, одни размерами как саркофаги, другие будто скворечники. Надо уже сейчас всерьез заняться этими «второстепенными» объектами, так называемой малой архитектурой. Очень важно, чтобы внешнее благоустройство и старых, и новых кварталов облагородила творческая художественная мысль. Вы меня поняли?

— Вполне. Вот как проведем этот свалившийся на нашу голову симпозиум, так и займемся. Вы правы. Малая архитектура у нас того... На все ноги хромает.

— Ну а с приемом гостей как? Готовы?

— Ох, еще не совсем. Завтра с утра опять собираю всех и вся. Это уже, кажется, последний раз. Проверю все до мелочей. И милости просим, пусть приезжают.

— Слава-то, оказывается, Сергей Михайлович, дело обременительное,— с усмешкой заметил Чеканов.

Костюков вздохнул:

— Назвался груздем — полезай в кузов. Но ничего, лицом в грязь не ударим. Пусть смотрят маститые архитекторы, как хорошеет Приозерск. Ну, а коль что разумное подскажут — учтем.

...К встрече гостей из Москвы готовилась вся стройка. Наводился последний глянец в корпусах, предъявленных к сдаче, на тротуарах катки, нетерпеливо урча, ровняли последние метры асфальта, прорабы придирчиво осматривали свои объекты, чтобы не осталось какой-нибудь незамеченной мелочи, способной испортить впечатление гостей. Да не дай бог дойдет это до Костюкова или, того хуже, до Наумова или Чеканова!

Архитектурная мастерская левобережной застройки помещалась в правом крыле строительного управления. Небольшой демонстрационный зал, несколько комнат для проектных групп, а в самом конце коридора небольшой закуток — кабинет Главного, как именовали на стройке Дмитрия Ивановича Ромашко.

Обычно в мастерской стояла относительно тихая, деловая атмосфера. Шум, суматоха, горячие споры из-за сроков, графиков, опозданий с доставкой тех или иных деталей и материалов, чем изобилует любой из кабинетов управления стройки, сюда, через порог мастерской, перехлескивались лишь изредка. Сергей Коваленко рьяно обе-

регал здесь творческую обстановку, не давая втягивать проектировщиков в лихорадочную текучку. Особенно он старался оберегать от этих бед Ромашко. «Ему надо думать и творить, а не гвозди искать»,— объяснял он наиболее настойчивым посетителям.

Сегодня все было иначе. Хлопоты и заботы, связанные с приездом гостей, захватили и зодчих. К их делам и обязанностям прибавились еще и представительско-протокольные задачи.

Коваленко и сам уже с самого утра вертелся, как волчок. Вот и сейчас, нервно возбужденный, весь встрепанный, он влетел в мастерскую и, плюхнувшись на первый попавшийся стул, нетерпеливым жестом подозвал Чугунова и Шиманского. Словами сказать пока ничего не мог, так как торопливо дожевывал где-то по пути подхваченный бутерброд. Наконец, управившись с ним, он торопливо предложил:

— Итак, проверим готовность... Как бы не оскандалиться. Все-таки — светила архитектурного мира. Не шутка!

Слава Шиманский, не обращая внимания на лихорадочную озабоченность начальника, заметил:

— А симпозиум, по-моему, ничего, получился. Сообщения французов и итальянцев об особенностях современных архитектурных форм мне очень понравились.

Володя Чугунов тут же подхватил тему:

— Шведы молодцы. Их «зеленая архитектура» безупречна.

Шиманский, однако, не согласился:

— Все это мура. Вот японцы — это да. С какой технической смелостью решают инженерные задачи! Вы обратили внимание на макеты транспортных развязок? Пять ярусов. Вот это вещь!

Коваленко, не заметив, что друзья нарочно втягивают его в спор, проговорил:

— Японцы действительно строят хорошо. Но почему мура все остальное?

— А потому, что мура,— невозмутимо пояснил Шиманский,— и есть мура. Рациональность, экономичность, простота. Неужели наш век ничего не внесет в города такого, чтобы потомки зачарованно смотрели на наши сооружения и так же охали, как охаем мы, когда смотрим на Баальбек или пирамиду Хеопса?

Чугунов ухмыльнулся:

— За чем же дело? Дерзай.

Шиманский вздохнул:

— Суждены нам благие порывы. Дерзай, когда товарищ Коваленко каждый день стружку снимает, то за рабочие чертежи по детскому саду, то за привязку химчистки, то еще за что-нибудь. Ведь, наверное, ни одна женщина не согласится родить раньше девяти месяцев. А мы досрочно рождаем каждый проект. Я не говорю уже о Главном: «Извините, коллега, но вот тут вы явно не добрали. А тут перебрали. Ну разве это капитель? Это же какая-то закорючка. Я прошу извинить, но надо переделать».

Манера разговора Ромашко была так мастерски скопирована Шиманским, что все расхохотались. Но Коваленко уже спохватился:

— Вы, лоботрясы, нарочно отвлекаете меня от дела. Хватит лясы точить. Проверим еще раз, что и как у нас готово к нашествию гениев. Давайте по порядку. Общий макет микрорайона?

То Слава, то Володя с подчеркнутой готовностью докладывали:

— В порядке.

— Жилого комплекса?

— Есть.

— Схема транспорта?

— На месте.

— Фотоальбомы для гостей? Хватит? А впрочем, всю Европу все равно не обеспечишь. А как Седьмой и Девятый проезды? Успели их заасфальтировать? Не знаешь, Слава?

— Почему не знаем? Все в порядке.

— Отлично. А меблировка типовых квартир в первом корпусе закончена? Надежда, ты проверила?

— Была там утром. Готово.

Сергей несколько успокоился.

— Прекрасно. Вот уборка прибрежной магистрали идет туговато, но вроде заканчивают. Заскочу, проверю еще раз... А вы тут ворон не считайте, подтягивайте все позиции... Дмитрий Иванович ужасно нервничает. Надя, а как с а-ля фуршетом? Смотри не подведи.

— Пока ходите по объектам, не только а-ля фуршет подготовить, быка зажарить можно.

— За эту позицию ты отвечаешь персонально. Ромашко тут полагается только на тебя.

После ухода Сергея Шиманский флегматично проговорил:

— Чего все суетятся, нервничают? Все будет о'кей. У них таких массивов не густо. А тут, в каком-то Приозерске, и нате вам — что твоя столица.

— Слушай, ты иногда даже разумные мысли изрекаешь,— съязвил Чугунов. Но Слава был настроен добродушно:

— Заноза ты, Чугунов. Но я благороден. Не буду отвечать на этот укол. Давай-ка лучше сходим в буфет, подзаправимся. Иначе ты в мгновение ока уничтожишь все, что подготовит Надежда. Я тебя знаю.

— Свои пороки мне приписываешь?

— Ребята, в самом деле, вы не набрасывайтесь па стол,— возясь с посудой, проговорила Надя.— А то осрамите перед гостями.

— На что набрасываться-то?

— Ну, не скажи. Бутербродики со всякой всячиной, пирожки, ну, и многое другое.

— Именно бутербродики. В миллиграмм весом. Нет, мы явно теряем национальные традиции. Пойдем, Чугунов, в буфет.

— В буфет-то мы сейчас сходим. Ты вот лучше скажи, как завтра на симпозиум выбраться. Стрижова бы надо послушать.

— Да, неплохо было бы,— согласился Шиманский.— Пчелин в своем докладе до небес его поднял. Новое слово в индустриальном строительстве... Безопорные, сборные конструкции — будущее промышленных сооружений... В общем, я понял так, что товарищ Стрижов — явление на нашем архитектурном небосклоне.

— Комбинат они отгрохали, видимо, стоящий. А корпус Стрижова просто уникален. Четыре пролета шириной более ста метров и длиной в полкилометра. И все перекрытия в сборном варианте. Впервые у нас такое...

— Не зря же Ромашко не может говорить о Стрижове без восторженного заикания: выдающийся, удивительный, бесподобный...— Чугунов, говоря это, хитро посматривал па Надю.— Я подозреваю, что у него где-то в закутке портрет Стрижова висит. Честное слово. Где-нибудь за чертежами. Когда заходим, он его прячет, а уходим — молится на него.

Надя, услышав этот разговор, спросила:

— Значит, Анатолий Федорович в Москве?

— Прибыл, как же,— ответил Шиманский.— И даже обещал быть в Приозерске. Так что можешь узреть своего кумира. Если, конечно, Коваленко разрешит.

Чугунов со вздохом заметил:

— Удивляюсь, до какой степени может опуститься наш брат мужчина. Серега в ней души не чает, она же: «Ах, товарищ Стрижов, ох, Анатолий Федорович». Я с данным выдающимся товарищем не знаком, но на месте Сергея показал бы, что к чему.

Надя беззлобно бросила:

— Перемените-ка пластинку. Что-то вы за своего бригадира очень ратуете. Явный подхалимаж.

— Согласен признать за собой даже столь низменный порок, если это поможет Сергею.

— Бедный Коваленко, без адвокатов, оказывается, ни туда и ни сюда.

Чугунов с пафосом сказал:

— Ты слышал, Слава, что она изрекла? О, женщины! Исчадие ада! Источник бед! Клятвенно обещаю ни с одной не иметь ничего общего.

Шиманский протянул ему руку:

— Дай, друг, пожму твою лапу.

— Пижоны несчастные. А кто вчера полдня в парикмахерской торчал?

— Так это же для престижа мастерской. Понимать надо.

Шиманский и тут поддержал приятеля:

— Надежда хочет, чтобы мы с тобой были нечесаными, небритыми, немытыми и, по возможности, в лохмотьях.

— Звонари несчастные. Пустобрехи.

Добродушную перепалку молодых проектировщиков прервал приход прораба головного участка Ремеслова.

Это был высокий, худой человек, вечно сердитый и недовольный и постоянно спорящий с работниками мастерской.

Встав у двери, Ремеслов хмуро спросил:

— Где тут Ромашка?

Шиманский живо повернулся к нему:

— Во-первых, здравствуйте, товарищ Ремеслов. Во-вторых, может, вы уточните, о ком речь? У нас есть товарищ Ромашко, есть Дмитрий Иванович Ромашко, а Ромашки у нас нет.

Все так же хмуро Ремеслов продолжил:

— Ромашко или Ромашка — разница невелика. Надо решить, как быть с оградой святой Варвары. Ломать аль нет?

— Товарищ Ремеслов, да вы в своем уме? — вскинулась Надя.— У вас же чертеж на руках. Там все ясно. Восстановить, привести в порядок.

Шиманский назидательно подтвердил:

— Именно. Восстановить, покрасить. И не просто, не кое-как. Со шпаклевкой, грунтовкой. Двойным слоем. В точном соответствии со старыми колерами.

— Проект-то я знаю. Сегодня еще раз поглядел и глазам своим не поверил. Какую-то старую развалюху хотите в картинку превратить.

— Дорогой Ксенофонт Савельевич, побойтесь бога,— запричитал Чугунов.— Это не просто какая-то ограда, а деталь великолепного памятника. И автор ограды, между прочим, Казаков.

Но Ремеслов был Ремеслов.

— А по мне, хоть Казаков, хоть сам товарищ Шуруев — все едино. Ну, церковь сохранили, ухлопали на этот опиум для народа тысяч, наверно, семьдесят, а то и все сто. Ладно. Хотя я бы ее ночью бульдозером... и все дела. Но эту решетку... Зачем она? Что в ней проку? Только движению транспорта мешает. Спятили, факт, спятили!

— Да ты вандал, Ремеслов, настоящий вандал,— застонал Шиманский.

— Прежде всего прошу без этого самого, без оскорблений. Никакой я не вандал, а Ксенофонт Савельевич Ремеслов, начальник участка, между прочим. Так что папрашу...

— Да вы не обижайтесь,— вмешалась Надя.— Слава просто историческую параллель провел, шутя, конечно.

— Вот-вот. Я по делу, а вы шутейничаете, какие-то исторические диагонали в нос суете. Где Ромашка? Или, на худой конец, этот, Коваленко? — Потом несколько спокойнее спросил: — Может, подломаем ограду-то? На час всех делов! Подчистим, заасфальтируем вокруг — и все будет в ажуре.

Надя даже руками всплеснула:

— Неужели вы это серьезно, Ремеслов?

— Шутить я не любитель. Мне, знаете, не до того. Я уже не помню, когда дома был.— Он опять стал заводиться.— Вы тут рисуете свои чертежики-эскизики, а

нам — башку ломай, как с ними управиться. Вроде вот этой решетки. Расточители народных средств, вот вы кто!

Надя хотела вновь пуститься в объяснения, но вмешался обозлившийся Чугунов:

— Надя, оставь его в покое. Пусть ломает ограду. Черт с ним. Восстанавливать будет за свой счет.

Шиманский подтвердил:

— Это точно, Ремеслов. В копеечку обойдется.

Надя обеспокоенно посмотрела на всех.

— Да вы что? Разве это мыслимо? А вы, Ксенофонт Савельич, уясните наконец — нельзя трогать эту решетку. Мы восстановить ее обязаны по проекту. Иначе скандал будет. Всесоюзный.

Ремеслов с досадой махнул рукой:

— А... Все вы одной кистью мазаны...

Он ушел, сердито хлопнув дверью.

Шиманский озабоченно проговорил:

— Да. За такими ремесловыми глаз да глаз нужен. Дай волю — Василия Блаженного смахнут. Ох уж эти строители!

— Ну, ты не обобщай,— не согласился Чугунов.— Не все строители — ремесловы. Их руками сделано столько, что им в пояс кланяться надо.

— Спасибо, ты меня очень обогатил этим разъяснением. Но, понимаешь, есть еще и ремесловы.

— Так они есть не только среди строителей. Среди нашего брата тоже имеются.

Надя рассудительно и убежденно проговорила:

— И все-таки время, когда лавры Герострата кое-кому покоя не давали, уже прошло. Смотрите, с какой любовью восстановлены памятники в московском Зарядье. А в Пскове, Владимире, Суздале?

В это время в мастерскую шумно влетел Коваленко.

— У меня всего несколько минут,— торопливо зачастил он.— Как тут у вас? Имейте в виду, приехали почти все, полный кворум. Нашего Дмитрия Ивановича седьмой пот прошиб. Вопросов, запросов — уйма. Хорошо еще, что Пчелин рядом.

— Так сколько же народу-то будет? — обеспокоенно спросила Надя.

— Многих гостей строители забирают к себе, а бóльшая часть нагрянет к нам.

— Ну, а как там светила? Придираются? — почти одновременно поинтересовались Чугунов и Шиманский.

— Дома понравились. От транспортных развязок — в восторге. Сейчас торговый центр осматривают. Потом — сюда. Так что будьте начеку. Надежда, не подкачай. Вы, бездельники, помогайте ей.

— Слава, разве мы не помогаем?

— Всеми силами. Мы же не без понятиев, как Ремеслов выражается. Учитываем, что могут быть международные осложнения. Напишет, например, зарубежная пресса, что архитектурно-проектная группа Д. И. Ромашко встретила участников симпозиума без должной теплоты и сердечности. Бутербродов было мало, ассортимент бедный, шампанское...

Коваленко, махнув рукой, опять куда-то умчался.

Надя набросилась на ребят:

— Вы, лоботрясы, или делом занимайтесь, или убирайтесь отсюда. Только мешаете...

Ребята хотели последовать этому совету, но в дверях появилась Нонна Игнатьевна Шуруева. Она была все так же энергична и шумна, в каком-то ярко-голубом хитоне и огненно-рыжем убранстве на голове.

— Здравствуйте, товарищи. Как со встречей зодчих? Готовы? Вы тут, Ниночка, за старшую? Ну-ка, доложи, покажи, проинформируй.

— Меня зовут Надя.

— Допускаю. Так как у вас? Все на уровне?

— Велено скромно. Это ведь не какой-то там официальный прием, а дружеская встреча.

— Раз принимаем иногостей, то все должно быть на высоте. Пойдемте-ка в зал, посмотрим. Хочу удостовериться лично.

Когда Шуруева в сопровождении Нади отправилась в демонстрационный зал, Шиманский удивленно спросил Чугунова:

— Это что за птица?

— Да ты что? Это же Шуруева.

— То-то, я гляжу, дирижирует, как заправский метрдотель. Фурия.

Чугунов усмехнулся.

— Услышь она эту крамолу — и спета наша песенка.

Слава не согласился:

— Черта с два! Обломали им крылышки-то. Хотя, если поразмыслить... Вот, смотри. Погорели они со своим

«СКП-10». Дома-то наши, наши строят. Но впечатление у меня такое, что праздник скорее у них, чем у нас.

Чугунов рассудительно заметил:

— Руководитель института — кто? Товарищ Шуруев. А его заместитель? Товарищ Круглый. Следовательно, кто осуществлял руководство нами — несмышленышами? Они. Почему же они должны отказываться от лавров?

— Логично, но неутешительно.

— Ну, это, знаешь ли, из области эмоций, вопрос, так сказать, личного восприятия фактов, и только.

Шиманский махнул рукой:

— Черт с ними. Сочтемся славою, ведь мы свои же люди, как сказал поэт. И потом, к Шуруеву ты несправедлив. Старик помогал нам изрядно и от души.

— Так-то оно так. Но все-таки... Если бы меня спросили, кого надо награждать за приозерский массив, я бы назвал не Шуруева и Круглого, а Стрижова.

— Да, не будь конкурса, стояли бы на Левобережье коробки товарища Круглого, а потуги всей группы товарища Ромашко пылились бы в шкафах.

— Ребята,— зашумела, вбегая, Надя,— вы действительно просто тунеядцы. Только языки чешете. Мадам Шуруева знаете как нас расчихвостила? Стульев мало, цветов нет, угощение примитивное, шампанское нагрелось... Так что, Слава, ты — за стульями. Володя, немедленно раздобудь пару букетов цветов.

Шиманский посоветовал:

— Пошли ты ее, Надя, знаешь куда?

Чугунов усмехнулся:

— А ты, Слава, сам это сделай. У тебя может хорошо, интеллигентно получиться.

— А что? Могу. Запросто.

— Вот-вот. Сейчас она появится, и ты поставь ее на место. Посмотрим, на что ты способен.

Не успел он это сказать, как появилась Нонна Игнатьевна.

— Не очень, не очень,— бросила она, величаво прошествовав мимо ребят.— Говорила я, что надо принимать не здесь. Это же закуток. Ни масштаба, ни должного интерьера. Никакой фантазии. Не принимают же шахтеры гостей в шахте, а врачи — в операционной. Надо было в ресторане. На худой конец — в торговом центре. Но теперь, конечно, поздно: кардинальных мер не примешь. Будем здесь выкручиваться. Вы только смотрите,— повернулась она

к Наде,— сделайте все, как я сказала. И не забудьте около заглавного стола, где начальство и самые именитые гости будут собираться, стулья поставить. Нельзя же им как на часах стоять. И быстро-быстро, пожалуйста. Вот-вот нагрянут. Все поняли? Ну, тогда шевелитесь, шевелитесь...— И Нонна Игнатьевна деловито вышла из мастерской.

Шиманский же и Чугунов, прекрасно поняв строгий взгляд Нади, ринулись выполнять ее поручения. В коридоре Чугунов с усмешкой спросил приятеля:

— Что же ты? Хотел сказать мадам Шуруевой что-то существенное и даже рта не раскрыл.

— Решил, что не стоит связываться. Слабый пол. Надо учитывать. И потом... Она не так уж глупа. Ее мысли по поводу ресторанного интерьера свидетельствуют об эрудиции.

— Не все ведьмы дуры. Бывает наоборот.

Через полчаса в коридоре мастерской послышались шум, оживленный говор, смех. В дверях появился Пчелин в сопровождении Ромашко и Коваленко. За ними шествовала разноцветная, жужжащая толпа. Пчелин, поздоровавшись с Шиманским и Чугуновым, представил их гостям:

— Архитектурно-планировочная группа товарища Ромашко.— Он стал искать глазами Дмитрия Ивановича.— А где он сам? Опять скрылся куда-то? Ну ладно. Не будем терять время.— И деловито продолжал: — Вы, дорогие коллеги, видели первую очередь застройки. Теперь мы посмотрим, как будет выглядеть весь массив. Здесь тесновато малость, наш демонстрационный зал сегодня занят под другие, так сказать, цели, и потому нам придется немного потесниться.

Все столпились около стоявшего на большом столе макета второй очереди Левобережья. Воцарилось долгое молчание, затем послышались возгласы, реплики, вопросы на разных языках. Пчелин изъяснялся на немецком. Шиманский и Чугунов хоть и не очень свободно, но помогали ему на английском. Беседа протекала довольно оживленно. Появилась новая группа гостей, а с ними Шуруев и Круглый. Пчелин широким жестом пригласил и вновь вошедших к макету.

— Прошу, прошу. Мы знакомимся со второй очередью застройки. И уже разгорелся спор. Господин Буасье кри-

тикует советских зодчих за увлечение пестротой цветовой гаммы. Он считает, что в современной архитектуре вообще наблюдается переоценка роли цвета и цветовых контрастов. По его мнению, приозерская застройка тоже отражает эту тенденцию.

Тут же вступил в разговор Круглый:

— Я, пожалуй, склонен согласиться с мнением господина Буасье. У нас действительно много стихийности в формировании цветовой гаммы в архитектурной среде. Идет это от стремления компенсировать неизбежное однообразие типовых строений. Потому-то и у группы Ромашко появились и синие, и серовато-зеленые, и ярко-желтые фрагменты и плоскости.

С ним, однако, не согласился Коваленко.

— Увеличение роли цвета в архитектуре соответствует современным тенденциям в использовании цвета вообще — в искусстве, в быту, одежде... У нас же стремление к яркой цветогамме в архитектуре имеет свои глубокие корни, идущие от национальных традиций, климатических условий и других причин.

— Но согласитесь, товарищ Коваленко, что получается какая-то цветовая какофония.

— Нет, согласиться с этим не могу. Иначе массив будет выглядеть как огромный казарменный поселок. Не понимаю, что же тут хорошего?

Круглый покровительственно заметил:

— Поживете — поймете.

— Вряд ли.

В начавшийся спор вклинился Шиманский:

— Действительно, вряд ли. И дело здесь не в «поживете», а во вкусе, в понимании законов эстетики.

Пчелин, услышав этот обмен стрелами, с усмешкой проговорил:

— Вижу, молодые себя в обиду не дают? Правильно. Только большого спора сегодня не затевайте. Успеете. И вообще, каким фасадам быть у жилмассива второй очереди, мы предоставим решать авторам.

В мастерскую с подносом, заставленным маленькими рюмками с коньяком, вошла Надя. Пчелин объявил:

— Тоже один из авторов проекта, Надежда Кравцова.

Его слова гости встретили восторженно, руки энергично потянулись к подносу.

Пчелин опять стал искать Ромашко. Тот находился в

дальнем углу зала и терпеливо объяснял что-то одному из дотошных гостей.

— Дмитрий Иванович, идите-ка сюда. Ближе, ближе!

Дмитрий Иванович протолкался к Пчелину.

— Что-нибудь не так, Михаил Васильевич?

— Да нет, все так, все хорошо. Даже хвалят вас.

— Заслуга, Михаил Васильевич, не моя. Золотые ребята подобрались в группе, в этом все дело.

— Скромничаете или боитесь ответственности? — И, обратившись к стоявшим около него гостям, громко проговорил: — Все, что вы видели хорошего в этой застройке, — дело рук Дмитрия Ромашко и, конечно, его группы. Что не получилось — тоже их заслуга. Так ведь, Дмитрий Иванович?

Ромашко виновато развел руками:

— Ну, а чья же еще?

Круглый слушал этот разговор с саркастической усмешкой. Давняя обида сейчас всколыхнулась в нем с прежней силой. После отклонения его проекта Глеб Борисович долго не мог успокоиться, писал письма, обошел со своими жалобами всевозможные инстанции и в республике и в Москве. Наконец его пригласил Чеканов.

— Глеб Борисович, зря вы расходуете свои силы, время и энергию на письма и жалобы. Конкурс будет, вопрос это решенный. Включайтесь-ка вы тоже в дело. Хотите — улучшайте прежние свои разработки, хотите — беритесь за новые, но только не теряйте свое время зря и не отнимайте его у других.

Еще малость покапризничал Глеб Борисович и начал работать. Правда, на новый проект пороха все же не хватило, старый коренным образом переделать тоже не удалось. Жюри отдало предпочтение разработкам Ромашко.

Но для группы Глеба Борисовича дел также нашлось достаточно. Их предложения по реконструкции старой части города были признаны достаточно интересными, и сейчас Глеб Борисович усиленно трудился над рабочей документацией. Кроме того, как заместитель директора института он возглавлял экспертизу по застройке Левобережья и мог закономерно считать себя человеком, причастным к возникновению этого жилого массива.

Но вот сейчас, услышав, как Пчелин аттестует Ромашко, Круглый усмотрел в его речи стремление полностью

зачеркнуть роль руководителей института. Послышался его с обиженными интонациями голос:

— Ну, наверное, и еще кое-кто имеет отношение к застройке Левобережья?

Пчелин повернулся на его голос:

— Ах да. Слонов-то я и не приметил. Но, надеюсь, вы не преминули и сами представиться гостям. Вадим Семенович Шуруев — директор проектного института, Глеб Борисович Круглый — его заместитель. Известные наши зодчие, одни из зачинателей сборного домостроения.

Маленький, щуплый австриец, с трудом подбирая русские слова, но произнося их подчеркнуто четко, проговорил:

— Хочу снова особенно отметить удачно спроектированный тип домов. Красиво, удобно, современно. У нас бы такие дома тоже очень пришлись по вкусу.

— Соно д'акордо кон лей! — темпераментно воскликнул итальянский гость. Кто-то из гостей перевел:

— Мой коллега хочет сказать, что целиком согласен с этим мнением.

— Мы долго искали подходящий вариант,— скромно заметил Шуруев.— Были дискуссии, творческие споры...

— И даже ссоры...— не преминул добавить Коваленко.

Шуруев развел руками:

— Что было, то было. Истина, как известно, без споров не рождается.

Ромашко вздохнул:

— На сей раз истине пришлось трудновато.

Пчелин примирительно заключил:

— Важно то, что она, эта истина, нашла свое материальное воплощение.— И затем, обращаясь к гостям, с лукавинкой во взгляде проговорил: — Один наш чудесный поэт сказал как-то: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье...» Давайте взглянем на общую панораму застройки.

Он подошел к окну и отдернул шелковую штору. В комнату ринулся солнечный свет, и открылась широкая панорама Левобережья.

Прямые, широкие улицы ровными лентами сбегали к побережью Серебрянки. Посредине широким проспектом пролегла Октябрьская. Обрамляли ее тротуары, ровным зеленым пунктиром выстроились молоденькие тополя и

липы. Между ними буйствовало многоцветье клумб с незатейливыми, но яркими, пестрыми цветами. Дома, облицованные керамикой разных цветов, выглядели какими-то легкими, радостными, уютными. А чуть вдалеке сквозь листву прибрежного бульвара голубела, искрилась гладь Серебрянки. Скуповатое, но все еще яркое августовское солнце окрашивало всю эту панораму в нежно-янтарные, желтоватые тона. Общий вид застройки действительно оставлял удивительно праздничное, радостное впечатление. Все — и гости и хозяева — долго стояли молча. Кто-то радостно проговорил:

— А ведь неплохо? Верно ведь, друзья мои, неплохо?

На разных языках вновь послышались неподдельно восторженные восклицания:

— Манифико! Бениссимо! Шарман! Вери гут!

И хотя Пчелин знал, что гости есть гости и в силу элементарной вежливости они не будут разочаровывать и обижать хозяев мрачными физиономиями и скептическими междометиями, он видел, что застройка понравилась всем.

Академик обнял за плечи Ромашко и проговорил с улыбкой:

— Что хорошо, то хорошо, Дмитрий Иванович, и прятаться вам нечего. Не подвели. Поэтому поздравляю и вас и всех ваших сподвижников. А теперь... Соловья баснями, как известно, не кормят. Угощай, хозяйка, гостей,— обратился он к Наде.

— Все готово, Михаил Васильевич.

— Очень хорошо. Ведите нас в царство Лукулла, хотя сомневаюсь, что вы тут уподобились его размаху.

По пути в зал он спросил:

— А Стрижов-то не приехал? Неужели подвел старика?

Ромашко успокоил его:

— Обещал. Думаю, все-таки выберется.

— Зовите, зовите гостей.

Круглый тоже направился было вслед за Пчелиным, но неожиданно его остановил голос Полины:

— Глеб, задержись на минуту.

Круглый удивился:

— Полина? Ты здесь? Ты же не собиралась!

Полина чуть взвинченно ответила на его вопрос:

— По-твоему, я должна была сидеть дома?

— Я же тебе предлагал...

— Значит, передумала. Конечно, если ты против, я могу уйти.

Круглый поморщился:

— Ну зачем эти капризы? Пойдем в зал.

Полина поспешно порылась в сумочке, подпудрилась и, глядясь в зеркальце, спросила:

— Как у меня вид? Все в порядке?

Круглый нетерпеливо успокоил ее:

— Да, да. Пойдем же.

Они уже подходили к дверям зала, когда в комнате появился Стрижов. Круглый остановился и преувеличенно весело воскликнул:

— Полина, смотри, кто заявился! Здравствуй, Анатолий. Это очень здорово, что и ты здесь. И прими поздравления.

— Здравствуйте,— сдержанно ответил Стрижов.— С чем меня поздравляете?

— Ну, как с чем? С окончанием Зеленогорска.

— А-а-а... Ну, с этим еще рановато. Поздравлять скорее следует вас. Застройка-то получилась отличная.

— Старались,— скромно ответил Круглый.

Полина, удивленная лихорадочной разговорчивостью Круглого, улучила паузу:

— Как живется, Анатолий?

— Ничего, спасибо, живу.

Круглый все в том же тоне продолжал:

— А за тобой должок. Помнишь? Признайся, что тогда у Пчелина ты вел себя... ну, скажем, не совсем джентльменски...

— Ты хочешь продолжить тот разговор?

Криво, натянуто усмехнувшись, Круглый замахал руками:

— Нет-нет, зачем же! Ты, конечно, погорячился тогда. И я думаю, что...

— Ждешь извинений? Напрасно.

Полина вмешалась:

— Не надо ссориться, будьте мужчинами. Я не хочу, чтобы черная кошка...

— Верно, Полина права,— подхватил ее мысль Круглый,— не будем ворошить прошлое. Даже худой мир лучше доброй ссоры. Может, зайдешь к нам? Друзья ведь обид не помнят.

— Так то — друзья,— ответил Стрижов.

— А ты все такой же...

— Да. Не хуже и не лучше.

Полина обратилась к Круглому:

— Иди, Глеб, к гостям. Я сейчас. Мне надо кое-что сказать Анатолию.

Круглый с готовностью согласился:

— Иду-иду. Посекретничайте малость. Я человек современный, и такой пережиток, как ревность, мне чужд.

Когда за Круглым закрылась дверь, Полина глуховато, с трудом сдерживая волнение, спросила:

— Тебя действительно можно поздравить? Столько говорят о твоем комплексе, столько пишут!

— Спасибо.

— Ты... очень обижен, Анатолий?

— Не надо об этом...— сухо и мрачно попросил Стрижов.— Лучше скажи, как ты? Счастлива?

Полина отвела взгляд, вздохнула.

— Счастье, счастье. Если бы знать, что это такое. Не каждому, видно, оно положено.

— Ну, что это такое — ты всегда знала: представление о счастье у тебя было предельно ясным. Так что оно должно быть теперь полным.

— А ты жесток, оказывается. Обида все еще жива?

Стрижов вздохнул.

— Нет, Полина. Нет. Обиды и зла я на тебя не держу. Я долго и мучительно приучал себя к этой мысли... Важно, чтобы тебе было хорошо. Я не мог сделать твою жизнь полной, такой, какой ты хотела. Значит, и мешать не должен.

— Эх, Стриж... Стриж...— тихо, с глубокой затаенной болью проговорила Полина. Затем, после долгой паузы, спросила: — Так к нам не зайдешь?

— Нет. Конечно, нет.

— Но бывает же, когда люди и в подобных обстоятельствах сохраняют знакомство, иногда и дружбу.

— Не знаю... Может, и бывает. Но я так не умею.

Говорить стало не о чем, и оба почувствовали это.

Полина нерешительно произнесла:

— Пойду в зал. Ты придешь туда?

— Я... потом, позже...

Полина постояла еще некоторое время, ожидая еще каких-то слов, но Стрижов молчал, и она торопливо пошла в зал. Стрижов же подошел к окну и долго стоял там в мрачной задумчивости. Эта неожиданная встреча всколыхнула в душе тяжкий, гнетущий осадок. Не хотелось ему

ворошить прошлое, оно же сейчас непрошено всплыло вновь. И не те, прежние чувства к Полине очнулись в нем, нет, они исчезли за эти годы бесповоротно и навсегда. Но встреча эта вызвала острое чувство досады и ненужно щемящей тоски. Он уже корил себя за согласие, данное Пчелину приехать сюда.

Потом подумалось: «А почему, собственно? Приозерск — твоя родина, и не сюда ли ты рвался отовсюду, как бы хорошо там ни было? И со своим прошлым ты неизбежно должен был встретиться, не сегодня, так завтра. И пусть какие-то встречи принесут тебе боль и досаду, другие же принесут радость. Вон там, кажется, Ромашко, с ним Коваленко. Их просто-напросто до чертиков приятно увидеть. А вон Вадим Семенович».

Шуруев, увидев Стрижова, стал энергично проталкиваться к нему сквозь толпу гостей. Встретились они бурно и радушно, словно и не было меж ними пусть давних, но отчаянных схваток. Шуруев не давал Анатолию вымолвить ни слова:

— Ну как ты там? Читал, наслышан о твоих успехах, но все равно жду тебя с подробным докладом. А у нас-то видел, что наворочено? Застройку-то посмотрел? Не хуже, не хуже, чем у москвичей, верно ведь? Не зря же вон вся Европа в Приозерск пожаловала? А? Нет, все-таки получилось, получилось Левобережье. Ты в этой симфонии тоже кое-какую ноту сыграл. Я бы сказал, даже довольно громкую ноту. К нам-то надолго? В командировку? Насовсем? Оседай, дорогой, теперь у нас, дел — по самую завязку. Хватит по дальним краям шастать.

— Пока ненадолго. На симпозиум.

— Знаю, знаю. Твой доклад все поедем послушать.

Вадим Семенович хотел продолжить разговор, но подплыла Нонна Игнатьевна. Она сияюще улыбнулась Стрижову:

— Кого видим! Анатолий Федорович! Когда ждать у нас? Обязательно, обязательно. Отговорок не принимаем.— И, не ожидая ответа, утащила Вадима Семеновича к гостям.

Это было очень кстати, так как Стрижов увидел Надю и тут же стал пробираться к ней. Она же, занятая хлопотами с гостями, не сразу заметила его. Когда же увидела, от волнения прислонилась к косяку двери и с трудом уняла охватившую ее нервную дрожь.

— Здравствуй, Надюша.

Она подняла на Стрижова полные боли и тревожного ожидания глаза и чуть слышно ответила:

— Здравствуйте, Анатолий Федорович.

— Какая же ты стала...

— Какая? Все такая же.

— Ну не скажи. Красивее, взрослее, солиднее.

— Все шутите, Анатолий Федорович. А сами совсем забыли приозерцев.

Стрижов почувствовал обиду в ее голосе, поспешил оправдаться:

— Извини меня, Надюша. Забот, хлопот, работы было столько, что голова кругом... Расскажи, как ты живешь? Как ваши дела? Массив-то смотри какой отгрохали. А? Молодцы, ну просто молодцы! И домишки, прямо скажу, ничего. Хорошие дома!

Надя без подъема согласилась:

— Получилось, кажется, неплохо.

— Сергей-то где? Ну, поженились вы?

Надя тихо ответила:

— Нет... Пока нет.

— Почему же?

— Почему? — Надя вымученно, через силу улыбнулась и, словно бросившись в омут, с трудом выговорила: — Вас... все... жду...

Стрижова словно ударило током, у него вдруг перехватило дыхание. Кое-как справившись со своей растерянностью, он хотел отделаться какой-нибудь шуткой, но, увидев ее взгляд, осекся. В глазах Нади стояло такое смятение и такое трепетное ожидание какого-то щадящего ответа, что Стрижов замолк на полуслове. Он, растерянно улыбнувшись, проговорил:

— Смотри, какая ты отчаянная стала, Надюха. Нехорошо так шутить со старыми знакомыми.

Надя глубоко вздохнула:

— Какие уж тут шутки.

Эти слова были сказаны девушкой с такой безысходностью и болью, что Стрижов растерялся окончательно. Теперь он понял все.

Сколько же Наде пришлось передумать, выстрадать, сколько в одиночестве провести длинных бессонных ночей, чтобы в одной фразе выразить всю силу обуревавших ее чувств.

Стрижов постоянно видел доверчиво-восторженное отношение Нади к нему, но давно уже убедил себя, что это

лишь проявление трогательной благодарности за участие в ее судьбе. И все же думал о Наде часто и много, думал с тревожащим волнением и нежностью, особенно в последнее время, на Севере. Порой робко прорывалось и самое сокровенное: вот если бы Надя была с ним, рядом... Конечно, думал он при этом, разница в возрасте велика, но вряд ли ее остановило бы это, и, вероятнее всего, его предложение она приняла бы без удивления. Пусть не по велению сердца, не по зову чувств, а в силу своих редких душевных качеств, но приняла бы.

Однако вслед за этими мыслями приходили сомнения, начинала пронзительно тревожить совесть, и Стрижов обрывал свои столь далеко идущие размышления решительно и беспощадно.

Сейчас он был почти в отчаянии. Что ответить Наде? Что сделать, чтобы не оскорбить этот ее предельно искренний, идущий от всего сердца порыв? В какой-то миг подумалось: «А может, зря я мудрствую? Забрать Надюшку и вдвоем в Зеленогорск». Но тут же возникла другая мысль: «А что потом? Мучиться от сознания нечестного поступка, постоянно упрекать себя за то, что исковеркал ее жизнь, обманул дружеское доверие Сергея? Слишком большую плату ты хочешь, Стрижов, за когда-то сделанное и не столь уж обременительное для тебя добро». Эти сомнения не были новыми для Стрижова, они всегда охлаждали его мятущиеся мысли, отрезвили его и сейчас. Он мягко, но нарочито бодро проговорил:

— Поздно, Надя, мне думать об этом, поздно...— И опять, улыбнувшись, добавил: — Это жалость ко мне в тебе говорит, от доброты сердца...

— Жалость? Да при чем тут жалость? — удивленно и нервно воскликнула Надя. Она досадливо кусала губы, еле сдерживая себя, чтобы не заплакать.

Молчал и Стрижов. Тогда Надя с болью и гневом, глядя прямо в глаза Анатолию, бросила:

— Какой же вы... черствый, какой бесчувственный, оказывается. Эх, Анатолий Федорович...— Хотела еще что-то сказать, но махнула рукой и, опустив голову, каким-то механическим шагом отошла от Стрижова в глубь зала, скрылась в толпе гостей.

Стрижов стоял, уязвленный ее обидными словами, удрученный гневом и разочарованием, явственно прозвучавшими в них. Он решил подойти к Наде, вновь попы-

таться объясниться, как-то сгладить впечатление от тяжелого разговора, но Нади уже не было в зале. Он подошел к Сергею Коваленко. Тот вместе с Чугуновым и Шиманским вел какой-то горячий спор с группой польских гостей. Стрижов отозвал его в сторону.

— Нам поговорить надо, Сергей.— Однако этому разговору не суждено было состояться. Ромашко был в ударе, видимо, пара рюмок коньяка сняла с него путы робости, и он агрессивно стал тащить Стрижова за собой.

— Анатолий Федорович, не сопротивляйтесь и не спорьте. Там сам Пчелин ждет.

От стола, где группировались наиболее именитые гости и куда Ромашко вел Стрижова, послышался усиленный микрофоном голос Пчелина:

— Об авторах приозерской застройки уже говорили. Теперь я хочу предложить тост за человека, который хотя и не входит в число авторов, тем не менее имеет прямое и непосредственное отношение к застройке Левобережья. Есть люди больших и настоящих принципов, люди упрямые и смелые, для которых их гражданский долг — превыше всего... Именно к таким людям относится инженер Стрижов.

Раздались голоса, возгласы, вопросы:

— Стрижов? Кто такой Стрижов? Один из авторов Зеленогорска?! О! Говорят, это колоссально.

Дождавшись, когда шум несколько поутих, Пчелин продолжал:

— Он не только один из авторов Зеленогорского комплекса, но и основной виновник того, что вы, дорогие гости, видите здесь. Вы признали застройку удачной. Так вот, именно Стрижов боролся, настаивал, воевал за то, чтобы она стала только такой. Предлагаю тост за человека с большим горячим сердцем — за Анатолия Федоровича Стрижова...

Аплодисменты, шум голосов. Десятка полтора гостей окружили Стрижова плотным кольцом, забросали вопросами.

— Расскажите о вашем зеленогорском чуде. Или это секрет?

— Почему секрет? Никакого секрета. Что вас, собственно, интересует?

Лишь через добрых полчаса Стрижову удалось выбраться из этого шумного плена, и он, обтираясь платком,

в сопровождении Ромашко вышел в соседнюю комнату. Стрижов смущенно и укоризненно ворчал:

— И в жар, и в краску вогнал меня Пчелин. Надо же наговорить такое!

Дмитрий Иванович в приподнято-торжественном тоне изрек:

— Я готов подписаться под каждым словом академика. Если бы не вы, Анатолий Федорович...

— Ну, хватит, хватит. Тебе-то я не дам разойтись! Героя из меня делать не надо. А вот тебя поздравить я рад! Очень рад!

— Старались, Анатолий, старались. Хотя и не Руанский собор, но все же...

Стрижов улыбнулся.

— Запомнил притчу?

— А как же?

После минутного молчания Стрижов задумчиво проговорил:

— Чудесная все-таки стезя у архитекторов — дарить людям радость. Но и ответственная.

Ромашко тоже проникся его настроением.

— Да, пожалуй. Ведь мы создаем ту среду, атмосферу, в которой будут жить люди двадцать первого века. Есть о чем задуматься.

— Вот именно. Они куда лучше будут знать живопись, музыку, скульптуру и будут судить о нас строго. Вообще эстетическое воздействие архитектуры неизмеримо возрастет, и я думаю, она будет находиться под строгим контролем общества... Да, да. Плохие проекты запретят даже показывать. Под страхом смертной казни.

Вошедший в комнату Пчелин зашумел:

— Вот стрекулисты! На минуту их упустил из вида, и уже удрали. Ну, о чем тут сплетничали?

— Философствуем, Михаил Васильевич.

— Может, введете и меня в свои хрустальные дворцы?

— Анатолий Федорович считает, что в будущем за плохие проекты станут казнить. Невольно задумаешься.

— Однако мрачновато вы шутите, Стрижов.— И, показав на окно, добавил: — Думаю, не будут в претензии за этот массив ни современники, ни потомки.

— Не будут, нет оснований. Шел я сюда по улицам и радовался. Хорошо сработали, хорошо. Теперь надо о второй очереди думать. Как, Дмитрий Иванович?

Пчелин ухмыльнулся:

— Ого! Не только думают, а уже в атаку идут. Боюсь, что успех вскружил им голову. Не массив затевают, а сады Семирамиды.

Ромашко поспешил внести ясность:

— Да нет же, Михаил Васильевич, вполне скромные и реальные замыслы. Только, конечно, с учетом требований времени. Ну вот, например...

Пчелин, однако, остановил его:

— Известный американский архитектор Райт как-то сказал правильно: «Род человеческий строил наиболее замечательно, когда ограничения в средствах были неизбежны, когда требовались наибольшие усилия воображения».

Стрижов уже отключился от темы разговора. Их столь неожиданное объяснение с Надей вновь всплыло в памяти во всех деталях и не выходило из ума, однако хоть и с трудом, но уловил расхождения в мыслях Пчелина и Ромашко. Мысли эти и его занимали не раз, и потому заметил:

— В Зеленогорске мы такие цехи отгрохали... Только слепой в восторг не придет. Одним словом, современно в полном смысле этого слова. Но знаете, что мне сказал один молодой физик? Мы, говорит, на пороге нового электронно-ионного технологического прогресса, на пороге элионики. А вы довольствуетесь техническими параметрами шестидесятых годов. Придется многое перестраивать, иначе сдерживать нас будете. Вот так-то. И он прав, этот парень. Жизнь ведь действительно в наше время обрела космические скорости, и надо уметь не отставать от нее, использовать возможности, которые предоставляет нам современность с ее высоким уровнем науки, техники, искусства.

Ромашко вздохнул:

— Я часто думаю о том, как создавали величайшие шедевры наши предки... Гигантские скульптуры острова Пасхи высекались каменными топорами, плиты для египетских пирамид откалывались деревянными клиньями. Парфенон построен бронзовыми орудиями. А одна из самых первых и прекрасных каменных построек на Руси — храм Покрова-на-Нерли — была выстроена, когда в ходу еще были лук и стрелы...

— Вот-вот,— оживился Стрижов.— Один мудрый наш современник как-то точно заметил: «Если древние с их

каменными орудиями могли с таким пафосом выражать в архитектуре свои мысли и чувства, то какая же архитектура должна быть присуща нашим дням, когда люди расщепили атомное ядро, вышли за пределы Земли, создали «мыслящие» машины? Современному человеку нужна архитектура, которая была бы такой же дерзкой, всеобъемлющей и могущественной, как и он сам. Это веление времени».

— Согласен, согласен. Время, время... Самая вечная и вместе с тем самая быстротекущая категория,— со вздохом согласился и в раздумье произнес Пчелин.— Искусство, и архитектура в том числе, должно не просто идти в ногу со временем, а опережать его...

Стрижов, слыша и не слыша своих приятелей, пристально смотрел в окно. Там, углубляясь в даль проспекта, шли Сергей Коваленко и Надя Кравцова. Они шли не спеша, видимо обсуждая что-то. И Стрижов вдруг с отчетливой, щемящей болью понял, что он потерял сегодня самое дорогое, самое ценное, что хотела подарить ему жизнь. И под влиянием этой больно ударившей его по самому сердцу мысли он глуховато ответил на слова Пчелина:

— Да, вечная и быстротекущая. И невозвратная, к сожалению. Жаль, что мы не всегда помним об этом и теряем, теряем многое. А потерянное невозвратимо.

Ромашко, находясь все еще в восторженно-приподнятом настроении, проговорил:

— Ну, вам-то, Анатолий Федорович, грех говорить такое. Умеете вы идти по жизненным стежкам, не отставая и не опаздывая.

— Если бы так, Дмитрий Иванович, если бы так.

Пчелин поднялся со стула и озабоченно проговорил:

— Ну ладно, дорогие философы, пофантазировали, отвлеклись малость от суеты, и будет. Пошли-ка провожать гостей.

Стрижов по пути в зал вновь подошел к окну. На улицах заметно пополнился поток машин. По тротуарам спешили приозерцы, возвращаясь с работы по домам. Анатолий Федорович пристально вглядывался в людскую толпу, выискивая фигуры Сергея и Нади, но их уже не было. Анатолий Федорович глубоко вздохнул и направился вслед за Пчелиным и Ромашко.

Через два дня Стрижов уезжал на свою стройку.

Провожали его лишь Ромашко с Ларисой. Сергея и Надю Анатолий о времени своего отъезда предупреждать не стал, чтобы не бередить ни их, ни свою боль. Обменявшись двумя-тремя обычными в таких случаях фразами, Ромашко и Стрижов замолчали. Да и что можно сказать в такие минуты? Просто очень грустно на душе, и не идут на ум никакие слова.

Стрижову сегодня было грустно вдвойне. Он прощался не только с друзьями, но и с Приозерском. Прощался надолго, если не навсегда. Все-таки не очень складно сложилась здесь его жизнь в прошлом, и он чувствовал, что не сумеет устроить ее лучше и в будущем. Он никого не винил и не упрекал за это. В конце концов человек сам вершитель своей судьбы. Ему предстояло многое начинать вновь, забыв приозерские привязанности. Обрести же душевные силы для этого будет легче там, вдалеке, среди новых забот и новых людей. Во всяком случае, так думал Анатолий Федорович и так решил. Уговоры Пчелина, Шуруева, Ромашко и даже Чеканова не изменили этого решения.

Когда под крылом самолета открылась панорама Левобережья с ровными прямыми дорогами, оранжево-желтыми от осенней листвы бульварами, со светлой россыпью новых домов, каскадами спускавшихся к волнистой глади Серебрянки и Тростникового,— сердце Стрижова забилось чаще. Все-таки хорошо, что так удачно получилось Левобережье. Стрижов почувствовал радость от сознания того, что и он приложил к этому свои усилия, что сделал для земляков-приозерцев пусть малое, но доброе дело. Правда, они не знали об этом, да и не обязаны были знать.

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

КЛОЧОК ГАЗЕТЫ

На селекторе в кабинете начальника МУРа замигала зеленая лампочка. Настойчиво заныл позывной сигнал. В динамике раздался голос ответственного дежурного по городу:

— На Складской улице, на склоне оврага, во временном строении обнаружен расчлененный труп девочки.

Ответственный дежурный по городу был далеко не новичок, на Петровке работал не первый год, и удивить его чем-нибудь было трудно. Однако на этот раз в голосе его явно чувствовались волнение и гнев.

Конечно, в восьмимиллионном городе случается всякое. Но преступление, о котором докладывал дежурный, было из ряда вон выходящим. Вот почему так взволнованно и гневно звучал голос дежурного по городу, и сразу же после его звонка тревожно завыли сирены оперативных машин, затрещали телефоны в кабинетах работников уголовного розыска.

Начальник уголовного розыска подполковник Благовидов высказал предположение:

— Может, это Лена Грачева?

— Не исключено. Принимаем меры к опознанию,— дополнил свой доклад дежурный.

В начале июня из Львовской области приехала к сестре в Москву Евдокия Васильевна Грачева с десятилетним сыном Сережей и шестилетней дочерью Леной.

Детям очень понравилось в Москве. Все было не так, как дома, все хотелось посмотреть. Часами они с матерью без устали гуляли по городу.

Когда мать не могла брать ребят с собой, они играли во дворе на детской площадке — там были качели, карусель, занятные деревянные звери.

Лена — общительная, жизнерадостная девочка — бы-

стро перезнакомилась с соседскими детьми. Играла с новыми подругами, лепила из песка какие-то замысловатые фигурки, с наслаждением каталась на чьем-то трехколесном велосипеде. Но особенно Лене нравилось подниматься на лифте. То и дело забиралась она в кабину и взлетала наверх. Стучала в дверь, смеясь сообщала:

— Тетя, я здесь! — и убегала опять.

Лена была невелика ростом и в лифте дотягивалась только до кнопки шестого этажа. Здесь приходилось выходить и на восьмой этаж, где жила тетка, добираться пешком. Но это не останавливало девочку, и, сбежав вниз, она опять подкарауливала — не свободен ли лифт.

В тот день Лена ушла гулять в десять часов утра. Один раз, в начале одиннадцатого, «отметилась» дома, и после этого ее никто не видел. Через час или полтора тетка хватилась девочки, вышла на улицу, долго звала ее. Не получив ответа, стала обходить двор и расспрашивать детей, которые играли на площадках. Они рассказали, что утром Лена играла с ними, но потом ушла и больше не появлялась.

К вечеру приехала из города Евдокия Васильевна с сыном. Сестра встретила ее у подъезда, испуганная.

— Лена пропала...— чуть не плача сообщила она.

Женщины опять стали обходить дворы, подъезды, ближайшие улицы, скверы. К ним присоединились соседи, целая толпа детворы. Девочки нигде не было. Поздно вечером о происшедшем сообщили в милицию...

Через час все отделения милиции получили телефонограмму с указанием обследовать свои территории.

Были извещены больницы, детские учреждения, вокзалы.

Лену стали искать патрульные машины, дружинники, дворники, участковые инспектора, орудовские посты...

Прошло два дня.

За это время было обнаружено несколько потерявшихся ребят. В дежурных комнатах милиции Евдокия Васильевна не раз с тоской наблюдала, как радостно бросались детишки к своим мамам и папам. Но Лены, ее Лены не было.

На третий день, утром, в квартире, где остановились Грачевы, раздался звонок из отделения милиции. К телефону попросили Евдокию Васильевну. Взяв трубку, она нетерпеливо, взволнованно спросила:

— Что, нашлась, нашлась моя девочка?

— Мы вас просим приехать к нам.

Голос офицера мягкий, участливый. Евдокия Васильевна похолодела от предчувствия. Если б Лена нашлась, с ней говорили бы иначе...

В кабинете начальника отделения сидело несколько человек. Когда Евдокия Васильевна вошла, все встали. Высокий, подтянутый человек представился:

— Майор Чебышев. Прошу садиться.— Он предупредительно подвинул стул. А у Евдокии Васильевны еще сильнее заныло сердце в предчувствии беды.

— Нашлась Леночка? Скажите же скорее!..

Чебышев, откашлявшись и стараясь не встречаться с вопрошающим взглядом женщины, сказал:

— Евдокия Васильевна, не волнуйтесь, пожалуйста. Лена пока не нашлась. Вас мы позвали вот почему. Сегодня в Щучьем овраге обнаружен труп девочки. Ну, не волнуйтесь, не волнуйтесь... Может, это и не Лена вовсе. Очень просим поехать с нами...

В морге, как только открыли белое покрывало, Евдокия Васильевна рухнула замертво. Врачи еле привели ее в чувство.

Сомнений теперь ни у кого не оставалось — убитой была Лена Грачева.

Волновались жители Складской и Кривой улиц, Первого, Второго и Третьего проездов, всех соседних переулков. Люди были потрясены зверством преступника. В отделении милиции то и дело раздавались звонки с заводов, из строительных организаций, институтов, школ, расположенных в районе происшествия.

— Убийца не должен уйти от возмездия! — таково было общее требование.

Не должен. Но для этого его надо найти, уличить, доказать, что преступление совершил именно он...

В оперативную группу по делу на Складской вошли наиболее опытные и энергичные работники. Майор милиции Чебышев и капитан Светляков сами отобрали себе помощников.

Начальник МУРа, вдумчивый, с неторопливыми движениями офицер, отбросив со лба непослушную черную прядь, сказал, обращаясь к оперативным работникам:

— Надо решить, с чего начать розыск. На какой версии остановиться, за какое звено взяться, по какому сле-

ду идти. У кого какие соображения? Планы? Докладывайте.

За какое звено взяться, по какому следу пойти?.. Ну, а если нет этого самого следа? И нет пока ни одного звена?..

Правда, общеизвестно, что, как бы тщательно ни готовилось преступление, как бы осмотрительно оно ни было совершено, следы все равно остаются. Пусть мельчайшие, пусть ничего не значащие на первый взгляд, но они всегда есть, эти следы. Так единодушно утверждают и теоретики и практики — криминалисты. И потому оперативная группа стала искать прежде всего эти следы и улики. Но мало, очень мало следов удалось обнаружить на месте происшествия. Да и где оно, это место? Где было совершено убийство? Этого, собственно, тоже пока никто не знал.

Когда совершается убийство с целью грабежа, там все относительно ясно и понятно. Пути розыска в таких случаях достаточно определенны. Более или менее узок круг поисков и тогда, когда преступление совершено на бытовой почве: надо искать тех, кто сталкивался с потерпевшим, кто знал его...

Но кому понадобилась жизнь шестилетней девочки? Какую выгоду мог извлечь из этого страшного преступления убийца?

В кармане платьица Лены лежали игрушечные часы. А к телу девочки прилепился маленький клочок какой-то газеты или журнала. Это было все, что удалось обнаружить из вещественных улик. Оперативные работники бережно приобщили их к делу. Как знать, может, эти-то игрушечные часы и кусочек газеты величиной с трехкопеечную монету и станут ключом к раскрытию преступления?..

Версий, соображений и предположений и у Чебышева, и у Светлякова, и у других членов группы рождалось много. Из них сразу же надо было отобрать самые близкие к истине, чтобы не потратить времени зря, чтобы не уйти ложными тропами в сторону, не дать преступнику возможности скрыться, замести следы. Но как определить, какая версия верна, какая ближе к истине, какая дальше? Тут нужны терпение, воля, настойчивость и умение. Они необходимы при раскрытии любого преступления. Но чтобы распутать убийство на Складской — эти качества понадобились вдвойне.

Немаловажные выводы позволили сделать изучение поведения Лены, обследование места, где обнаружили убитую, и материалы судебно-медицинской экспертизы. Коротко эти выводы сводились к следующему.

Преступление совершено днем, между десятью и двенадцатью часами. Но не там, где обнаружен труп, не в овраге, а где-то в другом месте, возможно, в квартире, так как части трупа тщательно обмыты. Вряд ли такое можно сделать в присутствии соседей по квартире или кого-то из домашних. Следовательно, преступник живет в квартире один, или в это время ни родственников, ни соседей не было дома. Наконец, преступник хорошо знает овраг, где спрятал жертву, потому что место для этого выбрано на редкость удачно.

Исходя из этих выводов и разработали план срочных оперативных мероприятий. Он был невелик по объему — всего три с половиной страницы. Но страницы эти вместили в себя огромную работу, которую предстояло сделать.

...Преступление могло совершить лицо, проживающее в данном микрорайоне. Поэтому следовало изучить весь контингент живущих в районе Складской и прилегающих улиц и переулков...

Преступление могло быть совершено лицом, работающим поблизости. Следовательно, не обойтись без того, чтобы не ознакомиться с составом работающих на предприятиях, стройках, в магазинах, палатках...

Преступление могло быть совершено лицом, имеющим отношение к гаражам частных машин, расположенным по Щучьему оврагу. Значит, необходимо поближе познакомиться с их владельцами...

Судя по оставшемуся на теле жертвы клочку бумаги, преступник, перенося свою жертву в овраг, воспользовался газетами или журнальными листами. Надо установить, что это за издание, от какого числа, где взято, кому принадлежит...

В кармане платья Лены Грачевой были обнаружены детские игрушечные часики. Чьи они, как попали к девочке?..

Подобных пунктов в плане было двадцать. И каждый требовал встреч с людьми, проверки многих обстоятельств, деталей, скрупулезного сопоставления фактов, слухов, предположений.

Один из первых и главных пунктов плана: преступник живет где-то неподалеку, то есть в районе Складской. Против этого предположения в оперативной группе никто не возражал, все были согласны: да, пожалуй!

Лена была девочкой живой, любознательной. Но предположить, что она ушла куда-то далеко, было трудно. Ведь буквально каждые четверть часа она наведывалась к тете. Значит, встреча с преступником произошла где-то здесь, в этом микрорайоне. Если допустить, что он куда-то увез девочку, то сразу же возникал другой вопрос: зачем тогда привез ее труп обратно? Он мог вывезти его куда угодно: за город, в лес. Да, преступника надо искать здесь, в этом районе.

И вот оперативные работники обходят дом за домом на Складской. Затем на Кривой, Задорожной, во всех соседних переулках и подъездах. И обойти надо все дома, все квартиры. Только так можно установить возможных очевидцев преступления, собрать хоть сколько-нибудь полезную информацию, которая может стать важной для следствия.

Но ведь личность и жилище советского гражданина неприкосновенны. Сколько нужно такта, умения, деликатности, чтобы никого не обидеть, не набросить и тени на честного человека.

Большинство наших людей нетерпимо относятся к тем, кто творит зло, попирает нормы нашего общества. О выродках же, вроде того, который совершил убийство Лены Грачевой, и говорить нечего. Каждый считал бы своим долгом помочь найти его. И сколько известно случаев, когда именно население помогало раскрывать самые сложные, самые запутанные и тягчайшие преступления.

Вот почему оперативные работники уголовного розыска смело шли в квартиры, вступали в разговоры с жителями, просили их о помощи.

И только в одной из квартир во 2-м Овражном переулке майор Чебышев натолкнулся было на недружелюбный прием. Его встретил пожилой розоволицый мужчина с редким седым бобриком волос, в цветастой просторной пижаме. Чебышев представился. Мужчина вскинул в неподдельном удивлении глаза и ледяным тоном спросил:

— Чем обязан?

— Хотелось бы поговорить с вами о случае на Складской.

— Подозреваете меня в убийстве?

— Нет, нет, что вы... Вы живете здесь давно, активист домового комитета. Может быть, сообщите нам что-либо полезное...

— А вы, гражданин майор, с Конституцией СССР знакомы?

— Конечно.

— Понимаете, что такое неприкосновенность жилья и свобода личности граждан?

— Думаю, что да.

— Тогда почему нарушаете?

— Что нарушаю?

— Конституцию.

— Ничего я не нарушаю, гражданин Грибик. И действую по закону. Но если вы ничего не можете или не хотите сказать — это ваше право. Прошу извинить...— Чебышев направился к двери.

— Нет, минуточку! Так дела не делаются. Пожалуйста, садитесь. Вы пришли поговорить со мной?

— Да. Но вы же не хотите этого.

— Кто вам сказал, что не хочу? Я просто заметил, что вы нарушаете мои права.

— Так вот, не хочу нарушать их дальше и прошу извинить...

— Нет уж, майор, так вам от меня не уйти. Вас, как было сказано ранее, интересует мое мнение в связи с этим диким случаем на Складской? Так я понял?

— Примерно.

— Тогда извольте слушать...— И щепетильный хозяин, так неприветливо встретивший Чебышева, высказал немало дельных соображений насчет установления личности и розыска преступника. Соображения были профессиональны, они во многом совпадали с наметками оперативной группы, и слушал их Чебышев не без интереса.

Говорил старик длинно, через каждые две-три фразы останавливался и уточнял:

— Вы уяснили мою мысль?

Чебышев был уже не рад столь продолжительной беседе, но и обижать строптивого старика не хотелось. Наконец майор все же поднялся. Прощаясь, хозяин объявил:

— Я старый юрист, дела ваши знаю до тонкости. Так что советы мои не игнорируйте. И заглядывайте. С удовольствием потолкую с вами.

— А как же Конституция? — спросил с улыбкой Чебышев.

— Здесь важно добровольное волеизъявление субъекта...

Везде, куда бы ни приходили работники опергруппы, люди пытались как-то помочь, расказывали все, что знали или слышали, делились своими соображениями, догадками.

Правда, чаще всего эти мысли и предложения основвывались не на фактах, а на слухах, предположениях, но готовность людей помочь следствию ободряла, внушала уверенность, что так или иначе, а след убийцы найдется. Не в шапке-невидимке же он действовал! Наверняка обнаружится что-то, за что можно будет ухватиться.

После беседы с персоналом поликлиники, что располагалась на соседней Овражной улице, Чебышев решил обратить особое внимание на одиноких мужчин, живущих в этом районе. Рекомендации медиков совпадали с одной из версий, выдвинутых на совещании в МУРе. Эта версия входила в план розыскных мероприятий, но не была первоочередной. Однако если уж медицинские работники настойчиво утверждали, что преступление совершено всего скорее сексуально больным человеком, этим контингентом следовало заинтересоваться безотлагательно.

Несколько мужчин своим поведением вызывали серьезные подозрения.

Среди них был и гражданин Л. — техник-протезист одной из городских поликлиник. Он вел далеко не праведный образ жизни, часто бывал во хмелю, усиленно завязывал знакомства с молоденькими девушками, водил их к себе. В день преступления на Складской не работал, брал отгул. На следующий день после убийства затеял срочный ремонт в квартире — оклеил стены, отциклевал пол. И все это делал сам, не вызывая мастеров.

Когда стало известно обо всем этом, один из работников опергруппы сказал:

— Дело, по-моему, ясное, как таблица умножения. Надо брать его, и все.

Чебышев и Светляков очень хорошо понимали, как много надо узнать, сколько собрать фактов, улик, чтобы вызвать человека и вот так сказать ему: «Ну-ка, расска-

зывай, почему убил и как убил...» Им было известно, что совпадение обстоятельств нередко бывает случайным, непроизвольным и порой играет с оперативниками довольно злые шутки. Потому-то так укоризненно-снисходительно и посмотрели руководители группы на молодого лейтенанта, столь быстро уверовавшего в виновность гражданина Л.

Но факты были достаточно значительны, чтобы от них отмахнуться. И поэтому лейтенанту же и поручили проверить одну небольшую, но существенную деталь — где был и что делал гражданин Л. в день убийства.

Оказалось, что Л. гостил в тот день в Наро-Фоминске у сестры. Это было установлено точно, подтверждено документально. Что же касается ремонта квартиры, то и это обстоятельство, столь значительное на первый взгляд, оказалось простым совпадением. Когда Л. спросили об этом, он ничуть не удивился:

— Выбрался свободный день, вот и решил подпудрить свое гнездо. Всегда это делаю сам, между прочим.

В конце концов, гражданин Л. был волен ремонтировать свою квартиру как хотел и когда хотел.

Следующая версия держалась также недолго, хотя и здесь были обстоятельства, поначалу дававшие как будто немалые основания для далеко идущих выводов.

Всю первую половину дня пятнадцатого июня в квартире гражданина Ч. слышался шум воды в ванной. Перед этим Ч. куда-то уезжал. А поздно вечером выходил из дому с большим свертком, вскоре вернулся и выглядел очень взволнованным.

— Ну просто лица не нем не было,— утверждала соседка, жившая на одной лестничной площадке с Ч.

А если учесть, что соседи охарактеризовали Ч. как человека замкнутого, необщительного — «ни с кем не знается, куда-то все ездит на своем «Москвиче»,— то можно понять, почему Чебышева привлекла именно эта версия.

В день трагедии на Складской Ч. был в отпуске, временем, значит, располагал свободно. Сторож гаража подтвердил:

— Да, пятнадцатого он куда-то уезжал.

Таким образом, основания для разговора с Ч., пусть для предварительного, разведывательного, были. И разго-

вор состоялся. На вопрос, где он был пятнадцатого числа, Ч. торопливо ответил:

— Весь день сидел дома, никуда не выходил.

— А машину свою никому не давали?

— Нет, не давал.

— Тогда как же объяснить, что ее в этот день не было в гараже?

Ч. разволновался, стал говорить сбивчиво, давал объяснения одно нелепее другого. Чебышев решил поставить перед ним прямые вопросы, связанные с делом.

— Что вы знаете об убийстве Лены Грачевой?

Ч. удивленно посмотрел на него и... облегченно вздохнул:

— Так вот вы о чем! А я-то думал... Об убийстве девочки знаю то, что знают все. Не меньше и не больше. И уверяю вас: к этому ужасному делу никакого отношения не имею.

— Возможно. Но объясните, где вы были пятнадцатого?

— А если это мое сугубо личное дело?

— К сожалению, вам придется ответить. Разумеется, не касаясь деталей, если они, так сказать, имеют интимный характер.

Ч. махнул рукой:

— Интимный, это верно, но не в этом смысле. В Тулу я ездил, в Тулу. И вот зачем. Как-то в прошлом году около автомобильного магазина познакомился с одним товарищем. Очень уж он страдал из-за своей «антилопы-гну». Обувь сносилась. Резина, значит. Ну, пообещал я ему достать. И достал. А там, в Туле-то, таких страдальцев оказалось немало. Так вот, отвозил им еще два ската...

— Спекулируем, значит?

— Ну зачем так формулировать? Товарищеская взаимопомощь.

— Взаимопомощь, говорите? Может, свое производство открыли?

— Да нет... достаем.

— Ну что ж, собирайтесь, поедем в Тулу. Познакомите нас со своей клиентурой.

— В Тулу так в Тулу. Конечно, там нашему визиту не обрадуются, но алиби мое подтвердят.

Тульские «клиенты» гражданина Ч. были немало обескуражены визитом работников МУРа. Но рассказали

все начистоту, подтвердив, что пятнадцатого он действительно доставил им резину.

Оставались еще кое-какие детали. Например, шум воды, доносившийся в тот день из его квартиры. Сверток, который он выносил... Эти вопросы Ч. встретил тоже спокойно:

— А это все Борька, племянник. Братец мне подбросил своего отпрыска на целые две недели. На время своей туристской поездки. Поверите, думал с ума с ним сойду...

Оказалось, у гражданина Ч. жил шестнадцатилетний племянник Борис, приехавший из Ленинграда. Он быстро обзавелся веселой компанией таких же оперивающихся юнцов и очень скоро убедил дядю, как много уже преуспел в деле освоения жизненных благ... От напитков, стоявших в холодильнике, через два дня осталась лишь пустая посуда. Чтобы уберечь оставшиеся запасы, Ч. после крупного разговора с родственничком перенес их в гараж.

Когда оперативные работники Ленинградского уголовного розыска пригласили Бориса к себе, они тут же убедились, что инженер Ч. ничего не скрыл и не случайно две недели показались ему за год.

Высокий сухопарый юнец с длинными патлами и прыщавым лицом, надушенный чем-то до терпкости, многословно рассказывал о своем пребывании в Москве:

— У дяди-то? Был, был. Имел удовольствие. Скваалыга. Представляете, холодильник и тот от меня на замке держал. Кое-какие запасы я в кладовке обнаружил. А вместо холодильника ванну приспособил. Жара в Москве в те дни стояла африканская. Но он, дядя-то, разнюхал мою хитрость и унес свой мобзапас в гараж. А там замок с пуд весом! Пожил я у него еще день или два — скучища, жарища — и подался домой.

Ни с чем вернулись в МУР и сотрудники, занимавшиеся проверкой версии, предполагавшей, что преступник работает на одном из предприятий, расположенных в районе Складской.

— Народ-то, понимаете, все такой, что не только упрекнуть, но и заподозрить в чем-либо трудно. Работающий народ,— объясняли работники опергруппы Светлякову и Чебышеву.

На плане оперативных мероприятий появился уже шестой или седьмой крестик, решительно зачеркиваю-

щий неоправдавшиеся пункты и неподтвердившиеся версии.

Конечно, жаль было пропавших даром усилий десятков людей. Но зато сузился круг поисков, в уравнении стало меньше неизвестных величин.

Начальник МУРа, когда ему доложили о безрезультатных, по существу, итогах первых дней поиска, наставлял подчиненных:

— Что в этом районе оказался какой-то гастролер — это маловероятно. Продолжайте изучать микрорайон. Всех, кто вызывает подозрение. Полностью откажемся от этого предположения, когда найдем убийцу. Думается мне, что вы недооценили вещественные улики, оставленные преступником. Выяснили, что это за обрывок газеты? И часы, часы... Надо во что бы то ни стало узнать, откуда они появились у девочки. Ведь мать и тетка утверждают, что часов у нее не было. Так? Следовательно...

— Да, но ей мог подарить кто-то из подружек.

— Мог. Но это тоже надо установить. А если подарила не подружка, а преступник? Чтобы заманить ребенка? И надо наконец отбросить различные гипотезы о месте преступления. Убийство совершено в этом микрорайоне и нигде больше. Убежден в этом. Элементарная логика...

— Далеко не каждый преступник знает законы логики,— осторожно заметил один из сотрудников.

— Да, но у каждого есть инстинкт самосохранения. Преступник — из района Складской. Иначе быть не могло. И эту будку, и колодец, и овраг надо знать, чтобы так спрятать жертву. А кто мог знать? Тот, кто живет здесь или работает. Действуйте энергичнее, живее. Нельзя допустить, чтобы дело это затянулось.

С начальником согласились. Не потому, что он был старше и по должности, и по званию, а потому, что он был прав. Действительно, нельзя было затягивать дело.

Некоторым даже казалось, что убийство на Складской надолго останется среди тех преступлений, что называются «висячкой», то есть среди нераскрытых. Их немного, но они есть. Конечно, дела эти не лежат без движения в сейфах. Над ними работают. Долгие месяцы, порой даже годы, до тех пор, пока поиски не увенчаются успехом.

Но затянувшийся розыск преступника — это все-таки

брак в работе, который переживают все, от рядового оперативника до комиссара милиции, до прокурора самого высокого ранга.

Версии «Жургаз» и «Часы» разрабатывались с самого начала розыска, но их отодвигали на задний план другие, как казалось, более реальные и обоснованные, обещавшие близкое окончание дела. Но вскоре именно эти версии стали главными.

...Чебышев и Светляков еще и еще раз читают объемистые тома розыскного дела. Вот протокол осмотра места, где обнаружена жертва, вот вещественные доказательства. Светляков открывает конверт, подшитый в одной из пухлых папок, осторожно достает из него крошечный бумажный клочок. На нем обрывки четырех строк: «лись... прос... произ... квалифи...».

Вслед за конвертом с этим клочком бумаги и игрушечными часами подшит рапорт: «Установить, из какой газеты или журнала данный обрывок, не удалось. Часы девочка, видимо, нашла, играя где-то во дворе. Принадлежность их кому-либо из проживающих в близлежащих домах детей не установлена».

— Придется этим обрывочком заняться по-настоящему,— задумчиво проговорил Чебышев.— Полковник правильно разнес нас за то, что мы невнимательно отнеслись к этой версии.

— И детскими часиками тоже,— добавил Светляков.

Итак, малюсенький клочок какой-то газетной или журнальной страницы...

Прежде всего, газета это или журнал? Какая газета и какой журнал? В Москве их издаются сотни. А в стране? Тысячи. Как узнать, откуда этот обрывок? По бумаге? Бумаги существуют десятки сортов. Шрифты? Но шрифтов, печати — тоже множество видов.

Светляков едет в Комитет по печати. Там долго, так и этак вертят в руках маленький клочок бумаги, потом пожимают плечами: «Ясно лишь одно: или газета, или один из еженедельников. Однако определить, какая или какой, не беремся...»

В крупнейших библиотеках повторяется та же история.

— Так что же, неужели нельзя ничего сделать? — сокрушенно спрашивал Чебышев.

— Если бы обрывок был чуть побольше...

— Да, наш клиент, к сожалению, не позаботился об этом. Что посоветуете?

— Попробуйте перелистать все московские газеты и еженедельники.

Чебышеву отводят стол в одном из читальных залов Ленинской библиотеки, и он день за днем приходит сюда. Страница за страницей просматривает подшивки газет, журналов, еженедельников за май и июнь.

Фотоснимок газетного обрывка послан во все московские редакции. Десятки журналистов отзывчиво отнеслись к просьбе МУРа. Они тоже роются в подшивках, гадают, что могут обозначать слоги: «...лись...прос... произ...квалифи...» И теребят МУР: «Нет ли другого обрывка, побольше, хотя бы с одной целой фразой?»

— Нет, к сожалению, нет.

И вдруг как-то утром в МУРе раздался телефонный звонок. В трубке послышался взволнованный голос работника Дома журналиста:

— Шерлокхолмсы! Слушайте сообщение чрезвычайной важности: «На ряде предприятий участились случаи производственного травматизма из-за слабого внимания руководителей к вопросам повышения производственной квалификации пришедших на производство молодых рабочих». И так далее. Это, дорогие товарищи, письмо с Южноуральского трубного завода. Опубликовано в «Известиях» за 14 июня. Третья страница, четвертая колонка справа. Поняли? Ну, будьте здоровы. Не забудьте упомянуть в своих выводах, что вы установили сей факт методом дедукции.

Чебышев помчался в библиотеку управления и вернулся с подшивкой «Известий». Да, вот оно, письмо с Южноуральского трубного. Майор аккуратно вытащил из конверта побуревший обрывок. Сравнил текст — все точно.

Итак, преступник пользовался газетой «Известия». Теперь предстояло установить, выписывал он ее или купил в киоске. Проверили — оказалось, что в районе Складской «Известия» в розницу не продаются. Почему была допущена такая дискриминация — неизвестно, но работников МУРа она обрадовала.

Значит, преступник был подписчиком, если, конечно, не раздобыл газету где-нибудь на стороне, прихватил у знакомых или купил в киоске в другом районе города.

Затем было установлено, что в домах, расположен-

ных в районе Складской улицы, «Известия» выписывают сто тридцать шесть семей. Вычеркнули из списка всех, кто не вызывал подозрений, и тех, кто уже проходил проверку по отработанным версиям. Осталось пятьдесят девять. И опять метод исключения. Кто был в это время в отпусках, в командировках? Осталось семнадцать человек.

Когда ребята из городского пионерского лагеря пошли по квартирам собирать старые газеты, их встречали охотно. Газет скапливается много, девать некуда, а тут в дело пойдут...

Прораб стройуправления № 7 Федор Петрович Лаврентьев тоже вынес ребятам изрядную кипу небрежно сложенных газет и даже одобрительно отозвался об их общественно полезной деятельности. «Известий» за 14 июня в его пачке не оказалось. Впрочем, отсутствовали газеты и за некоторые другие дни.

Лаврентьев жил в том же доме и подъезде, что и Грачевы, двумя этажами ниже. Работал на коллекторе, проходящем по Щучьему оврагу рядом со Складской улицей.

Окончил дорожно-строительный техникум, сменил несколько организаций. Очень замкнут, неразговорчив, ни с кем из жильцов дома, из сослуживцев не дружит.

Кто-то из соседей припомнил полузабытые разговоры о том, что до переезда на Складскую Лаврентьев судился.

Сведения проверили. Да, Лаврентьев судился за разбазаривание строительных материалов и получил год принудительных работ.

Ничего порочащего в его прошлом больше не было. За те несколько лет, что жил здесь, плохого за ним тоже никто не замечал. Семьянин хороший, с женой живет дружно, в сыне Сереже души не чает. Правда, последнее вызывало и некоторые упреки в адрес Лаврентьевых. Очень уж балуют парня. И одеть стараются как можно лучше, и раскормили чересчур. А если, не дай бог, чихнет — панику поднимают.

Светлякову подумалось, что, пожалуй, Лаврентьева тоже придется вычеркивать из списка лиц, требующих проверки.

Отказаться от этой мысли его заставила беседа в детском саду.

Воспитательница детсада охотно откликнулась на разговор:

— Лаврентьевы? Да, да. Конечно, знаю. Семья хорошая, и мальчик у них неплохой, только уж очень избалованный. С родителями я говорила об этом. И ребенка портят, и нам работу осложняют. Вот этой весной, незадолго до отъезда на дачу, привели его к нам с часами на руке. Мелочь, конечно. А сколько слез у ребят было. Игрушка-то яркая, броская, детишкам завидно.

— С часами? — Светляков насторожился.— Расскажите об этом подробнее.

— Да тут, собственно, нечего рассказывать. Детские металлические часики. Игрушка как игрушка.

Когда Светляков показал часы, обнаруженные в кармане Лены Грачевой, воспитательница воскликнула:

— Вот, вот, точно такие же! И на такой же белой резиночке. Ремешок-то, видимо, грубоват был, мать и приспособила ее.— Поглядев еще раз на часы, она заключила: — Очень похожие. Только и разница, что у этих стекла нет.

Это маленькое уточнение насчет стекла вновь снизило интерес лейтенанта к Лаврентьевым. Выходит, не те часики-то. « Да и что удивительного,— думал Светляков.— Такую игрушку мог купить для своего ребенка кто угодно. Правда, вот резинка... Но опять же, если мать Сережи могла приспособить резинку к часикам, то почему не могла это сделать мама какой-нибудь Тани или Нади?»

Вечером Светляков поделился своими сомнениями с Чебышевым. Тот вдруг ни с того ни с сего вспылил:

— Что ты все сомневаешься да ребусы разгадываешь? Нам надо дело заканчивать, а не загадками заниматься. Есть у тебя внутренняя убежденность, что Лаврентьев мог пойти на такое дело? Если есть — вызывай. А детали, вроде стеклышка да резинки, всегда будут. Детали хороши, когда преступник уличен и перед тобой сидит. А когда не знаешь, кто он и где, почему и зачем совершил преступление, детали только уводят от главного.

Светляков нахмурился:

— Не согласен с вами, товарищ майор.

— Почему?

— Иногда деталь всю цепь событий как прожектором осветит. У меня, когда я в отделении работал, такой случай был.

Один хлыщ часы у гражданина снял. Задержали мы его через день или два. Потерпевший, как увидел свой хронометр на чужой руке, тут же заявил:

«Мои часы, да и только. Хотя они у этого бандюги на браслете сейчас, а у меня на ремне были, но часы мои».

Тот спокойно отвечает:

«Если они вас интересуют, могу презентовать. Я не жадный. Но замечу, между прочим, что таких «Вымпелов» сотни тысяч выпущено».

«И все-таки это часы мои».

Я его спрашиваю:

«Почему вы так уверены?»

«Да очень просто. Я у них втулки для штифтов расточил. Для своего ремешка приспосабливал. И посмотрите: браслет-то, что вставил этот тип, в отверстиях еле-еле держится».

Посмотрели — действительно так. И экспертиза подтвердила: отверстия для штифтов расточены. Пришлось тому признаться. Деталь? А именно она все решила.

— Не вижу связи с нашим делом,— неохотно отозвался Чебышев.

— Прямой-то связи, конечно, нет, но я в ответ на ваше замечание насчет деталей.

— Я не против деталей, я только против того, чтобы их фетишизировать, молиться на них. Надо искать преступника, а не охать над каждой мелочью вроде стеклышка от детских часов.

Светляков мечтательно проговорил:

— Эх, если бы найти это самое стеклышко, да найти у Лаврентьевых. Вот тогда бы...

— Ну ладно, спорить будем потом. А сейчас вызывайте Лаврентьева.

Лаврентьев в МУРе держался спокойно, на вопросы отвечал лаконично, монотонно.

Когда разговор подошел к трагическому случаю на Складской, скорбным голосом проговорил:

— Детскую невинную душу загубить! Нет греха больше.

Чебышев спросил:

— Вы что — верующий?

— Да, верую. У нас ведь это не возбраняется?

— Да, да, конечно. Дело совести каждого.

— Вот именно.

— Что вы делали пятнадцатого июня?

— Пятнадцатого? Пожалуйста, расскажу. Ушел из

дому в семь тридцать. Целый день был на работе. В семнадцать уехал на дачу.

— Что-то не вяжется, Федор Петрович. Пятнадцатого вы ушли с работы в половине двенадцатого, сославшись на головную боль.

— Это было четырнадцатого.

— Нет, пятнадцатого. Абсолютно точно.

— Да? Ну, может быть. Всего не упомнишь.

— Постарайтесь вспомнить точнее: что делали пятнадцатого, после того как ушли с работы?

— Точнее? Тогда дайте подумать. Так, так... Пятнадцатого... Это среда была? Да, да. Среда, Вспомнил. Я себя неважно чувствовал в тот день. Ушел с работы, полежал немного дома и уехал на дачу.

— В котором часу?

— Ну, не помню точно. В конце дня.

— На дачу вы ездите ежедневно?

— Почти. Если не задерживаюсь на работе.

— Так когда же вы поехали на дачу в тот день?

— Ну, видимо, часа в три или около того.

— Опять не то, гражданин Лаврентьев. Пятнадцатого вы уехали на дачу около одиннадцати вечера. Терехов и Малявин — сослуживцы ваши — в вокзальном буфете вас пивом еще угощали.

Лаврентьев вскинул вдруг загоревшиеся злым огнем глаза:

— Выходит, кто-то следит за мной? Разрешите узнать, по какому праву? Кому какое дело, когда я уехал в Лесное? У меня, как у каждого гражданина, имеются свои личные дела. Вы, знаете ли, переступаете границы.

— Погодите, Федор Петрович, не спешите. Речь идет об очень серьезных вещах. Мы, как вам известно, выясняем обстоятельства, связанные с убийством Лены Грачевой.

— Так я что — в числе подозреваемых? В таком кошмарном деле? — Лаврентьев несколько раз лихорадочно перекрестился.— Спаси и помилуй, всевышний.— И, несколько помедлив, продолжал: — Раз такие серьезные обстоятельства, я вам расскажу все как на духу. Пожалуйста.

Пятнадцатого я действительно... задержался. Бывает, знаете ли... Дело это сугубо личное. Встретил, понимаете, одну знакомую, проездом в Москве была... Старая, давнишняя приятельница. Ну, погуляли по городу, в Нескуч-

ном посидели. В ресторан зашли. Потом проводил ее к поезду. Вот, собственно, и все. Только прошу сохранить это между нами, не хочу, чтобы дома начались сцены.

Потом разговор зашел о даче, о делах строительного треста, где работал Лаврентьев, о многих других, как будто посторонних для дела вещах. Чебышев и Светляков не хотели спешить. Им надо было разобраться, понять этого человека. Установить, когда он говорит правду, когда — ложь. И уяснить, почему ведет себя так. То ли потому, что натура такая, то ли у него на то есть серьезные основания.

Не спешил и Лаврентьев. Он весь сосредоточился, сжался, как пружина.

Внешне ничто не выдавало его волнения или страха. Руки спокойно лежали на коленях, голос был ровен. Он сидел, откинувшись в кресле, и подробно рассказывал обо всем, что интересовало оперативных работников. Сам задавал вопросы. Высказал свое мнение и о трагедии на Складской:

— Страшное деяние какого-то человека, не владеющего собой. Бог лишил его разума.

— По-вашему выходит так, что и невиновен этот злодей?

— Почему невиновен? Виновен, конечно. И свое должен понести. Но я думаю, человек этот не в своем уме. Разве может пойти на такое дело нормальное человеческое существо?

— Однако спрятать концы преступления он сумел, да так, что иной здравомыслящий не додумается...

— Может, тут-то его сознание и озарилось. Воля всевышнего...

— Нет бы всевышнему озарить его, чтобы с повинной пришел. А еще лучше — до преступления...

Во время беседы Светляков как бы невзначай открыл ящик стола и выложил часы, найденные в кармане Лениного платья.

Лицо Лаврентьева дрогнуло. Он почувствовал, что в этом кусочке металла кроется что-то страшное, роковое для него.

Но испуг длился недолго. Через несколько секунд он уже овладел собой и вновь заговорил спокойно, без какой-либо видимой тревоги.

Светляков, показывая на часы, спросил:

— Не узнаете?

— Н-нет. А почему я должен их узнать?

— Есть предположение, что это часы вашего сына.

— Сережины? Не может этого быть.

— А вы посмотрите внимательнее.

— И глядеть не хочу.

Чебышев в упор взглянул на Лаврентьева:

— Вы что — боитесь?

Лаврентьев понял, что допустил промах, и с обиженным видом возразил:

— Ну что за ерунда. Раз вы меня так поняли — пожалуйста, могу посмотреть.

Осторожно, кончиками пальцев, взял часы, долго оглядывал их и так же осторожно положил обратно на стол.

— Похожи. Но если эти часы наши, то как они попали к вам? Вы что, у меня дома шарили?

И, вскочив со стула, истерично закричал:

— Что это значит, в конце концов?

Чебышев переждал эту вспышку. Медленно ответил:

— Эта игрушка была обнаружена в кармане платья убитой. Как, по-вашему, она попала к девочке?

— Понятия не имею.

— Может быть, ваш сын потерял часы? Может, подарил их кому-нибудь из ребят? — высказал предположение Светляков.

— Постойте... Как это я забыл?.. Верно, сын искал часы, я еще слышал, как мать его ругала. Возможно, девочка их нашла... Могло быть такое? Вполне могло, — как бы сам себе ответил Лаврентьев.

— Припомните, пожалуйста, когда это было?

— Что?

— Когда вы слышали этот разговор жены с сыном?

— Ну, точно не помню, вроде где-то в апреле.

— Опять что-то не так, Федор Петрович. Сына вашего с этими часами видели в детском саду накануне вашего переезда на дачу.

— Значит, это не сына часы. Какие-то другие. Да и не мудрено. Штампованная жестянка...

— Да, но резинка...

— Что — резинка?

— Видите, резинка вместо ремешка. Именно на резинке носил часы ваш сын.

Лаврентьев ничего не ответил, опять долго смотрел на кружочек металла и наконец поднял голову. Глаза его

посветлели, губы тронуло что-то похожее на усмешку.

— И все-таки вам придется от своих так ловко подобранных улик отказаться. Это часы не наши. У сына были со стеклом, а эти? Видите?

Да, часы, лежавшие на столе, были без стекла. Светляков давно бился над этой загадкой. Но сейчас ни его, ни Чебышева это уже не смущало. Разговор с Лаврентьевым их насторожил. Кажется, они напали на верный след. Лаврентьев, по всей вероятности, и есть тот, кого они так долго и упорно ищут. Но как доказать его виновность? Уверенность, логическая связь фактов и обстоятельств — все это значительно и важно. Но всего этого мало для того, чтобы сказать человеку: ты — убийца! И тем более этого мало для суда. Если Лаврентьев даже признается в своей виновности, но его признание не будет подтверждено неопровержимыми вещественными доказательствами — орудиями убийства, заключениями экспертов,— значит, дело не закончено, вина подследственного не доказана. Таковы законы. Они требуют главного — доказательства вины и гарантии, что не пострадает невиновный.

Чебышев встал из-за стола, подвинул Лаврентьеву протокол допроса:

— Прочитайте и распишитесь, если не имеете возражений.

Лаврентьев возражений не имел, но поправки вносил почти по каждому абзацу. Светляков терпеливо выслушивал, уточнял, поправлял, хотя ни одна из этих поправок не меняла существа. Допрос касался пока обстоятельств хотя и важных, но не решающих: причины раннего ухода Лаврентьева с работы пятнадцатого июня; времени его поездки на дачу; принадлежности игрушечных часов...

Все это были детали. Прямые вопросы, связанные с трагедией на Складской, поставлены не были. И Лаврентьев, когда ему объявили, что временно задерживают его, возмутился:

— Почему?! На каком основании?

Он тут же потребовал бумагу, чтобы написать заявление с жалобой на «произвол» работников МУРа, грозил дойти до министра и генерального прокурора.

Светляков и Чебышев терпеливо выслушали его. Да, у них не было ордера на арест Лаврентьева, не было и согласия руководства на задержание. Но отпускать Лав-

рентьева нельзя. Это было ясно для обоих. Значит, надо срочно, сегодня же доказать прокуратуре правомерность их действий по отношению к Лаврентьеву.

Когда Лаврентьева увели, Светляков и Чебышев долго сидели молча, размышляя об одном и том же — как вести дело дальше? Предположение, что убийца — Лаврентьев, было почти твердым, но как это доказать?..

— Надо искать злополучный номер «Известий» и добывать доказательства, что детские часы принадлежат Лаврентьевым. Тогда все встанет на свое место,— заключил наконец Чебышев.

Светляков усмехнулся:

— Некоторые к этой мысли пришли уже давно.

Чебышев пропустил мимо ушей колкость товарища.

— Как думаешь, куда он мог деть газету? Ведь на месте обнаружения погибшей, кроме этого клочка, ничего не нашли. Мы же обшарили каждый закоулок, каждую ямку в овраге, каждый двор и сарай.

— Он мог газету просто сжечь,— предположил Светляков.

— Мог, только вряд ли. Где он это сделал? В каком-то закоулке? Все равно это не укрылось бы от людских глаз. Костров в этот день, как мы знаем, в районе Складской замечено не было. Дома, на плите? Чувства брезгливости у таких типов, как правило, нет, но все же... Думаю, от этих газет он, по всей вероятности, постарался отделаться другим путем. Выбросил в какой-нибудь мусорный ящик, в урну, мог просто «обронить» по пути.

Специальная группа комсомольцев-дружинников во главе с Чебышевым вновь обследовала сараи, гаражи, притулившиеся на склонах оврага, огороды, беседовала с дворниками. Выяснили, какие бригады треста Мосочистки обслуживали в середине июня район Складской и территорию всех близлежащих жилищных контор. Было установлено, что вывозился мусор на Востряковскую свалку.

Чебышев с дружинниками отправился туда. Ребята — в спецовках, у каждого противогаз. Так потребовал Чебышев. Когда кто-то возразил, он мягко объяснил:

— Ребята, не на обычный субботник едем, в грязи, в свалке копаться... Кто не может или не хочет — скажите, неволить не стану, могу только просить.

Руководитель группы — студент автодорожного института Саша Коновалов оскорбился за всех:

— Зря вы так, товарищ Чебышев. Просто это снаряжение мы считаем лишним. Но раз настаиваете...

Четыре дня подряд выезжали дружинники в Востряково, перевернули вверх дном огромный отвал городских отходов, но ничего не нашли.

На пятый день, к вечеру, Чебышев, утирая со лба пот, проговорил удрученно:

— Кажется, наши археологические раскопки придется прекратить.

Коновалов, однако, не согласился:

— Придем завтра, послезавтра. Перероем все заново.

Но вновь ехать не пришлось. Через час Чебышева позвал нетерпеливый голос одного из дружинников:

— Товарищ майор, идите скорее сюда!

Парень держал на вилах туго свернутый ком старых газет. Чебышев торопливо опустился на колени и, сняв его с вил, стал осторожно развертывать. Все собрались около и молча наблюдали. Наконец Чебышев поднял голову:

— Ребята, о большей удаче я и не мечтал!

Он бережно расправил на колене мятый, весь в грязи, с бурыми пятнами широкий газетный лист. Это были «Известия» за 14 июня. Показав на небольшое отверстие в листе, майор еще раз повторил:

— Да, большей удачи не могло быть.— Он аккуратно ребром ладони смахнул грязь с верхней кромки листа. Там проступила еле заметная, торопливо чиркнутая карандашом цифра 86.

Это был номер квартиры Лаврентьева.

— Ну, спасибо вам, друзья, огромное спасибо! Помогли вы нам так, что не знаю, как и благодарить. Сегодня же буду бить челом начальству. А сейчас,— Чебышев сверкнул глазами,— сейчас сделаем вот что... Махнем все в бассейн. Смоем с себя пыль и грязь. Потом ужинать, ужинать ко мне. Уничтожим все, что есть у хозяйки в запасе.

В эти же дни Светляков распутывал историю с детскими часами.

На нее могла пролить свет жена Лаврентьева. Но как она отнесется к визиту Светлякова, захочет ли правдиво рассказать все? Да и сможет ли это сделать? Ведь игру-

шечные часы не такая уж значительная вещь, чтобы обязательно помнить, где они и что с ними произошло...

Светляков приехал в Лесное на следующий день после предварительного допроса Лаврентьева. Его встретила хозяйка — женщина небольшого роста, лет сорока, с черными, гладко зачесанными волосами — Татьяна Григорьевна Лаврентьева. Она удивленно поздоровалась и, видимо приняв Светлякова за кого-то из сослуживцев мужа, спросила:

— Вы, наверно, к Федору Петровичу? Он приезжает поздно и не каждый день. Но сегодня обещал быть.

Когда Светляков показал удостоверение, женщина испуганно спросила:

— Что случилось? Скажите скорее, что произошло? Где муж, что с ним?

— Успокойтесь, Татьяна Григорьевна, муж ваш жив и здоров. Но нам необходимо поговорить с вами, выяснить кое-какие детали одного важного дела. Потому-то я и вынужден вас побеспокоить...

Пошли на террасу. Светляков достал из портфеля плотный конверт, вынул детские часы, положил на покрытый скатертью стол:

— Татьяна Григорьевна, посмотрите внимательнее, не Сережины ли это часы?

Женщина взяла в руки игрушку, осмотрела, потрогала белую резинку и положила обратно на стол.

— Что скажете, Татьяна Григорьевна?

— Были у сына такие часики, отец ему купил. Но что-то давно я их не видела. То ли он потерял их, то ли дома оставил, когда на дачу переезжали. Сейчас мы у него спросим.

На ее зов откуда-то из-за кустов появился толстый розовощекий паренек лет шести-семи.

Мать спросила:

— Сережа, а где твои часики, которые папа купил?

— А я их в ящик с игрушками положил,— ответил мальчик.— У них стеклышко выпрыгнуло.— Увидев лежащие на столе часы, он схватил их: — Вот они! Папка их починил? Да?

Мать сурово остановила его:

— Нет, нет. Это часики не твои. Положи их и иди гуляй.

Мальчишка посмотрел на мать, но часы крепко держал в руке.

— Мои они, мои! — пустился он в рев.

Мать силой увела его от стола и вернулась с часами. Светляков спросил:

— У меня к вам еще одна небольшая просьба, Татьяна Григорьевна. Посмотрите внимательно на резинку. Это вы сшивали ее?

Женщина вновь взяла часы.

— Может, я, а может, и нет. Многие женщины шьют внахлест. Но зачем вам все это? Почему вы меня выспрашиваете?

— Понимаете, Татьяна Григорьевна, всего я вам сказать пока не могу. Мы выясняем обстоятельства одного серьезного дела. В нем, возможно, замешан ваш муж. Вы не пугайтесь. Пока это только предположение. И важно, очень важно выяснить все детали. Чтобы не было ошибки...

Женщина вдруг каким-то внутренним чутьем поняла, что над ее семьей собирается беда.

— Что вы такое говорите? В чем может быть замешан Федор Петрович? Не может этого быть. Слышите, не может!

Когда Светляков уходил, его провожали недоумевающие глаза Татьяны Григорьевны и ее сына.

Светляков понимал, какое страшное горе вскоре падет на голову и этой женщины, и этого беззаботного, избалованного паренька. Но что можно было сделать?..

Остановившись у калитки, Светляков сказал женщине:

— Татьяна Григорьевна, извините за вторжение. И вот что. Если в ближайшие день-два Федор Петрович не приедет, знайте, он у нас, на Петровке, 38. Вот вам телефон...

— Теперь нужен обыск в квартире Лаврентьева, и обыск тщательнейший,— подытожил Светляков свой доклад Чебышеву о результатах поездки в Лесное.— Хотя газета, которую вы откопали в Вострякове,— доказательство, как говорится, железное, но и оно не без изъяна. Лаврентьев скажет: выбросил, мол, газету, а ее кто-то, может, этот самый преступник, подобрал — вот и все.

— Да, но на газете его визитка — оттиск обеих лап. Правда, и еще чьи-то следы есть. Видимо, почтальона.

— Вот эти чьи-то следы все и испортят. Нет, надо искать и найти стекло от часов.

Обыск в квартире Лаврентьевых шел долго. Коробок с игрушками было несколько. В одной лежали плюшевые медвежата, собаки, верблюды, заводные автомашины самых разных марок, в другой — дюжина игрушечных пистолетов, в третьей — детали замысловатых детских «конструкторов», гайки, винты.

Стекла от часов ни в одной из коробок не было.

— Кажется, придется уходить ни с чем,— сказал член домового комитета, присутствовавший при обыске в качестве понятого.

— Нет, не может быть,— уверенно отвечал Светляков. И снова стал осматривать угол за углом, коробку за коробкой.

Лаврентьев сидел на стуле и зорко следил за всем, что происходило в комнате. Татьяна Григорьевна, после бурной истерики обессилевшая, убитая свалившимся несчастьем, в который уже раз спрашивала мужа:

— Неужели это правда?

— Ничего за мной нет, Татьяна, совсем ничего. Это навет, оклеветали меня.

— Что же теперь будет, что?

— Все в руках божьих. Молись за меня, молись.

А Светляков продолжал осмотр квартиры. Тщательно, не спеша. Но все было тщетно. Наконец он обратился к хозяевам:

— Скажите, все игрушки здесь? Нет ли еще где-нибудь?

— Нет, больше нет,— уверенно ответил Лаврентьев.

— Припомните. Должны быть.

— Тогда ищите. Чего же спрашивать?

— Что ж, будем искать.

Вмешалась Татьяна Григорьевна:

— На днях я прибирала здесь, одну коробку, кажется, в верхнюю кладовку сунула.

Лаврентьев зверем глянул на жену. Она потерянно объяснила:

— Не преступники мы, чего же бояться?

В верхнем шкафу над дверью в кухню нашлась еще одна небольшая картонная коробка.

Светляков открыл ее и, волнуясь, стал перебирать игрушки. Опять медвежата, зайцы, юла, детали от конструктора...

И вот на самом дне что-то блеснуло, будто тусклый кусок слюды...

— Кажется, то, что мы ищем,— сказал Светляков, осторожно доставая круглое запыленное стекло от детских часов.— Видите, гражданин Лаврентьев?

Лаврентьев вскинул голову, посмотрел на стекло, лежавшее на ладони Светлякова.

— Ну, вижу. И что с того? Стекло? Значит, там и часы должны быть.

Он встал, с ненавистью глянул на Светлякова, на понятых и сам ринулся к коробке с игрушками. Лихорадочно порылся в ней, затем нетерпеливо высыпал все содержимое на пол, перетряс каждую игрушку.

Светляков посоветовал:

— Лучше пересмотреть все спокойно, не торопясь.

— Куда они могли деться? — с недоумением спрашивал Лаврентьев.

Светляков ответил:

— Дело ясное, Лаврентьев. Именно ваши часы были обнаружены в кармане Лены Грачевой.

Лаврентьев процедил, ни к кому не обращаясь:

— Как же они туда попали?

— Вот это пока неизвестно.

— Ну, теперь, кажется, все. Можем заканчивать? — обратился участковый уполномоченный к Светлякову.

— Нет, будем смотреть еще.

— А что искать?

— Орудие убийства.

И они нашли его. Навел на подозрение пустяк. Цокольная планка под книжными полками, стоявшими в столовой, чуть-чуть, на миллиметр — полтора, была сдвинута с прямой линии. Почему? По указанию Светлякова стали снимать полки...

Лаврентьев, неподвижно сидевший на стуле, вскочил, лицо его побледнело, покрылось испариной.

— Зачем?! Не допущу! Не имеете права имущество рушить!

— Рушить ничего не будем. Все поставим, как было. Прошу вас сидеть на месте и не шуметь,— приказал Светляков и скомандовал помощникам: — Снимайте полки!

Вот снята первая, вторая, третья... И наконец, последняя. В пространстве между ее дном и паркетом, обернутый в коричневую бумагу, лежал большой хлебный нож-пила. Чистый, блестящий, без единого пятнышка.

Светляков подошел к Лаврентьеву:

— Узнаете?

— Ну, наш кухонный нож.
— Как же он попал в такое неподходящее место?
Лаврентьев хрипло выдавил:
— Обрадовались? Чужой беде обрадовались? Бог вам не простит этого.
— Не знаю, как мне, а уж вам-то не простит наверняка.
К концу обыска обнаружилась еще одна деталь. В шпульном ящике швейной машинки лежал небольшой моток узкой резинки. Светляков внимательно осмотрел его:
— Резинка на часах отрезана от этого мотка. Так что включайте в опись.

И вот Лаврентьев опять в кабинете Чебышева. Предстоит допрос. Официальный, с предъявлением обвинения.
Следователь прокуратуры чуть напряженным, звенящим голосом говорит:
— Гражданин Лаврентьев, вы обвиняетесь в убийстве Лены Грачевой. Расскажите следствию обстоятельства дела. Начнем с первого вопроса. Признаете ли вы себя виновным в совершенном преступлении?
— Нет, конечно, нет!— торопливо вскрикнул Лаврентьев.— У вас нет никаких оснований... Я категорически отрицаю! Это все вымысел, клевета!..
— Подождите, Лаврентьев, не спешите. Сначала выслушайте. Установлено, что игрушечные часы, обнаруженные в кармане платья убитой, принадлежали вашему сыну. По специфике краев стекла и паза по окружности верхней крышки техническая экспертиза установила, что стекло, изъятое в вашей квартире при обыске, выпало именно из этих часов. Кроме того, экспертизой установлено, что резинка, пришитая к этим часам, отрезана от мотка, обнаруженного в вашей квартире. Экспертизой же установлено, что резинка на часах сшита вашей женой, присущим ей наметным швом. То есть имеются бесспорные доказательства, что часы, обнаруженные в кармане платья убитой, принадлежали вашей семье...
Далее. Труп девочки сначала был завернут в газеты, в том числе в газету «Известия» за четырнадцатое июня. Об этом свидетельствуют остатки крови на газете и клочок, оторвавшийся от газетного листка и оставшийся на

трупе. Этот клочок газеты и отверстие на газетном листе, образовавшееся после его отрыва, совершенно идентичны. Отпечатки ваших пальцев на газете и номер вашей квартиры на верхней кромке первой страницы свидетельствуют, что газета принадлежит вам.

Но и это не все, Лаврентьев. Как вам известно, в квартире под книжными полками обнаружен хлебный нож-пила. Трассологической экспертизой установлено, что расчленение трупа девочки было произведено именно этим ножом.

Итак, гражданин Лаврентьев, вам предлагается подробно и честно рассказать, как, при каких обстоятельствах вы совершили убийство...

Сначала Лаврентьев впал в какой-то транс, сидел, уставившись неподвижным взглядом в пространство. Потом долго молился, прося у бога прощения.

Но уже утром следующего дня сам потребовал, чтобы его вызвали на допрос. Монотонно, скрипуче, со скорбной маской на лице начал рассказывать:

— Пятнадцатого, как вам известно, я рано ушел с работы. Болела голова. На лестничной площадке увидел какую-то девочку. Открыл дверь и позвал ее. Показал ей коробку с игрушками. Повозившись с ними, девочка вышла в переднюю. Затащил ее в ванну... Потом... когда она скончалась... от асфиксии, расчленил труп, завернул в газеты и вынес в овраг...

От его страшного повествования, с деталями и подробностями, от спокойного, размеренного голоса знобило даже видавших виды работников прокуратуры и МУРа.

Свои показания на допросах Лаврентьев подписал собственноручно, не оспаривал ни одного пункта, ни одного доказательства, ни одного заключения экспертизы. Все было настолько ясно, что, как заявил он сам, ему осталось только молиться всевышнему. «Может, хотя бы на том свете он простит мне великий грех».

И каково же было удивление судей, государственного обвинителя, свидетелей, представителей общественности, когда на судебном заседании «раскаявшийся грешник» категорически отказался от своих показаний, не признавал очевидных и неоспоримых улик, вопреки фактам и здравому смыслу оспаривал все.

К признанию его, оказывается, вынудили оперативные работники, к вещественным доказательствам он

отношения не имеет, заключения экспертов — предвзятые и необоснованные...

Наконец, выкинул последний «козырь» — стал заговариваться, молоть чепуху, симулировать психическую неполноценность. И хотя всем было ясно, что это лишь примитивная уловка, чтобы затянуть процесс и любым путем уйти от возмездия, суд отложил дело и передал его на новое расследование.

И опять самые квалифицированные следователи взвешивают и проверяют все до мельчайших деталей, терпеливо выслушивают обвиняемого, свидетелей, виднейших специалистов-психиатров, исследовавших подсудимого, изучают улики, вещественные доказательства. Не один, а несколько научно-исследовательских институтов производят тщательнейшие повторные экспертизы.

И опять в полном объеме подтверждена и доказана вина Лаврентьева.

Суд выносит приговор: расстрел.

Он уходит из зала, втянув голову в плечи, стараясь спрятаться за конвоиров, боясь встретиться со взглядами людей, заполнивших зал,— взглядами, полными гнева и презрения.

БУРАН С ПЕТРОВКИ

По сложившейся традиции по субботам, если в городе было спокойно, в комнате оперативных совещаний МУРа вечером собирался свободный от дежурства инспекторский состав. Приходили сюда и старые, опытные криминалисты, проработавшие на Петровке не один десяток лет, и молодые, лишь недавно пришедшие в угрозыск то ли со студенческой скамьи, то ли от станков московских заводов и фабрик. Ветераны вспоминали свою молодость, нелегкую работу в МУРе, молодые находили здесь хорошую школу опыта. Они с интересом слушали рассказы Сергея Дедковского, Анатолия Волкова, Фридриха Светлова, Василия Пушкина, Владимира Арапова и многих других. Бывало, сюда заглядывали и те, кто работал в МУРе еще в первые годы Советской власти,— Георгий Федорович Тыльнер и Алексей Иванович Ефимов. Их встречали с особым почтением, старались не пропустить ни слова из их воспоминаний. В их рассказах речь шла о ликвидации воровских бандитских притонов, шаек и банд, оставшихся еще от старой, дореволюционной Москвы.

В один из таких субботних вечеров зашла речь о собаках. Поводом послужил разноголосый собачий хор, послышавшийся из вольеров, расположенных во дворе Управления внутренних дел.

Низенький, коренастый капитан Плужин, начальник отделения розыскных собак МУРа, был известен всем как самый заядлый «собачник», яростный защитник своих питомцев. И сейчас, когда была затронута постоянно волнующая его тема, он не смог удержаться.

— Есть у нас скептики, которые считают, что собака — это архаизм в розыскном деле, так сказать, средство отжившее. Но они, безусловно, не правы. Наши собачки необычные, особенные. Половина отмечена медалями на Всесоюзной выставке служебного собаководства. А Рекс и Вьюга четырежды получали золото.

— Псы у тебя хорошие, спору нет,— вступил в разговор майор Стеклов.— И медалей нахватали они вдоволь. Но речь ведь идет не об этом. При современных условиях на собачий нюх надежда действительно плохая. Ну, сам посуди. Обчистил вор квартиру, сел в такси и уехал. И все. След грабителя кончился у тротуара или на стоянке такси. Кончились и возможности твоих Рексов и Вьюг.

Стеклова поддержал еще кто-то:

— Или химикатами какими-нибудь бандюга свои следы обработает. А их, химикатов разных, теперь наделано столько, что специалисты и то не все в них разбираются, не только собаки. Нет, время твоих четвероногих кончилось.

Плужин разволновался, вскочил с дивана и, отчаянно жестикулируя своими короткими мускулистыми руками, торопясь и волнуясь, произнес целую речь.

— Вот видите, я же говорю, что у нас немало товарищей, которые скептически относятся к этому тысячи раз проверенному способу сыска. И не всегда используют его. А я утверждаю, что собачки в этом деле не устарели, не изжили себя и не изживут, пока мы полностью не искореним преступность. За примерами я далеко ходить не буду. Напомню лишь то, что было совсем недавно. Вы помните, сколько хлопот нам доставило дело с кражей уникальной аппаратуры в Сельхозинституте? А кто разыскал преступника и аппаратуру? Рекс. Наш Рекс. Несмотря на то что к приезду оперативной группы в лаборатории побывали десятки студентов, преподавателей, работников института и все следы были, естественно, затоптаны, Рекс довольно быстро разобрался в обстановке. Полтора километра он шел по следу и привел-таки к спрятанной в лесу аппаратуре. А потом в общежитии института из семидесяти человек безошибочно нашел того, кто эту аппаратуру похитил. Взял его легкой хваткой — и баста. Не дал шелохнуться парню. Интересно, сколько бы мы возились с этим делом, если бы не Рекс? А вы говорите — устарелый способ, изжившие себя формы сыска. Не согласен я, категорически не согласен.

Так как капитану пока никто не возражал, он продолжал:

— Вообще, собаки, я вам скажу,— это умнейшие существа. Просто даже удивительно, до чего умные. Недавно

сержант нашего отделения Лапшин грубо обошелся с Лохматым. Это молодой пес, только еще обучается сыску. Ну и что-то окрысился он на Лапшина. Тот ударил его арапником. Да, видимо, больно. Лохматый заскулил, забился в угол. Отказался от еды. И что вы думаете? Прибегает Лапшин ко мне через час или два, докладывает:

«Собаки не хотят есть».

«Почему,— говорю,— не хотят? Может, меню плохое?»

«Да нет,— говорит,— суп вполне подходящий, мясо свежее».

Пошел к вольерам. Действительно, ни одна собака не притронулась к еде. Сидят, положив морды на передние лапы, и все смотрят на Лохматого. И то один пес, то другой встанет, полает, поурчит легонько в его сторону и опять ложится, опять морду положит на лапы. Когда Лапшин рассказал о своей стычке с Лохматым, я понял, в чем дело. Население вольеров выражало сочувствие своему собрату и, видимо, на своем собачьем языке обсуждало, как быть. Полагаю, что разговор шел в таком плане:

«Сержант, конечно, не прав, что тебя ударил. Но и ты хорош. Зачем было на него рычать? Человек — наш хозяин, мы ему служим, он нас кормит, его надо уважать, слушаться».

Многие из присутствовавших в красном уголке рассмеялись. Кто-то из молодежи с ехидцей заметил:

— А кто же тебе переводил это совещание: Рекс, Тарзан или Вьюга? Может, скажешь, чем кончилась эта ассамблея?

Плужин, однако, не обиделся:

— А кончилось вот чем. Пришлось мне зайти к Лохматому, приласкать его, погладить, уговорить поесть. Тогда и все покушали.

— Покушали? Вы слышите, ребята, как он о своих псах говорит? Может, ты им по сто граммов поставил, чтобы задобрить?

Плужин осуждающе посмотрел на насмешника:

— Они непьющие, не то что некоторые. Но сержанту Лапшину пришлось основательно попотеть, чтобы собачки его опять слушаться стали.— Помолчав, Плужин повторил свою мысль: — Нет, если с умом подходить к использованию нашего отделения, собаки еще очень пригодятся, могут

серьезно помогать нам. Недавно на Рязанском проспекте был обнаружен труп гражданина с несколькими ножевыми ранениями. Условия розыска преступника были довольно сложные. И все-таки наш Тайшет взял след. Почти три километра вел он группу. А ведь район многонаселенный: и дорог и машин полно. В Кузьминском массиве в зарослях кустарника нашли зарытые вещи убитого, а потом на станции настигли и убийцу. Тот, ничего не подозревая, сидел в буфете и пил пиво, когда Тайшет прыгнул прямо на него и прижал к стулу. Тронуть его, конечно, не тронул, но и с места двинуться не дал. Преступнику ничего не оставалось, как признаться.

— Слушай, Плужин, будь добр, прокомментируй такой факт, раз уж ты у нас такой спец по собакам,— попросил один из старших офицеров.— Недавно в одном из журналов я прочел, как собака спасла охотника. Его подмял под себя медведь. Однако с помощью собаки он все-таки справился с ним. Но дойти из лесу домой уже не мог. Послал собаку за помощью. Та поняла его и побежала. По пути разорвала набросившихся на нее двух волков и добралась до места. Там поняли, что дело неладно, и поспешили к охотнику. Правда, интересно? Но думается, не очень-то правдоподобно. Очень уж, знаешь ли, умняга пес.

— Ничего нет особенного. Такое бывает. Преданность животных человеку бывает просто удивительной. Нашла же кошка в Лондоне свою хозяйку, пройдя по дорогам Англии что-то около семисот километров. Или Меченый из рассказа Джека Лондона, помните? Такая же история.— Проговорив это, Плужин подчеркнуто серьезно добавил: — Известный французский биолог Реми Шовен считает, что наука пока только коснулась проблемы поведения домашних животных. Пока это дело еще мало изученное.

— Ну, товарищи, раз дело до ссылок на такие авторитеты дошло, придется нам всем капитулировать и уповать в нашей работе на четвероногое отделение товарища Плужина,— сострил постоянный оппонент капитана майор Стеклов.

Плужин хотел что-то сказать в ответ, но в это время заговорил полковник Камышин. Его здесь все знали и уважали, потому что это был когда-то непревзойденный мастер распутывать самые сложные и «безнадежные» дела. И хотя Камышин давно уже вышел на заслуженную

пенсию, его советами охотно пользовались самые опытные оперативники. Многие из них долгое время работали под его руководством и знали, что полковник зря и слова не скажет.

— Я вот слушал ваши споры и должен сказать, что зря вы подшучиваете над капитаном Плужиным. Помоему, он прав: игнорировать и списывать в архив служебно-розыскных собак пока рано. Конечно, в условиях огромного города, при современных средствах техники все это стало сложнее. Но непросто — не значит невозможно. Дело здесь в повышенной выучке животных, более умелом и квалифицированном их применении.

Вот здесь кто-то усомнился в случае со спасением охотника, описанном в журнале. Я верю в него, потому что у нас, в МУРе, тоже было немало довольно сложных и поучительных историй. Если не возражаете, я расскажу одну из них...

— Конечно, просим, товарищ полковник.

— Было это в октябре сорок первого года,— начал Камышин,— в один из самых напряженных дней обороны Москвы от гитлеровских полчищ. Столица тогда жила как фронт. Комендантский час, полное затемнение, патрули на улицах. Народу в городе осталось не очень много: тот, кто работал на оборонных заводах да был нужен для защиты города. Поубавился и наш контингент. Но его все же осталось вполне достаточно, и тем из нас, кому было отказано в отправке на фронт, забот хватало. Так вот, как-то поздно вечером в МУРе мы получили сообщение, что пятеро вооруженных грабителей напали на склад одного из заводов, убили постового военизированной охраны и, взяв вещи, продукты и оружие, скрылись на какой-то машине. Оперативная группа во главе с капитаном Каменцовым немедленно выехала к месту происшествия. Были поставлены в известность контрольно-пропускные пункты на выездных дорогах, извещены все отделения милиции.

Насторожило в этом происшествии не столько то, что из склада были взяты продукты и одежда, сколько факт кражи нескольких стволов оружия и боеприпасов. Ну и, конечно, само убийство постового — зверское, коварное, из-за угла...

На месте происшествия опергруппа была минут через тридцать или сорок. На осенней размокшей почве явно

виднелся след легковушки, отошедшей к шоссе Энтузиастов. Что же, преступники ринулись на магистраль? Но ведь они не могли не знать о контрольно-пропускных пунктах на дорогах. Вряд ли машина пошла по магистрали Видимо, ее надо искать где-то в черте города

На место происшествия группа взяла с собой Бурана — довольно опытную и известную у нас собаку, имевшую на своем счету с десяток разысканных преступников.

Пока работники группы обсуждали направления поисков, Буран рвался в дело. Он неистово дергал поводок, рыл лапами землю, злобно рычал и умоляюще глядел на своего проводника Сонюшкина. Потом взял след. Пеший след. И повел в сторону от шоссе. Видимо, бандиты разбились на две группы — одна удирала на машине, другая скрывалась в лабиринте московской окраины.

Каменцов с Сонюшкиным побежали за Бураном.

Работники местного отделения милиции, хорошо знавшие свой район, стали обследовать все дороги, проезды, тупики, подъезды к складам, заводам, железнодорожным станциям.

Уткнувшись мордой к самой земле, то петляя по еле заметным пешеходным тропам, то выходя на наезженные грунтовые дороги, Буран не останавливался. Работники опергруппы бежали за ним между какими-то сараями, домушками, через огороды и овраги. Казалось, еще метров двести — триста, и они не выдержат. А Буран все неистовствовал. Минут через двадцать или тридцать пес вдруг остановился, завертелся на одном месте и со злостью взвыл. Впереди был огромный овраг, наполненный водой, тянувшийся широкой сероватой полосой в сумеречном тусклом освещении луны.

Было ясно, что бандиты не могли легко преодолеть эту преграду. Или они обошли ее где-то в стороне, или перебрались через нее при помощи каких-то подсобных средств. Когда, найдя старые доски, группа с риском выкупаться перебралась на другую сторону оврага, Буран сразу же обнаружил след. Но тут оперативников задержал патруль, охранявший зенитный расчет. Бойцы, однако, быстро выяснили, кто перед ними, и пожелали группе успеха.

— В случае чего, дайте сигнал, поможем,— пообещали они.

Муровцы побежали дальше. На восточной окраине парка, где он переходил в поля балашихинских колхозов, Буран замедлил бег, стал петлять, возвращаться назад, затем опять устремлялся вперед. Здесь, видимо, бандиты отдыхали или обсуждали свой дальнейший маршрут. Наконец собака радостно взвизгнула и бросилась в сторону, в мелкий кустарник, густо росший на опушке парка. Приготовив пистолеты, участники поиска нырнули в темень вслед за собакой.

В этот момент воздух вспорола автоматная очередь, засвистели пули. Проводник Бурана Сонюшкин упал. Каменцов подполз к нему. С трудом удерживая поводок, трудно и хрипло дыша, Сонюшкин едва слышно выговорил:

— Тут они, вон в той будке. Буран не ошибся. Только как вы справитесь теперь?.. Я-то не гожусь... Бурана... надо послать... за подмогой.

И, собрав все свои силы, подтянул собаку к себе. Та, видимо, поняла, что надо не обнаруживать ни себя, ни хозяина, и, плотно прильнув к земле, нетерпеливо, но тихо скулила. Проводник обнял пса за шею и хрипло прошептал:

— Буран, обратно... Буран, обратно...

Буран недоуменно поглядел на хозяина, с тем же недоумением взглянул на капитана. Капитан рассказал нам потом, что он точно видел: собака плакала... Потом, видимо, забыв об осторожности, пес взвыл дико, с рвущими душу надрывными нотами... И это чуть не погубило их всех. По кустам снова хлестнула очередь автомата. Каменцова будто ударило чем-то тяжелым и тупым, а Буран взвизгнул, словно мяч, подпрыгнул вверх и с воем кинулся назад в гущу кустарника. Затем все стихло.

Каменцов долго лежал не шелохнувшись. Острая, режущая боль пронизывала все тело. Потрогал плечо правой рукой, оно было влажным от крови. Но его больше волновало другое: ушел ли Буран? Жив ли он? Если нет, то что делать? Была надежда, что зенитчики, услышав автоматные очереди, придут сюда. Знал он, что в зоне лесопарка дислоцируются и другие воинские соединения, где-то здесь близко штаб истребительного батальона. Все это так. Но у них были свои, более важные задачи. Знал он и то, что с Петровки в район происшествия вслед за их группой выслана и вторая. Найдет ли она их следы до

того, как те, за кем идет погоня, снимутся с этого места и подадутся куда-нибудь дальше?

Капитан Каменцов стал осторожно осматриваться. Да, бандиты устроились неплохо. Недалеко от опушки стояло здание трансформаторной подстанции, сложенное из силикатного кирпича. Станция бездействовала, была отключена, и бандиты чувствовали себя в полной безопасности. Окон в этой квадратной коробке не было, стреляли они через отверстия, сделанные для кабельных вводов. Стреляли, по всей вероятности, на голос Бурана, потому что после второй очереди, когда собака исчезла, стрельба прекратилась. Капитан внимательно осмотрел дверь: она была плотно закрыта, даже малой щели в ней не было видно. В обоих косяках дверного проема торчали железные скобы. Мелькнула мысль: что, если подобраться к зданию, вложить в эти скобы валежину, жердь, или брус какой-нибудь? Тогда бандиты в ловушке. Но где взять этот брус или валежину? И как подобраться к зданию, не обнаружив себя? Патронов они утащили с заводского склада вдоволь и прошьют из ППШ за милую душу. Но главное, надо убедиться, жив ли Буран. Ушел он или лежит где-то близко раненный?

Каменцов тихо отполз назад, обшарил все вокруг — Бурана нигде не было. Тогда стал искать что-либо подходящее, чтобы запереть своих подопечных в их укрытии. Искал долго. Метрах в трехстах наткнулся на какую-то изгородь. Осторожно вытащил жердь попрочнее и потащил ее за собой. Не легко это было. Плечо горело, голова кружилась. Но ничего, сладил. Стал наблюдать за подстанцией. Что-то тихо очень. Не ушли ли? Нет. Сквозь кабельные входы вдруг метнулся еле видный желтоватый отблеск огня. Видимо, кто-то закурил.

Каменцов успокоился и стал думать, как осуществить свой план. Решил подползать к бандитскому логову сзади.

Полз осторожно, чтобы не обнаружить себя. Когда стал приближаться к зданию, его вдруг охватило сомнение: хватит ли сил, чтобы поднять жердь и вставить ее в скобы? Раньше сделал бы это играючи. А теперь? Перед глазами шли красные круги, тошнота подступала к горлу, каждый метр, что преодолевал, ползя к будке, казался ему почти километром. Но вот, кажется, подполз достаточно близко. Надо подниматься и бежать ко входу. Лежал, наверное, с полчаса, чтобы собраться с силами. Наконец вскочил

и побежал. Более тонкий конец жерди осторожно засунул в левую скобу, продвинул ее вперед, затем во вторую скобу вставил толстый конец. И тут силы почти оставили его, отползти обратно уже не мог.

Обитатели подстанции не сразу поняли, в чем дело. А когда уразумели, было уже поздно. Капитан слышал их ругань, неистовые автоматные очереди по двери. Но двери в силовых подстанциях обычно железные, двойные, разбить их не просто. Полежав немного, Каменцов стал отползать к опушке.

...Рано утром, когда тусклый рассвет с трудом пробивался в город, по московским улицам впритруску бежала собака. Видели ее военные патрули, что обходили улицы столицы, рабочие и служащие, спешившие на работу, зенитные расчеты, дежурившие у орудий на московских скверах, бойцы истребительных батальонов, возвращающиеся с дежурств. Собака бежала не останавливаясь, низко опустив голову, увертываясь от легковушек, троллейбусов и военных машин.

Собака была ранена, тонкий пунктирный след крови тянулся за ней всю дорогу. Она дышала тяжело и надсадно, розовый тонкий язык мелко подрагивал в такт ее торопливому, тяжелому бегу. Она, видимо, очень хотела пить, потому что с жадностью посматривала на редкие, покрытые тонким серым льдом лужи, застывшие у водозаборных решеток. Только один раз пес позволил себе эту роскошь. Недалеко от площади Маяковского, где Садовое кольцо, прежде чем круто взобраться вверх, образует небольшую асфальтовую ложбину, собралось небольшое озерцо. Лед, что покрывал его тонкой плёнкой, был раскрошен машинами, и собака несколько секунд жадно полакала здесь и направилась дальше.

В это время по улице Горького, в сторону Химок, шла плотная колонна войск, и собака беспокойно заметалась по мостовой, ожидая просвета в колонне, чтобы пересечь площадь.

К постовому милиционеру на площади подошли две женщины:

— Товарищ дежурный, собака какая-то вон бегает. В крови она. И возможно, даже бешеная. Еще укусит кого. Надо принять меры.

Постовой направился к месту, куда показывали женщины. Колонна все еще шла, плотная, бесконечная, и проскочить между ее рядами было невозможно. Пес

нервно перебегал с места на место, тихо скулил.

Милиционер внимательно всмотрелся — и вспомнил. Ну конечно же, это Буран. Недавно их, молодых работников, знакомили со службами Петровки, показывали и отделение розыскных собак. О Буране, о его подвигах, уме и сноровке начальник отделения рассказывал больше всего. Постовой позвал:

— Буран, а Буран, ты чего тут мечешься? Иди-ка сюда.

Буран понял, что зовут его, но посмотрел на постового лишь мельком, как бы говоря: «Некогда, дорогой, надо спешить». И, увидев, что в войсковой колонне получился небольшой разрыв, побежал туда. Через мгновенье он был уже на другой стороне площади. И все так же торопливо, но размеренно затрусил в сторону Петровки.

Постовой объяснил стоявшим около женщинам:

— Это наша собака, служебная, так что прошу не беспокоиться,— и поторопился к своему телефону. Набрав номер дежурного по городу, сообщил, что сейчас на площади Маяковского видел Бурана.

Сообщение было чрезвычайно важным. С группой, ушедшей на преследование бандитов, давно уже не было связи. Расширенная поисковая группа, вновь посланная в район происшествия, сообщила, что пока ни бандитов, ни первой поисковой группы обнаружить не удалось. Вот почему дежурный по городу взволнованно и нетерпеливо стал выспрашивать постового.

А Буран в это время уже скулил у дежурной части, царапал лапами зеленые доски ворот.

Когда их открыли, он остервенело залаял и потянул дежурного к воротам. Было ясно: он звал за собой. Значит, с группой что-то случилось.

Быстро снарядили оперативную машину. Но как быть с Бураном? Надо бы взять его с собой. Вид у собаки, однако, был такой жалкий и измученный, задняя правая нога была явно перебита, и было решено взять двух других собак... По следу Бурана они приведут туда, где была группа. Буран же по сборам убедился, что его поняли, и обессиленный лег на землю, закрыв глаза.

Но вот оперативная машина стала выезжать за ворота. Пес бросился вслед за машиной. Однако было уже поздно. Ворота захлопнулись. Буран выл, лаял, колотил лапами по доскам. Никакие уговоры на него не действовали.

Злобно оскалившись, он рычал на всех, кто пытался к нему приблизиться.

Позвали начальника отделения. Тот магически действовал на весь свой «четвероногий личный состав», и несколько его резких окриков, кажется, успокоили Бурана. Он дал надеть на себя ременный поводок и, казалось, не обратил никакого внимания на то, что кольцо поводка надели на стойку вольера.

— А может, его запереть в вольер? — предложил кто-то.

— Не надо, это его обидит. Скоро отправим в ветлечебницу. А пока накормите его,— распорядился начальник отделения.

Своей обидой Буран был полон до краев. Когда начальник отделения уходил, пес так тяжко вздохнул и так жалобно заскулил, что тот невольно остановился. Буран с укоризной смотрел на него, и крупные слезы потекли из его черных собачьих глаз. В них можно было прочесть и упрек, и жалобу, и злость: «Как же так, ты, наш начальник, не понимаешь, что мое место сейчас там, на окраине Измайловского парка?»

Начальник отделения попытался его успокоить:

— Пойми, Буран, ты свое дело сделал. Молодец! А сейчас там нужны крепкие ноги и свежие силы. Найдут бандюг, найдут. По твоим же следам найдут. Успокойся... Поешь, отдохни. А скоро повезем тебя к ветеринару, чтобы лапу ремонтировать.

Буран, закрыв глаза, молчал. Начальник отделения ушел. А через пятнадцать минут ему сообщили, что Буран сбежал.

Когда в ворота въезжала дежурная машина, пес встал, напряг все свои мускулы, и ременный крученый поводок, лязгнув металлическим кольцом по стойке, от резкого неистового рывка лопнул, словно шелковый шнур. Буран пулей метнулся вперед, каким-то чудом пролетел через узкий пролет между машиной и открывшимся полотном ворот и, не оглядываясь, помчался по московским улицам.

— Может, мотопатруль послать? — предложил кто-то.
Начальник отделения махнул рукой:

— Не надо. Теперь его не догнать, не остановить. А лапу, дурной, наверняка потеряет. Да и вообще погибнуть может.

...Группа, посланная в Измайлово, шла по ночным

следам. На земле четко вырисовывались следы Бурана и оперативных работников первой группы. Все шло благополучно, вплоть до того наполненного водой оврага, где произошла задержка и ночью. И собаки и люди встали в тупик. Следов было множество. Невдалеке раздавались какие-то голоса. Один из оперативных работников пошел на них и выяснил, что воинское подразделение передислоцировалось на новую точку и прошло здесь всего час назад. Потому и метались собаки, не зная куда, в какую сторону податься, чтобы отыскать следы Бурана и его спутников. Они отбегали то в одну, то в другую сторону, кружились вокруг оврага и возвращались обратно, беспомощно и виновато поглядывая на людей.

Именно в этот момент появился Буран. Он неуклюже прыгал на трех лапах, дышал часто и тяжело, язык, словно пожухлая тряпка, дрожал во рту. Лаять уже не мог, только издавал какие-то хриплые, клокочущие звуки. Мельком глянув на своих собратьев, стал взбираться вверх по заросшим кустарником склонам. Собаки побежали за ним. Туда же поспешили и оперативные работники.

Буран ковылял медленно, но уверенно, ни разу не остановившись. Добравшись до лежавшего на земле проводника Сонюшкина, он жалобно заскулил, принялся лизать его серое, без признаков жизни лицо и злобно захрипел в сторону трансформаторной будки. Скоро и еще одна собака подала голос: она звала к капитану Каменцову. Тот лежал почти без сознания, земля вокруг него потемнела от крови, но пистолет был направлен на дверь будки. Он с трудом проговорил:

— Там, там...

В будке молчали, ни голоса, ни шороха, ни единого звука не раздавалось оттуда.

Лейтенант Нестеренко, возглавлявший группу, усомнился:

— Вряд ли они там. Не слышно что-то. Наверное, ушли.

— Дверь-то ведь заложена слегой...— объяснял Каменцов. Говорил он медленно, с большими паузами.— Там они. Осторожно, у них автоматы. Думаю, они ждут тех, что ушли на машине. Иначе зачем им запираться в эту мышеловку? Напарники вот-вот могут заявиться. А идти к зданию подстанции надо вот отсюда, справа, а потом

ближе к стене и к двери. Иначе снимут очередью...

Большие хлопоты теперь доставляли собаки. Они не хотели сидеть смирно, с трудом удавалось их сдерживать. Только Буран, обессиленный, тяжело дыша, лежал около Сонюшкина. Он, выполнив свой долг, оберегал непробудный сон своего хозяина.

Нестеренко, вперебежку и ползком, добрался до будки и прокричал:

— Вам ничего не остается, как выйти и сдаться. Вы окружены!

В будке молчали.

Нестеренко повторил свое предложение.

Сиплый, грубый голос ответил:

— Нам спешить некуда. Подождем.

Через несколько минут в кустарнике раздался тройной свист, сначала тихий, затем громче и еще громче. Из будки ответа не было. Там хотели убедиться: свои ли подают знак. Когда свист повторился, тот же сиплый голос заорал:

— Корыто, в кустах легавые, пришейте их. Иначе не выберемся, заперты мы.

Каменцов тревожно звал:

— Лейтенант, лейтенант, сюда...

Тот уже тоже понял, в чем дело, и, петляя меж кустов, мчался к Каменцову. Через несколько секунд он плюхнулся рядом.

— Не допускайте к будке пришедших. Собак, собак на них. Если будут сопротивляться — прицельным огнем.

— А эти, эти же уйдут. Твоя жердь пулями почти перегрызена.

— Не уйдут. Живыми, во всяком случае...

Лейтенант с двумя оперативниками, взяв собак, побежал в сторону кустарников, откуда раздавался свист. Скоро оттуда послышался собачий лай, выстрелы. И сразу ожила будка. Ее обитатели колотили в дверь чем-то тяжелым, но дверь держалась все еще крепко. Тогда длинные автоматные очереди наполнили будку глухой бубнящей трелью. Пули кромсали железо двери, отрывали щепки от сухой жерди, ходуном ходившей в металлических скобах. Но вот тонкий конец жерди, перерезанный пулями, словно зубчатой пилой, обломился, и под напором бандитов дверь будки приоткрылась. Она не могла открыться полностью: опустившаяся одним концом жердь мешала

ей, но отверстие было уже достаточным, чтобы можно было выйти наружу. Бандиты не замедлили этим воспользоваться. Сначала показался тупой ствол автомата, очередь веером срезала ветви с кустов. Потом в проеме появился человек, и тут же прозвучал выстрел Каменцова. Человек плашмя упал на землю и не двигался.

Второй бандит, видимо не поняв, в чем дело, вышел вслед за первым и только тут увидел, что напарник лежит недвижимо. Кубарем он скатился на землю, поднялся и, делая отчаянные прыжки и петли, побежал к кустам... где лежал Каменцов. Капитан поднялся на колени и, направив на бандита пистолет, крикнул:

— Ни с места! Бросайте оружие!

Бандит остановился и опустил автомат. Потом, увидев, что капитан один, и поняв, что он ранен и еле держится, молнией отскочил в сторону. Пуля Каменцова просвистела где-то совсем рядом. Мгновенно бандит всей своей тяжестью навалился на обессилевшего капитана. Борьба была слишком неравной, и через несколько мгновений Каменцов увидел над собой белесые от ярости глаза, заросшее щетиной лицо, звериный оскал желтых зубов и почувствовал на своем горле железный обруч сжавшихся рук. Какой-то дурман окутал сознание капитана, все закружилось, завертелось перед ним в лихорадочном вихре, и он уже терял последние проблески сознания, когда душивший его обруч вдруг ослаб и послышался панический сиплый крик:

— Остановите, остановите его, загрызет, проклятый!

...Буран, лежа около Сонюшкина, зорко наблюдал за трансформаторной будкой. Ведь те, за кем они гнались, находились там, их запахи бесили его кровь. И когда пес увидел, что один из бандитов бежит к опушке, он, стелясь по земле, пополз ему наперерез. Когда жизни Каменцова остались считанные секунды, острые клыки Бурана впились в шею бандита, и от дикой боли тот разжал руки, попытался сбросить с себя неизвестно откуда взявшегося зверя, но сделать это было невозможно.

Когда Каменцов открыл глаза, Буран стоял передними лапами на груди бандита и рвался к его горлу.

Капитан тяжело поднялся и тихо приказал:

— Буран, отставить.

Собака с сожалением посмотрела на капитана и нехотя оставила свою жертву. Но не отошла, а встала рядом и, злобно рыча, не спускала с бандита глаз.

Обыскав задержанного и приказав повернуться вниз лицом, Каменцов связал ему руки. Теперь Буран успокоился и устало побрел к своему проводнику. Каменцов, посмотрев ему вслед и увидя, как тяжело ковыляет собака, как ее шатает из стороны в сторону, сказал:

— Досталось нам с тобой, Буран. Ну, ничего. Держись, старина.

Но Бурану держаться осталось уже немного.

Каменцова беспокоил первый обитатель будки. Убит он или ранен? С трудом поднявшись с земли, держа наготове оружие и обходя будку справа, прижимаясь к ее стенам, Каменцов направился к месту, куда упал бандит. Там его не было. Но далеко уйти он не смог. Каменцов вскоре обнаружил его в кустарнике. Бандит был без сознания.

Через несколько минут появился лейтенант Нестеренко со своей группой. Они вели тех двух, что шли на помощь затворникам в будке.

Будка эта оказалась самой настоящей бандитской хазой. Устроились в ней бандиты с известными удобствами, стояли топчаны, под полом хранились запасы продуктов, награбленное имущество. Здесь базировалась давно разыскиваемая шайка Корыта.

Корыто и его сподвижники во время боев за Смоленск убежали из городской тюрьмы и бесчинствовали в тыловых городах. С месяц назад они появились в Подмосковье, а потом и в Москве, учинили уже несколько грабежей. Налет на склад завода оказался для них последним.

Скоро прибыли вызванные из МУРа машины. Прежде всего надо было отправить в госпиталь Сонюшкина. В нем еще теплилась жизнь. Но Буран был мертв. Он лежал рядом со своим хозяином, уткнувшись носом в его мокрый от крови и октябрьского непогодья ватник.

Когда полковник Камышин закончил свой рассказ, в комнате долго стояла тишина. Затем майор Стеклов несколько бесцеремонно спросил:

— Каменцов-то — это вы, товарищ полковник?

Полковник немного смутился:

— Не об этом разговор. В нашей работе, далеко не простой и обычной, где всегда нужны и воля, и ум, и бесстрашие, использовать надо все: и то новое, что дает время, наука, техника, и то, что проверено жизнью, опытом, практикой тех, кто трудился на этом нелегком поприще

до вас... И собачки, как ласково их зовет товарищ Плужин, тоже пригодятся. Они помощники надежные...

И как бы в подтверждение этих слов со двора управления раздался мощный и дружный собачий лай. Четвероногое отделение будто во всеуслышание заявляло, что есть еще у него порох в пороховницах и оно будет верно служить МУРу в его многотрудных делах.

МЕЛКАЯ ДУША

Катастрофа, как и полагается катастрофе, произошла неожиданно. Десятиэтажный дом на Тургеневской улице в городе Приреченске, подводившийся уже под крышу, вдруг стал крениться, оседать и за несколько минут развалился, подняв огромные клубы сухой рыжеватой пыли. Произошло это, к счастью, в обеденный перерыв, большая часть работающих здесь людей находилась в столовой, и это спасло их жизни. Однако несколько человек были увезены в больницу.

Случаи, подобные происшедшему, бывают не часто, и потому на стройку приехало сразу несколько авторитетных представителей, однако их выводы о причинах катастрофы были далеко не единодушны, каждый искал причину случившегося в просчетах других.

Истину предстояло установить следствию. Советник юстиции, следователь городской прокуратуры Андрей Молчанов принял поручение вести дело по происшествию на Тургеневской без особого энтузиазма. Оно обещало быть хлопотливым и сложным, ведь не случайно ответственные работники проектных и строительных организаций об аварии судят по-разному, об истоках беды пришли к диаметрально противоположным выводам.

Объяснения руководителей стройки, прораба и мастеров тоже не давали ответа на вопрос, что повлекло за собой аварию. Они в один голос утверждали, что причины аварии надо искать не у них. Работы велись точно по проекту, все правила техники безопасности соблюдались. Накануне происшествия на площадке была комиссия архитектурно-строительного надзора — на объекте не было обнаружено никаких нарушений установленной технологии. Следовательно, причины катастрофы были не в организации строительных работ, а в чем-то другом. Всего скорее в проекте.

Но здесь же, в деле, лежало заключение специали-

стов — в проектах не найдено ни одного сколько-нибудь существенного просчета.

Но должны же быть причины аварии, не нечистая же сила сотворила эту историю?

Молчанов пришел к выводу о необходимости передачи всех проектных материалов на новую экспертизу в областной проектный институт.

Эксперты из института приехали через два дня. Возглавлял их Сергей Федорович Голубев — высокий, полноватый человек, немногословный и медлительный, с глуховатым голосом и мягким, застенчивым взглядом.

Выслушав информацию Молчанова и его просьбу поставить наконец точки над «и» в истории на Тургеневской, он проговорил:

— Постараемся разобраться. Хотя должен откровенно сказать, что и я, и мои коллеги сомневаемся, что дело в проекте. Обкатанная серийная модель. Да и шеф этого детища товарищ Крюков — личность в нашей сфере чтимая.

— Вы его знаете?

— Встречались.

Эксперты к поручению следствия отнеслись предельно серьезно. Скрупулезно и тщательно смотрели все проектные разработки, каждый лист рабочих чертежей. Через три дня после начала работы комиссии Голубев приехал к Молчанову.

— Я хотел бы посмотреть все материалы, что имеются у вас.

— Пожалуйста, знакомьтесь. Я думал, вы с этого начнете.

— Сначала сами хотели прийти к каким-то выводам.

Голубев прочел все документы, что дал ему Молчанов, и опять отбыл на стройку.

В этот же день в кабинете следователя раздался телефонный звонок. Послышался незнакомый уверенный голос:

— С вами говорит Валерий Осипович Крюков — директор проектного института Госстроя республики. Прошу принять меня, и безотлагательно.

Через час Крюков входил в кабинет Молчанова. Он вежливо поздоровался, не ожидая приглашения, опустился в кресло около стола и проговорил:

Я пришел заявить протест в связи с привлечением к экспертизе по аварии на Тургеневской инженера Голубева. Сергея Федоровича Голубева.

Молчанов удивленно поднял брови:

— Состав комиссии нам рекомендован «Облгражданпроектом», и подвергать сомнению компетентность их специалистов мы не имеем каких-либо оснований.

— Вы-то, может быть, и не имеете, а я имею. Дом на Тургеневской сооружается по типовому проекту, разработанному моим институтом. Головным институтом, между прочим. И, по совести говоря, не товарищам Облгражданпроекта оценивать нашу работу. Ну а если вы поручили им, то пусть хоть специалистов выделяют каких следует. А то — Голубев. Объективного заключения от него вы не получите. Да, да, не получите. И следствие неизбежно пойдет по ложному пути. Я говорю уверенно потому, что хорошо знаю Голубева.

Высказав все это в стремительном, напористом темпе, Валерий Осипович откинулся в кресле и вопросительно посмотрел на Молчанова.

— Вы же понимаете, чтобы поставить вопрос об отстранении инженера Голубева от данного поручения, нужны причины. Голубев уже работает, ознакомлен с делом, вместе с членами экспертной комиссии на месте исследует все, что может помочь установить причину случившегося. И вдруг отказать ему в доверии... согласитесь, это будет не очень тактично. То мы его убеждаем в необходимости участия в разборе дел, то отстраним. Мне не хотелось бы этого делать, но раз вы настаиваете... Однако объясните причины.

...Крюков говорил в той же быстрой, стремительной манере, без запинки и без пауз, словно все мысли и слова были отобраны заранее.

— Видите ли, мне на протяжении многих лет как директору института приходится решать самые разнообразные проблемы нашего проектно-строительного дела. Человек я бескомпромиссный, и в делах служебных для меня нет ни друзей, ни знакомых, ни приятелей. Это мой железный принцип. Им я руководствовался и в своих отношениях с Голубевым. А так как мы с ним подвизаемся в одной сфере не год и не два, то, сами понимаете, ситуации случались всякие. Они касались, например, его научных опусов, некоторых проектов, наконец, его продвижения по служебной лестнице. Думаете, он забыл все это?

— А почему вас так беспокоят будущие выводы экспертизы? Допустим, будет установлено, что пятая мастерская, которая привязывала проект и разрабатывала чертежи, допустила какие-то оплошности, с нее и спросится. Не можете же вы лично отвечать за каждый объект?

Крюков усмехнулся в ответ:

— В чем-то вы правы, а в чем-то нет. Да, лично мне опасаться, конечно, нечего. Дома по нашим проектам растут как грибы. Но знаете народную мудрость: хорошая слава лежит, а плохая бежит. Поднимут голову все наши недруги, а их в архитектурном мире, как и в любой творческой среде, немало, вскрылятся все приумолкшие критики. Это особенно нежелательно сейчас. Вы, может быть, прочли в газетах: наши последние работы выдвинуты на Государственную премию.

— Ну, а если предположить, что в проекте дома на Тургеневской действительно обнаружатся какие-то дефекты?

— Нет, не обнаружатся. Этот тип домов проверен, одобрен, утвержден Госстроем Союза и рекомендован для массовых застроек.

— Значит, у вас нет оснований опасаться выводов комиссии. И потом, если даже Голубев попытается навязать какую-то свою субъективную точку зрения, то остальные члены комиссии наверняка разберутся, что к чему.

— Как знать. Может, разберутся, а может, и нет. Тень же на институт будет брошена. А этого я допустить не могу.

Молчанов вздохнул и после паузы проговорил:

— Отстранить товарища Голубева от дела, порученного ему следствием, единолично я не могу. Ваши сомнения все же односторонни, принять их за истину — значит заранее предположить необъективность и, следовательно, нечестность Голубева. А какие у нас основания для этого?

— Ну, это уж юридическая казуистика.

— Нет, Валерий Осипович, это элементарное соблюдение законности и правопорядка. И потому решим так. Мы, обсудив ваше заявление с руководством прокуратуры, переговорим с институтом. Свое решение вам сообщим.

Крюков поднялся, с трудом скрывая свое недовольство. Проговорил:

— Имейте в виду, что я настаиваю на этом. И надеюсь, что вы решите этот вопрос безотлагательно.

После ухода Крюкова Молчанов долго сидел задумавшись.

Чем объяснить такую нетерпимость Крюкова? Чем ему так насолил Голубев? Или директор головного института побаивается за проект дома «СК-2»? Поразмыслив, следователь решил поехать на стройку сам и посмотреть работу экспертов на месте.

Комиссия, возглавляемая Голубевым, продолжала дотошно исследовать проектную документацию по дому. Привлеченные ею специалисты изучали журнал производства работ, акты по монолитным участкам и узлам фундаментов, журнал сварочных работ, паспорта на стеновые панели, плиты перекрытий, тщательно проверяли применение вяжущих материалов — раствора и бетона, соответствие их марок проектным нормам.

Когда Молчанов вернулся в прокуратуру, на его столе лежало пространное заявление Крюкова на имя городского прокурора, где подробно, в деталях излагалось все то, что он сегодня высказывал в этом кабинете. На заявлении была размашистая резолюция прокурора с требованием объяснения по существу вопросов, поставленных товарищем Крюковым. И все же Молчанов не мог заставить себя так вот просто уступить напору Валерия Осиповича. Почему мы должны усомниться в Голубеве? Почему вслед за Крюковым должны отказать ему в доверии, заранее усомниться в объективности? Ничего не оставалось, как начать заниматься заявлением Крюкова, разобраться в достоверности его утверждений.

...Впервые Крюков и Голубев столкнулись в пору далекой молодости. Работали оба на большой стройке. Крюков — начальником участка, Голубев под его началом — бригадиром монтажников. Как-то у бригады возник конфликт с администрацией участка. Не выполнили монтажники указание начальника участка о разборке каркаса опорной стенки, потребовав официального наряда. Голубева от руководства бригадой отстранили. Но монтажники оказались людьми настырными, упрямыми, пришли к Крюкову всей ватагой, заявили о своем несогласии с таким решением.

— Работы были выполнены точно по чертежам, новый наряд вы обязаны дать. И бригадир наш прав.

Крюков старался убедить их и так и эдак. Результата это, однако, не дало.

— Ну ладно, поговорили, и хватит,— вконец обозлился

Крюков.— Бригадир с завтрашнего дня у вас будет другой. Вот так. На этом собрание заканчиваем.

Но бригада не успокоилась. Пошла к начальнику стройки, в партком. И получила поддержку.

Вечером, возвращаясь в одном автобусе в жилой поселок, Крюков, не скрывая раздражения, бросил Голубеву:

— Зря радуешься. Тебе эта история боком выйдет.

Голубев пожал плечами:

— Тоже нашли проблему. Если я очень не по нутру, сказали бы. Сам бы ушел.

— Вот и уходи.

— Ребят не хочу подводить. Ценю их доверие.

Известно, что сколько людей, столько и характеров. Есть люди, которые до злобы и мести не унизятся, обиды, кем-то ненароком нанесенные, не помнят. Но есть — которые даже мелкую обиду помнят долго, порой всю жизнь. Они не упустят случая насолить человеку, который когда-то имел неосторожность наступить им на мозоль.

Не один год прошел после того незначительного конфликта между Крюковым и Голубевым. Голубев начисто забыл о нем, но не забыл Крюков.

Валерий Осипович уже заведовал кафедрой в институте, когда Голубев, не без труда окончив заочную аспирантуру, представил на защиту свою диссертацию. Его завалили один раз, завалили второй. Он терпеливо работал еще два года и наконец доказал, что панельные конструкции жилых домов при условии заводского изготовления, безусловно, перспективны. Удивлялся, правда, почему с этим не согласились два года назад. Ларчик же открывался просто. При последней защите в институте не было Крюкова, он пребывал в это время в длительной командировке за рубежом.

Похожая история произошла с проектом Дома культуры города Приреченска, что был разработан проектной группой, которую возглавлял Голубев. Городские и областные организации проект одобрили. Однако уже на стадии рабочих чертежей его забраковал Госстрой республики, учитывая излишества в оформлении интерьера.

Коллеги по проекту внушали Голубеву:

— Съезди ты к Крюкову, может, от него исходит это неожиданное вето?

— Да что вы, он-то тут при чем? У Валерия Осиповича

такое хозяйство, что он каждую разработку вряд ли смотрит. Не поеду. Давайте лучше дорабатывать.

Сели дорабатывать. Но город ждать не мог, и строить Дом культуры стали по другому проекту. Да тут еще подоспела кампания против излишеств в строительстве, и Голубева освободили от руководства мастерской.

Потом, когда у руководителей проектно-строительных дел головы немного поостыли, поняли они, что с Голубевым, пожалуй, поспешили, и вернули обратно к руководству мастерской.

Через года два или три областными организациями и Госстроем республики, учитывая все возрастающий объем строительства в Приреченске, было решено создать проектный институт гражданских сооружений «Облгражданпроект». Ядром института, естественно, являлась мастерская Голубева — ведь именно она вела проектные работы в городе до сих пор. Институт был создан, но директора все еще не назначали.

Начальник Госстроя уже не впервые спрашивал собравшихся у него заместителей:

— Кого же поставим во главе института в Приреченске? Нужен человек, хорошо знающий и местные условия, и специфику этого направления. Областные организации предлагают Голубева.

Заместитель начальника, заведующий кадрами, пожав плечами, ответил:

— Я согласен. Но вот товарищ Крюков почему-то возражает.

— Да, возражаю,— отозвался Валерий Осипович.— Ничего путного из этого не выйдет. Это несерьезно. Ну какой Голубев директор? Вы же помните, даже с мастерской мы его уже снимали, а тут институт.

Это было правдой. Факт такой был, имел место. Но Крюков, напомнив о нем, умолчал о финале, не сказав, чем закончилась эта история. И кое-кто в кандидатуре Голубева усомнился.

Так выдвижение Голубева и не состоялось.

Получив сообщение о случае на Тургеневской улице, Крюков забеспокоился. Он запросил все проектные материалы по серии домов «СК-2». Нет, он не предполагал, что в проекте могут быть какие-то крупные ошибки. Мелкие погрешности могли, конечно, быть. Но ведь если не об-

наружатся какие-то другие причины катастрофы, то эти, пусть и незначительные, огрехи можно возвести в причину случившегося. Все зависит от точки зрения экспертизы. А так как комиссию возглавляет Голубев, тот самый Голубев, то можно ждать всего. Ведь он, конечно же, догадывается о причинах своих длительных невзгод и теперь сведет давние счеты, подобьет, как говорится, итоговый баланс. И надо же случиться этому именно сейчас, когда госпремия почти в кармане. Воспаленное воображение Валерия Осиповича, однако, шло дальше. Ведь если что-то найдут в проекте дома на Тургеневской, думал Крюков, то это станет известным многим инстанциям, конечно же, дойдет и до самых высоких. И тогда может быть всякое. Там не будут слушать ссылки на объективные обстоятельства. Тебе поручено дело, и будь готов, отвечай за него. А не ответил — не обижайся на спрос, уступи место другому, более сведущему и энергичному.

Нет, нельзя допустить, чтобы Голубев вылез со своими заключениями по Тургеневской. А в том, что он, конечно же, взвалит вину на проект,— на этот счет у Крюкова сомнений не было. Поступки других людей он соразмерял со своими представлениями о жизни, мерил по себе. Иначе мыслить Валерий Осипович не мог.

Через две недели комиссия Голубева закончила свою работу на Тургеневской и в полном составе заявилась к Молчанову. Он терпеливо слушал, не перебивая и не задавая вопросов, слушал неторопливый, обстоятельный доклад председателя комиссии.

— ...Таким образом, после тщательного изучения проектных материалов, экспертная комиссия с полной определенностью делает вывод, что сползание фундамента и разрушение каркаса дома «СК-2» на Тургеневской произошло из-за изменения геоподосновы, вызванного подмывом северо-западной зоны застройки сточными водами городского коллектора.

— Сползание фундамента? Ясно. Но кто же виноват в этом?

— Работники коммунального хозяйства города, месяц искавшие, куда устремились подземные потоки из поврежденного коллектора, руководители стройки, не обратившие своевременно внимания на повышенную увлажненность грунта. Строители виноваты еще и в том, что на некоторых участках фундаментов не вышли на материк. А насыпной грунт подвел. Разрушение корпуса прои-

зошло из-за подмыва насыпного грунта основания фундамента.

— Но разве авторы проекта не должны были предусмотреть подобные обстоятельства?

— Стихийные бедствия — бури, грозы, ураганы, наводнения — да, должны. Но аварию в городском коллекторе — это уж, знаете ли, слишком.

— Значит, по проектной документации дома «СК-2» у экспертизы нет никаких замечаний?

— Замечания, конечно, есть. Но к аварии они отношения не имеют.

— Ну что же, большое спасибо. Вы знаете, самое неприятное в нашей правоохранительной деятельности — это ошибка. Ведь за ней людские судьбы. Вот почему мы настаивали на экспертизе, беспокоили, отрывали от дел вас — специалистов. Теперь мы сможем сделать объективные, безошибочные выводы по аварии на Тургеневской.

Когда прощались, Молчанов попросил Голубева на несколько минут задержаться. Сергей Федорович снова сел в кресло и вопросительно посмотрел на советника. Тот в раздумье проговорил:

— По нашим правилам это не положено, но по совести, думаю, будет правильно.— И положил перед Голубевым письмо Крюкова прокурору: — Почитайте, вам это надо знать.

Сначала Голубев читал спокойно. Потом усмехнулся, но чем больше углублялся в опус Валерия Осиповича, тем более мрачнел. Окончив читать, долго сидел молча, как бы в раздумье. Потом медленно проговорил:

— Ну что же, правду в народе говорят: в ком добра нет, в том и правды мало... Не знаю уж почему, может, по своей наивности, но я никогда свои неудачи не связывал с Крюковым, всегда относил их к своей собственной вине. Вообще считал и считаю, что человек сам, прежде всего сам строит свою судьбу. Это мое очень давнишнее убеждение. И именно поэтому я даже никогда не подумал, что Валерий Осипович или кто-то другой старательно «оберегают» меня на моих жизненных стежках.

Затем после длинной паузы продолжал:

— Отчего же раньше не сказали, кто меня подозревает в недобросовестности? Опасались, что буду искать в проектах крамолу? Зря. Если бы я и знал, кто автор этого заявления, выводы были бы те же.

— А мы в этом не сомневались и не сомневаемся,—

ответил Молчанов.— Потому и не видели необходимости в том, чтобы знакомить вас с заявлением товарища Крюкова до окончания экспертизы. Скоро Валерий Осипович будет здесь. Очень интересуется вашим актом. Если желаете, можете встретиться.

— Нет. Не испытываю такого желания. Но вот своим коллегам, товарищам должен буду рассказать об этой истории. Мы ведь знали, были наслышаны о каком-то подозрении к нашей комиссии. Предположения коллег об источнике этого недоверия оказались более точными, чем мои. Я-то их уверял, что Крюков здесь ни при чем.

Когда Голубев, распрощавшись, вышел, Молчанов попросил дежурного:

— Здесь где-то товарищ Крюков. Наверное, у прокурора. Дайте знать в приемную, что я освободился.

Крюков заявился вскоре. Настроен он был ершисто, весело.

— Чем обрадуете, товарищ советник? Надеюсь, удалось решить это уравнение со многими неизвестными?

Молчанов, скупо поздоровавшись, положил перед Крюковым тонкую папку с вложенными в нее несколькими листками акта.

— Прошу ознакомиться с заключением экспертизы.

Крюков быстро пробежал бумаги глазами, враз уловив суть.

— Правильно, толковое заключение.

— Объективное. Верно ведь?

— Да, да. Но других выводов, собственно, и быть не могло.

— Вы, однако, ожидали иного. Голубева-то требовали отстранить.

— Не отрицаю. Знаете, береженого и бог бережет. А кроме того, я больше думал о нем, чем о себе, хотел уберечь его от соблазна. Знаете, когда представляется такая возможность посчитаться с недругом за свои обиды, редкий удержится, чтобы пройти мимо нее. Мог и Голубев польститься на эту возможность, и тогда бы... Вот почему я и у вас был тогда и письмо прокурору послал. Очень хорошо, что мы общими силами предупредили Голубева и комиссию от ошибки.

— Ни о вашем том визите, ни о заявлении прокурору Голубев не знал.

— Как? Вы не упредили его?

— Нет.

— Но почему?

— А у нас не было оснований не доверять ему.

— Ну да, ну да. Понимаю, дедукция, интуиция и прочее.

Крюков говорил что-то еще, кажется, о том, что он тоже всегда верил в Голубева, в его немалые способности, о трудном пути, который они вместе прошли.

Молчанов слушал и думал о том, как разнолика человеческая природа. Вот два человека. Однокашники, сослуживцы, родственные профессии. А какая огромная разница между ними. Сложное это явление — человек.

Видя, что его душевные излияния не находят отклика, Крюков встал.

— Я могу быть свободен?

— Да, да. Пожалуйста.

После ухода Валерия Осиповича Молчанов встал из-за стола, подошел к форточке. Захотелось вдохнуть свежего воздуха. В окно он увидел Голубева и всю комиссию. В ожидании машины они что-то оживленно обсуждали. В это время из здания вышел Крюков. После минутного замешательства он ринулся к Голубеву. Обе руки его взметнулись, как крылья большой птицы, готовые к дружеским объятиям. Но вскоре тут же вяло опустились вниз. Голубев и его товарищи отвернулись от него и пошли по тротуару, продолжая свой оживленный разговор.

НЕУКРОТИМЫЙ ГОРБУХИН

Заявление, присланное в прокуратуру города Приозерска, было довольно необычным. Большая группа рабочих и служащих фабрики имени 1 Мая просила разобраться в причинах недавней кончины председателя профсоюзного комитета фабрики Павла Сергеевича Родникова и обвиняла в ней Савелия Горбухина, когда-то работавшего на этом же предприятии. Среди подписавших коллективное письмо были начальники цехов, мастера, передовики производства — люди, известные всему Приозерску.

Прокурор города старший советник юстиции Герасимов был опытным юристом, сталкивался в свой деятельности с самыми разнообразными ситуациями, и такое письмо с фабрики озадачило его.

Первомайцы писали: «Мы знаем, что Савелий Горбухин не стрелял в Родникова, не наносил ему смертельных ножевых ранений. Но тем не менее утверждаем, что он, именно он, виновен в безвременной кончине замечательного человека. Если тщательно разобраться в действиях Горбухина, то может статься, что не только трагический конец Родникова, но и еще несколько подобных случаев тоже лягут на его совесть. Это мы, разумеется, предполагаем. Но вот что на фабрике есть немало людей, которым указанный гражданин, безусловно, сократил жизненные сроки,— это утверждаем со всей ответственностью. И, по нашему мнению, органы, стоящие на страже советских законов, должны более решительно защищать честных людей от кляуз и наветов, воздавать по заслугам тем, кто попирает нормы социалистического общежития...»

Герасимов вызвал советника юстиции 2-го класса, помощника прокурора Скворцова:

— Юрий Сергеевич, ознакомьтесь с этим документом, и давайте посоветуемся, что будем предпринимать.

У Скворцова, так же как и у самого прокурора, возник-

ло немало недоуменных вопросов. Как это проверить? Как установить? Да и может ли быть такое? Очень уж сгущены краски. Выслушав его горячий монолог, Герасимов проговорил:

— Все правильно, Юрий Сергеевич, ваши сомнения я тоже разделяю. Возбудить уголовное дело против Горбухина мы не имеем юридических оснований. Но разобраться надо. Мнение целого коллектива — не шутка, отмахнуться от него мы не можем.

— Чтобы проверить разные случаи и предположения, приведенные в письме, надо вызывать десятки людей, знакомиться с документами, запрашивать организации. Да и Горбухина потревожить придется.

— Вызывайте, проверяйте, запрашивайте... Но вот с вызовом Горбухина не спешите. Сначала давайте убедимся, есть ли основания для этого.

Через день или два Скворцов приехал на фабрику имени 1 Мая. Секретарь парткома фабрики Стороженко встретил его обрадованно:

— Это хорошо, что вы прибыли к нам. Может, и поможете... Очень бы хотелось... Нельзя, чтобы такие горбухины портили людям жизнь.

На изучение толстых папок, врученных Скворцову на фабрике, ушло три дня. Уже прочитав первую, парткомовскую, Скворцов подумал, что первомайцы не без основания прислали свою гневную петицию в прокуратуру. Однако привыкший к скрупулезному изучению фактов, советник юстиции одернул себя: рано думать о выводах, надо разобраться во всем тщательней.

Читая письма, жалобы и заявления Горбухина, Скворцов хотел определить, какие проблемы его более всего интересуют. Однако от этого намерения пришлось отказаться. Горбухина занимало большое и малое, главное и второстепенное, личное и общественное. Он писал и «о недопустимых прорехах» в деятельности фабрики имени 1 Мая, и «о неблаговидных делах» ее руководителей, «о сплошном жульничестве» в торговых точках Приозерска, о «преступно-халатном» судействе недавно состоявшегося здесь футбольного матча, освещал «крупные упущения» в работе городского парка культуры и соседнего с Приозерском совхоза. Писал еще о многом другом.

Но при всем многообразии интересов Горбухина объек-

том его особо пристального внимания была его родная фабрика.

Несколько лет назад здесь по требованию пожарного надзора заменили деревянный пол на ксилолитовую плитку. Чище, безопаснее. Горбухин усмотрел в этом криминал и написал по сему поводу несколько заявлений в самые различные адреса. В них он ставил два вопроса: зачем понадобилось менять хороший деревянный пол на плитку? И куда делась торцовая шашка после замены пола? Объясняли ему это не раз и не два, и устно, и письменно. Показывали акты на списание пропитанных маслами и эмульсией шашек. Получив ответ, он... строчил новую бумагу...

Приобрела фабрика за счет своих прибылей десяток бакинских установок для кондиционирования воздуха — для конструкторского бюро, красных уголков, техкабинета и прочих нужд. Неосмотрительными оказались руководители фабрики и допустили оплошность — установки были смонтированы также в кабинетах директора и главного инженера. Об этих «барских замашках» руководства фабрики, о растранжиривании государственных средств горбухинские сигналы поступили в восемь или девять инстанций. Шли они и после того, как и директор, и главный инженер отказались от «непозволительной роскоши».

В папке фабричного комитета Скворцов прочел несколько писем и ответов на них по поводу неблаговидного поведения начальника красильного цеха Чеснокова.

В пространном — на семи страницах — заявлении в народный контроль Горбухин писал, что Чесноков занимается спекуляцией автомашинами. Была у него «Волга», он продал ее куда-то на юг. Купил следующую «Волгу» и тоже продал. Сейчас разъезжает на новеньких «Жигулях». И все это сходит Чеснокову с рук, ибо у него друзья-приятели в дирекции фабрики и городском торговом отделе...

Специальная комиссия, созданная городским народным контролем, все скрупулезно проверила. Чесноков действительно имел старую «Волгу» и, проездив на ней четырнадцать лет, сдал в комиссионный магазин. Затем купил «Жигули». Никакой «следующей» «Волги» у него не было. И продал старую, и купил новую машину он по всем существующим на этот счет правилам.

Выводы комиссии не удовлетворили Горбухина. Пошло письмо в область, затем в Москву. «Автомобильным махи-

нациям» Чеснокова было посвящено одиннадцать посланий. И столько же было дано ответов.

Когда Скворцов со вздохом закрыл третью толстенную папку с эпистолярными опусами Савелия Горбухина, он вновь вернулся к мысли, которая возникла у него и раньше: почему руководители фабрики, тот же Чесноков и многие другие люди, которых так рьяно костил Горбухин, столь терпеливо и безропотно сносили и сносят его наскоки, почему оправдываются в несуществующих грехах? Ведь есть советские законы, по которым человек за клевету должен нести ответственность...

Эти вопросы он задал секретарю парткома Стороженко. В парткоме в это время было несколько активистов, и когда они услышали вопросы Скворцова, раздался скептический смешок, а секретарь партийного комитета в свою очередь спросил Скворцова:

— Вы с Горбухиным еще не встречались?

— Пока нет, собираюсь.

— Вот тогда вам все будет ясно.

...Скворцов посмотрел на часы. Время близилось к десяти. Он поймал себя на мысли, что, пожалуй, волнуется перед этой встречей. За две недели он прочитал столько писем, заявлений, разного рода петиций Горбухина и ответов на них, что у него уже сложился зримый образ этого человека. Однако к столу подходил не маленький сухонький старичок, убеленный сединами и согбенный под бременем прожитых лет, как ожидал Скворцов, а мощный, дородный мужчина, с розовым черепом и столь же розовым от избытка жизненных сил и неистраченной энергии лицом. Маленькие белесоватые глаза смотрели с прищуром, испытующе. Голосом столь же мощным, как и вся комплекция, он поздоровался:

— Здравствуйте, товарищ прокурор. Я — Горбухин Савелий Кириллович. Явился по вашему вызову.

— Здравствуйте, Савелий Кириллович, и присаживайтесь,— пригласил Скворцов.

Усевшись в кресло и пытливо вглядываясь в лицо советника, спросил:

— Так по какому поводу я приглашен в столь уважаемое учреждение?

— Прежде всего, Савелий Кириллович, мне бы хотелось познакомиться с вами. Вы не против?

— Нет, но, однако, хотел бы уяснить, на какой предмет? С какой целью?

— Ну, просто, чтобы понять вас, уяснить ваши устремления.

— Устремления мои, товарищ прокурор, единственного направления — каленым железом выжигать недостатки. Что касается моей личности...

Рассказывал о себе Горбухин долго и тягуче. Останавливался только затем, чтобы попить водицы из графина, что стоял на столике прямо перед ним. Скворцов не прерывал его ни одним словом, хотя надо было иметь и редкую выдержку, и терпение, чтобы выслушивать обычную, ничем не примечательную биографию на протяжении двух с половиной часов. Правда, некоторые жизненные эпизоды Горбухин пробегал мельком, а иные «узловые вехи» на своей жизненной стезе излагал с деталями и нюансами.

Когда-то работал он в Приозерском городском театре. Роли играл самые рядовые, на ведущие его не пускал главный режиссер. И по простой причине — «боялся дать развернуться горбухинскому таланту». Горбухин решил «отстоять свое право». Выступил на профсоюзном собрании и разгромил главрежа за консерватизм, подражательство, зажим «молодых сил» и прочее. Пошли на главрежа жалобы в самые важные инстанции — одна, другая, третья. Писалось в них многое — и о бездарности режиссуры театра, и о том, что пьесы здесь принимаются только от узкого круга знакомых, и о том, что главреж ходит в костюме, сшитом из вельвета, предназначенного для одевания сцены, и о том, что такие и такие-то актрисы «вполне возможно, любовницы главрежа». Но... Коллектив театра, которому было поручено обсудить сигнал, к удивлению Горбухина, единодушно отверг их все до одного и поддержал главрежа...

Затем Савелий Кириллович оказывается в областном гастрольном театре, в ансамбле песни и пляски, возглавляет Дом культуры одного из предприятий, и наконец — фабрика имени 1 Мая. Сначала — художественный руководитель коллектива самодеятельности. Потом — в отделе снабжения, позже — в красильном и ткацком цехах. Везде находились люди, с которыми Горбухин незамедлительно вступал в борьбу. Наконец, оказался он в фабричной охране. Должность дежурного инспектора не очень завидная, но не трудоемкая, перенапряжение бывает редко. И время свободное есть. Недостатки опять же хорошо за-

метпы, когда ходишь по фабрике и проверяешь, как соблюдаются режим, правила внутреннего распорядка.

Но беспокойные фабричные инженеры придумали автоматизацию контрольных постов, и потребность в инспектуре охраны таким образом сократилась. Встал вопрос о сокращении нескольких работников, и Горбухина в том числе. Обсуждался он в дирекции, в парткоме, па заседании фабричного комитета. Предложения о переходе в какой-либо цех к станку или, допустим, в кладовую Горбухин категорически отверг. Его поуговаривали и сократили. Оговорились при этом, что, если у Савелия Кирилловича появится желание работать, ему непременно найдут дело. Горбухип обжаловал свое сокращение в фабком, горком, ЦК профсоюза. Увольнение признается правильным. Правильным признает его и народный суд. Горбухин жалуется на «расправу с ним» в республиканские и союзные организации. Считает это дело незаконченпым и по сей депь...

Скворцов, слушая Горбухина, внимательно наблюдал за ним и пе мог не отметить про себя цепкую и злую память этого человека. Ни для кого не пашлось у него доброго человеческого слова, в поведепии всех людей, с которыми сталкивался в жизни, он видел только корысть. Ни на йоту пе сомневался Горбухин в своей правоте, был глубоко убежден, что все люди мстили ему, не давали проявить себя.

Когда Горбухин закончил свое пространпое жизнеописапие, Скворцов спросил:

— А семья у вас была, Савелий Кириллович?

Горбухин ответил витиевато:

— Это плохая примета для меня, и теперь я не вяжу узлы брака. Были у меня три попытки свить гнездо, но все три избранницы оказались мотыгами.

— Это как же?

— Ну, все себе да себе.

— Понятно,— скупо улыбнулся Скворцов и попросил:

— А теперь расскажите подробнее о вашей последней беседе с председателем фабричного комитета Родниковым. Помпите ее?

— Ну, а как же, помню, до единого слова.

И Горбухин начал рассказывать — подробно, с деталями, с передачей прямой речи и своей, и Родникова. Под конец повествования даже выразил свое сожаление по поводу данного прискорбного случая...

Пространный монолог Горбухина до зримой ясности

помог Скворцову представить ту сцену, которая разыгралась в профсоюзном комитете фабрики имени 1 Мая.

...Разговор в фабкоме был длинный, и председатель фабкома то и дело посматривал на настенные круглые часы, давая понять собеседнику, что их разговор пора завершать. Однако на сидевшего перед ним Горбухина это не производило ни малейшего впечатления. Сверля Родникова взглядом, тихо и монотонно продолжал:

— Значит, по пункту шестому, Павел Сергеевич, мы тоже с вами не сходимся? Так. Очень существенный, скажу вам, факт. Сожалею, Павел Сергеевич, сожалею. Но делать нечего. Пойдем дальше.

Родников передернул плечами. Сдерживая раздражение, проговорил:

— Сходимся, не сходимся... Мы же с вами не дипломатические переговоры ведем. Я объясняю вам, и, кажется, внятно, русским языком, что эти трое ребятишек приняты в наш пионерский лагерь законно, решением лагерной комиссии и фабричного комитета.

— Но вы не можете отрицать, что они посторонние, к фабрике отношения не имеют?

— И не отрицаю. Но их родители будут работать в лагере — и повара нам нужны, и врач тоже. Это обычная практика, одобренная вышестоящими организациями.

— Ну что же, разберемся и в этом, узнаем, что это за вышестоящие организации, которые одобряют такую, в сущности, блатную практику.

— Ну зачем же вы такое говорите, товарищ Горбухин! Объясняю вам еще раз: если у предприятия нет своих подходящих кадров для лагеря, то оно может — понимаете, может! — привлечь нужных специалистов из других организаций и может в этом случае взять ребят привлеченных работников в детский сад или пионерский лагерь. Это не возбраняется.

— Ну да, ну да. А дети своих работников пусть болтаются в городе?

— Почему? У нас же три потока. И мы, как правило, всех своих ребят обеспечиваем путевками.

— Ладно, Павел Сергеевич. Этот пункт мы с вами уже обсудили. Я, разумеется, не согласен с вами и оставляю за собой право принимать последующие меры. И я их приму. Пойдемте дальше. Коснемся теперь некоторых других

проблем. Объясните мне, почему это вы так расщедрились и отвалили отдельную квартиру Кругликову? За какие такие заслуги?

— Объясняю, Савелий Кириллович. Вопрос этот решался руководством и общественностью цеха, жилищной комиссией фабрики, фабричным комитетом и затем исполкомом райсовета.

— Вот-вот. Вместо того чтобы каленым железом выжигать аморалку, вы ее поощряете...

Родников удрученно вздохнул:

— Не надо так говорить, Савелий Кириллович. Дело это известное. Не Кругликов жену оставил, а она его. И давно, более десяти лет назад.

— Да, есть такая версия. Суть, однако, не в том. Вы знаете, почему Кругликову понадобилась отдельная квартира? Чтобы предаваться своим обывательским, мещанским утехам...

Родников болезненно поморщился, перевел взгляд на блокнот Горбухина и спросил:

— У вас еще много этих самых пунктов?

— А вы что, не имеете желания выслушать? Надоело?

— Не в этом дело, Савелий Кириллович. Ведь все эти сигналы мы в вашем присутствии обсуждали в дирекции, в парткоме, в группе народного контроля, на фабричном комитете. Даны исчерпывающие ответы во все инстанции, куда вы слали свои сигналы. Сегодня эти же дела мы опять обсуждаем вот уже третий час. Поймите, у меня ведь и другие заботы есть.

Горбухин с шумом захлопнул свой объемистый блокнот и, устраивая его в пухлую кожаную сумку, с ухмылкой проговорил:

— Одним словом, вы мне предлагаете, по Чехову, по Антону Павловичу,— позвольте вам выйти вон? Так я вас понимаю?

— И в мыслях такого не было. Вы меня не так поняли, Савелий Кириллович.

Горбухин вновь достал свой блокнот и невозмутимо продолжал:

— Итак, мы подошли с вами к пункту седьмому. Он касается отстранения от работы Глафиры Кольчугиной. Что можете сказать по этому поводу?

— А о чем тут говорить? Кольчугиной санэпидемстанцией рекомендовано подобрать другую работу. Вне пищеблока. Подбираем.

— А почему так легко согласились с этими рекомендациями?

— Потому, что врачи знают эти дела лучше нас.

— Разберемся, разберемся и с врачами.

Через час собеседники дошли до тринадцатого пункта.

Когда Горбухин перевернул очередную страницу блокнота и своим басовито-хриплым голосом проговорил, что пойдем, мол, дальше, Родников не выдержал: приступ неистового гнева навалился на него тяжелой, неудержимой волной, и он, грохнув рукой по столу, взревел:

— Ну, хватит, Горбухин! Все, сил больше нет. Кончаем. Иначе я за себя не ручаюсь!

Горбухин взглянул на Родникова, на его побелевшие в гневе глаза и понял, что предфабкома не шутит. Торопливо прихватив блокнот и сумку, он подался к двери. И уже оттуда изрек:

— Хорошо, я удаляюсь. Но до скорой встречи, Павел Сергеевич. До очень скорой встречи... И вы очень пожалеете об этой своей акции.

Родникову не хватало воздуха, дышать стало трудно. Он подошел к окну, открыл фортку... Но сердце не выдержало и остановилось.

Медики делали все возможное, но вернуть к жизни Родникова не удалось.

...Горбухин закончил наконец свое длинное-длинное повествование и, замолчав, вопросительно посмотрел на советника. Скворцов долго молчал. Ни слушать больше Горбухина, ни задавать каких-либо вопросов не хотелось. В сущности, все было ясно и без них. Однако не все было ясно Савелию Кирилловичу:

— Вы сказали, что интересуетесь моей личностью. Я изложил вам все досконально, как на исповеди. Полагаю, теперь вы яснее представляете, с кем имеете дело. Ни биография, ни совесть не имеют ни одного темного пятнышка.

Глубоко вздохнув, Скворцов проговорил:

— А вы знаете, Савелий Кириллович, многие на фабрике считают, что именно вы явились причиной смерти Родникова.

— Даже так?

— Да, именно так.

— А что же вы думаете по этому поводу, как слуга закона?

— Скажу вам откровенно, Савелий Кириллович, что я

согласен с первомайцами. И еще хочу вам дать совет. А если точнее, то сделать предупреждение. Критикуйте, боритесь с недостатками. Но не шельмуйте людей. Законы наши вы, полагаю, знаете — они могут и вас коснуться. Направляйте свою кипучую энергию на дело, на искоренение того, что действительно нам мешает, а не на то, чтобы беспочвенно порочить людей.

На лице Горбухина застыла скептическая ухмылка, белесоватые глазки щурились многообещающе.

— Вы все сказали? — спросил он Скворцова.

— Все, Савелий Кириллович.

Через несколько дней Скворцова вызвал к себе прокурор города Герасимов. Перед ним на столе лежало объемистое, страниц в пятнадцать, заявление.

— На меня? — спросил Скворцов, показывая на бумагу.

— На вас. И конечно, знаете, от кого.

— Догадываюсь. Опять Горбухин «каленым железом» выжигает недостатки, теперь уже у нас, в прокуратуре?

— Да, именно.

Оба помолчали.

Герасимов кивнул на заявление:

— Объяснение придется писать,— сказал он.

— Придется,— со вздохом согласился Скворцов.

...Объяснение Скворцову пришлось писать не одно. Немало их написали и другие приозерцы. Не избежал этой участи и сам прокурор, ему тоже пришлось два или три раза объясняться по поводу «незаконных действий» в отношении гражданина Горбухина...

Как-то Скворцов столкнулся с Горбухиным на троллейбусной остановке. Поздоровались как старые знакомые. Советник спросил, как, мол, поживаете, Савелий Кириллович, тот с ухмылкой, заговорщически спросил:

— Не слышали, когда приезжает комиссия?

— Какая комиссия, Савелий Кириллович?

— Ну, ну, не темните, вы-то ведь должны быть в курсе. Самая что ни на есть высокая.

— Нет, представьте, ничего такого не слышал.

— Ну ничего, скоро все прояснится.

Горбухин знал, что говорил. На столе Генерального прокурора страны уже лежала пухлая папка с копиями многочисленных петиций Горбухина и его новое подроб-

нейшее заявление об игнорировании сигналов, непринятии мер, о массе неблаговидных дел в Приозерске, и в том числе в Приозерской прокуратуре. И Савелий Кириллович ждал приезда самой что ни на есть авторитетной комиссии из центра для разбора его сигналов.

Неукротимый Горбухин продолжал свою неукротимую деятельность.

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТОТ МИЛЛИОН?

У газетного киоска на Фрунзенской набережной — места назначенной встречи — стоял старик лет семидесяти или около того, с красноватым, испещренным склеротическими жилками лицом, белесыми, выцветшими глазами, с ежиком коротко подстриженных волос. Одет в серый коверкотовый, старого покроя, костюм и синее габардиновое пальто.

Шагнув навстречу, он хрипловато представился:

— Юрий Яковлевич Зеленцов.— И, заметив, что представление не произвело впечатления, обеспокоенно спросил:— Не помните меня? Ну, а историю с нейлонщиками?

История с нейлонщиками в свое время была широко известна в Москве и в памяти действительно осталась. Несколько лет назад в артелях промкооперации орудовала довольно крупная и хорошо сколоченная группа дельцов, организовавшая частный выпуск и сбыт товаров массового спроса. За счет завышенной отчетности о расходе материалов на плановую продукцию, путем скрытой выработки сырья на заводах-поставщиках дельцы создавали необходимые запасы исходных материалов для изготовления женских блузок, косынок, платков, мужских сорочек и прочих изделий. Через соучастников, работавших в торговых точках, они сбывали свою продукцию населению, наживая немалые барыши. Наконец следственными органами нейлонщики были разоблачены и предстали перед судом.

В период следствия неоднократно возникал вопрос о Зеленцове — начальнике снабжения одного из промкомбинатов, в артелях которого тоже были вскрыты крупные махинации. По элементарным законам логики не могло быть, чтобы начальник такого отдела, не один год проработавший в промкомбинате, не знал о том, что творится в артелях. Все это было так. Но предположения, как и логические выводы,— не доказательство преступления. И Зеленцов, пре-

красно понимая это, на следствии вел себя довольно уверенно.

— К преступной деятельности отношения не имею. Если у следствия есть какие-либо фактические данные — прошу предъявить. Возможно, я допустил беспечность, не углядел жуликов, сротозейничал. Но выявление их и не входило в мои функции. Так что судить меня не за что.

На суде он выступал в качестве свидетеля.

На вопрос о цели сегодняшней встречи Зеленцов ответил не сразу. Он вытащил из помятой пачки сигарету, медленно прикурил от потертой зажигалки и в той же мрачноватой манере проговорил:

— На встрече я настаивал не для того, чтобы ворошить ту старую историю. Нет, дело в другом... Цель не совсем обычная... Я хочу получить совет... Куда мне деть свои накопления? Их много. Почти миллион... И он мне не нужен.

Невольно подумалось: гражданин явно не в себе, видимо, нездоров.

Зеленцов поднял глаза, взгляд его был пристален и вполне осмыслен.

— Вы не беспокойтесь, я в ясном уме и твердой памяти. И пришел именно за тем, о чем сказал. «Нейлоновая» история кончилась для меня благополучно. Хотя сейчас я бы не стал так настойчиво доказывать свою непричастность к ней. Все течет, знаете ли, все меняется. Меняемся и мы, ох, как меняемся.

Зеленцов облокотился на парапет набережной и, глядя на вечерний, полыхающий огнями город, продолжал:

— Собственно, эта история не была началом моей биографии, как не была и ее концом. И чтобы вам было понятно, почему все-таки я пришел по такому необычному поводу, придется рассказать о моей жизни все или почти все.

Отец Юрия Яковлевича — Яков Зеленцов когда-то подвизался в качестве приказчика у одного из Ярославских торговцев. Скопив деньжат, обзавелся собственным делом по торговой же части. В период нэпа не понял сути перемен, на трудовую стезю встать не захотел и пустился во все тяжкие с подпольной торговлей. И прогорел. Сыну оставил лишь свое купеческое кредо: деньги, мол,— основа всего на свете. Не столь уж глубокая мудрость, но в сознание отпрыска она вошла крепко. К денежным знакам Юрий Яковлевич был неравнодушен с самых малых лет.

Еще учась в школе, умел обдурачивать пацанов и выпрашивать у матери лишнюю трешку. И уже тогда имел потайное местечко, где хранил свои накопления.

Именно на этой почве в строительном техникуме у Зеленцова вышли большие неприятности с комсомолом. Не могли ребята терпеть неприкрытого скряжничества и скопидомства Зеленцова. Проработали его и раз и два. Журили, предупреждали. Но когда выяснилось, что он попросту обирал многих неопытных первокурсников, поставили вопрос круто: «Кончай, Зеленцов, иначе окажешься вне наших рядов». Обещание было дано, но вскоре же нарушено. Его исключили из комсомола, но дали возможность закончить учебу. Зеленцов был рад такому обороту дела — могло случиться хуже. К окончанию техникума в чемодане Зеленцова, под старыми газетами, лежали пять тугих пачек по тысяче каждая.

Война прервала его коммерческие устремления. В составе строительного батальона он строил дороги, мосты и переправы. Когда же вернулся к мирным делам, стала настойчиво сверлить мысль: как наверстать упущенное...

Как-то на завод в Красногорск, где в управлении капитального строительства работал Зеленцов, приехала комиссия для отбора специалистов на стройку родственного завода в Зауралье. Заработки были обещаны большие, и Зеленцов вызвался отправиться туда. Ему дали должность технолога в отделе материально-технического снабжения. Должность скромная, но возможности она открывала широкие. Строительство завода крайне нуждалось в лесоматериалах, занаряженная древесина поступала с перебоями. Руководство стройки приняло решение освоить свою лесосеку в верховьях реки Талызы, на берегу которой сооружался завод. Возглавить лесозаготовительный участок вызвался Зеленцов. Выбор на него пал не случайно. Место для организации лесосеки предложил он. Изредка шатаясь с ружьишком по прибрежным лесам, Зеленцов высмотрел его давно. В верховьях, около серых камней, Талыза делала крутой поворот, и в заводи скапливался лес, застревавший во время сплава. Вскоре стройка вздохнула свободно — древесина стала появляться в изрядном количестве. А то, что она была не столько заготовленной на лесосеке, сколько взятой из сплава,— это было известно только Зеленцову да его ближайшим помощникам.

Юрий Яковлевич потирал от удовольствия руки. В его коричневом чемодане, под нехитрым мужским имущест-

вом, уже в несколько слоев лежали пачки ассигнаций.

А вскоре подвернулся случай самый удачливый, как сам оценил его Зеленцов. Приехал в Зауралье один его знакомый, работавший в главке. Именно он рекомендовал Юрию Яковлевичу податься сюда. Сидели в ресторане, выпили изрядно. Когда Зеленцов, рассчитываясь, стал тщательно шарить по карманам, демонстрируя скромность своих возможностей, его приятель с пьяной прямотой заметил:

— Не изображай бессребреника. Знаю тебя. Шайбы у тебя водятся.— И, наклонившись, доверительно прошептал:—Только цена им скоро будет иная. Да-с, дорогой мой, иная. Кто имеет много — будет иметь мало.— И, ухмыляясь, пошутил: — «Не храните деньги в кубышке, храните на книжке».

По пути к дому Зеленцов кое-что выведал у не в меру болтливого командированного. Хотя тот старался говорить намеками, Юрий Яковлевич уразумел многое. И весь следующий день потратил на встречи со своими знакомыми и дружками. Его деловую хватку знали и безбоязненно вручали накопленные суммы. Еще через день Зеленцов срочно отбыл в областной центр к врачам. С ним был тот же коричневый фибролитовый чемодан, но его содержимое изрядно пополнилось — он был почти доверху набит денежными купюрами. В областном центре они были сданы в разные сберегательные кассы. Приятели же и друзья получили одинаковые телеграммы: «Операцию делать отказались. Еду в Москву». Это означало, что пристроить взятые деньги в сберегательные кассы пока не удалось. А после объявления реформы все клиенты Зеленцова получили почтовые переводы с суммами в десять раз меньшими, чем ему вручали, то есть в точном соответствии с новым обменным курсом. На переводных бланках для всех был один текст: «Извини, браток, задуманное не удалось, делал все, что мог. Шайбы возвращаю полностью. Зеленцов».

Конечно, далеко не все поверили в бескорыстие Зеленцова, но что можно было сделать? Тем более что Юрий Яковлевич счел благоразумным не возвращаться в Зауралье. Ссылаясь на внезапно обрушившуюся на него болезнь, он запросил со стройки свои документы в Москву, до востребования.

Эта «операция» дала Зеленцову довольно изрядный куш. «Пофартило, как бывает редко»,— думал Зеленцов, нащупывая зашитые в подкладку пиджака три сберегательные книжки.

Он решил устроиться на жительство в столице. Это, однако, оказалось не так-то просто. В жилищных органах его выслушивали вежливо, но просьбе удивлялись:

— Но позвольте, вы же не москвич. И не работаете. О какой квартире может идти речь? Начинайте с трудоустройства.

— Больной я, понимаете... На Севере долго работал.

— Найдите посильное дело. Люди-то везде нужны.

Люди были действительно нужны каждому заводу, каждой стройке, каждому учреждению. Об этом пестрели афиши, взывали газеты, радио. Зеленцов, однако, не спешил. Он твердо решил найти такое место, где бы можно было преумножáть накопления, а не проживать их. Пятьдесят тысяч... Хорошо, конечно. Но вот если бы сто... А сейчас что же? Обоснуюсь с жильем — и опять сумма уменьшается. Да, маловато, явно маловато.

Зеленцов устраивается экспедитором в транспортное управление междугородных перевозок. Это очень удобно — можно сочетать служебные поездки со своими делами.

Три года подряд он, скупая фрукты на юге, переправляет их на рынки Архангельска, Мурманска и других северных городов. Потом снабжает дефицитными строительными материалами дачников двух крупных промышленных центров. Не гнушается перепродажей ширпотреба, купленного в портовых городах, и даже торговлей вениками из сорго... При этом неукоснительно следует своему правилу — своевременно выйти из дела, сняв с него пенки. И когда те или иные контрольные органы начинали заниматься подозрительной группой и ее нечистыми делами, Юрий Яковлевич уже шуровал в другой сфере. Именно это и позволило ему долгое время безнаказанно обделывать свои делишки.

Вот только торговля перекупленными фруктами обернулась неприятностями. Один из его компаньонов, привезший в Архангельск яблоки, запутался в объяснениях с дирекцией рынка. Груз конфисковали. Зеленцова и его компаньонов привлекли за спекуляцию.

Следователь, занимавшийся делом, не верил искренним раскаяниям и сокрушенным стенаниям Юрия Яковлевича, требовал подробного рассказа «о прежних спекулятивных и прочих операциях». Но ни о чем таком Юрий Яковлевич рассказывать не собирался. Конкретных же фактов у следователя все-таки не было. Имущество подследственного оказалось мизерным, характеристику с места работы дали

ему положительную, и молодой служитель закона скрепя сердце дознание по делу счел законченным, хотя и чувствовал, что до истины все же не добрался.

Зеленцова, учитывая его чистосердечные раскаяния и фронтовые заслуги, осудили к трем годам лишения свободы условно.

В транспортное управление возвращаться было невыгодно — понимал Зеленцов, что прежнего доверия уже не будет. Он устраивается в систему промкооперации, ведает снабженческими делами промкомбината. Через три года возникает дело «нейлонщиков». Удачно вынырнув из него, Зеленцов вновь возвращается на транспортную стезю. Должность подыскал поменьше, но зато возможности для посторонних вояжей значительно шире. Однако из дела «нейлонщиков» сделаны выводы. Юрий Яковлевич стал еще осторожнее, изворотливее, хитрее. Более аккуратно подбирал компаньонов, скрупулезно взвешивал каждую затевавшуюся «операцию». И вскоре взносы на счета в сберкассах, приостановившиеся было, стали возрастать вновь. Чтобы не вызвать подозрения у работников сберкасс, Зеленцов являлся туда чисто выбритым, надушенным, демонстрировал этакое пренебрежительное отношение к «презренному металлу». Внося очередной куш, давал понять, что трудится в «особых сферах». «Высоко летаем, дела наши государство оценивает щедро. Так что принимайте еще один взнос».

И все же опасение, что его крупные вклады могут кого-то заинтересовать, не проходило. И Зеленцов решил часть средств превратить в вещественные ценности. Свою двухкомнатную кооперативную квартиру он оснастил всем, что имело цену,— тяжелой старинной мебелью, коврами, целый набор дорогих инкрустированных ружей красовался в шкафу, полки в ореховом серванте гнулись от хрусталя. А под гардеробом, в переносном железном ящике, хранились золотые украшения, драгоценные камни. Назначения этих вещей Зеленцов даже не знал толком, куплены они были лишь потому, что стоили дорого.

Но теперь жизнь стала у Юрия Яковлевича более хлопотливой, постоянно донимала тревога за квартиру с коврами, ружьями, хрусталем, за тяжелую шкатулку под гардеробом. Возникла даже мысль: не жениться ли? Пока ни одна женщина не западала в его сердце. Одна мысль, что с кем-то придется делиться своими сокровищами, бросала его в дрожь, и он, торопливо отдариваясь какой-

нибудь безделушкой, рвал непрочные нити своих связей.

Возникшие мысли о женитьбе он отгонял беспощадно. Однако поездка в Смоленск чуть было не связала его узами Гименея.

Будучи в этом городе по делам своего транспортного управления, зашел он на почту, чтобы отбить телеграмму об успешном завершении командировки. Работник почтового отделения Кочеткова, принимавшая телеграмму, произвела на Зеленцова впечатление. Высокая, дородная, с копной бронзовых волос, с зеленоватыми глазами, она заставила его сердце забиться чуть чаще. Разговорились. Юрий Яковлевич посетовал на одиночество в незнакомом городе. Кочеткова одобрительно откликнулась па его вздохи. Вечером побывали в кино, завернули в ресторан, потом отправились к Кочетковой. Утром он уехал и довольно скоро стал забывать смоленское приключение. Но примерно через месяц получил телеграмму. Кочеткова сообщила, что приезжает. Зеленцов подумал было о том, чтобы экстренно отбыть в командировку. Но, вспомнив копну бронзовых волос и зеленые глаза, изменил решение и отправился на вокзал.

— Куда, Валерия Федоровна? Ко мне или в гостиницу?

Валерия удивилась:

— Зачем же в гостиницу? У тебя что, места не хватит?

— Нет, почему же...

— Тогда о чем разговор?

Оглядев антикварное убранство квартиры, она проговорила:

— Богато, богато живем, Юрий Яковлевич. А работаем всего лишь экспедитором? Значит, комбинируем и ловчим?

У Юрия Яковлевича екнуло сердце. Нюхом, что ли, учуяла? Вот ведь чертова порода, эти женщины!

Через неделю Валерия Федоровна потребовала сменить дорогой сердцу Юрия Яковлевича антиквариат на современную мебель, заявив, что жить в этом затхлом музейном уюте не будет. Потребовала знакомства с его друзьями.

— Пусть ходят к нам, мы будем ходить к ним.— Предупредила, что жить они будут «по-людски».

Может, Юрий Яковлевич и смирился бы, может, привык и приспособился бы жить «по-людски», но подвернулось «дело», которое предрешило роковой исход их неоформившейся семейной жизни.

В один из дней, когда Юрий Яковлевич со скорбью на-

блюдал, как Валерия Федоровна решительно перестраивает его быт, водворяя в квартире новую, модерновую мебель, зашел к нему Яша Гмырев — его давний компаньон. Они удалились в прихожую и стали обсуждать свои планы. «Дело» обещало быть довольно привлекательным. В адрес одной из строек шла баржа с цементом, которую транспортному агентству предстояло разгрузить и вывезти. Но баржа в пути следования получила пробоину — наскочила на топляк. Часть груза подмокла. Гмырев считал, что грешно упустить столь удобный случай. Среди речников у него было двое дружков — они уже все обмозговали и согласны принять участие в «операции». А цемент позарез нужен сразу трем дачным кооперативам. У Юрия Яковлевича уже был опыт в подобных делах, и он усек сразу — упускать такой случай грешно.

В разгар «мужского разговора» в прихожую стремительно вошла Валерия Федоровна. Женщиной она была решительной и опытной. Она и вдовствовала потому, что ее первый муж угодил в края отдаленные, да так и не вернулся к ней, найдя там другую подругу жизни. Валерия Федоровна своим женским чутьем уже поняла, что Юрий Яковлевич почти слепок с ее первого супруга, и решила больше какого-либо послабления своему второму избраннику не давать, быть полностью в курсе его дел.

— Разве так принимают гостей, Юрий Яковлевич? А ну-ка в комнату. Там уже все готово.

— Да мы сейчас, сейчас придем,— попытался отбить ее натиск Юрий Яковлевич.

Однако Валерия Федоровна была непреклонна, и обсуждение плана пришлось прервать. Но этим дело не кончилось. По уходе Гмырева между Юрием Яковлевичем и его сожительницей состоялся решительный разговор.

— Темными делами занимаемся?

— Почему темными? Обычные служебные дела.

— Так вот — отныне ни шагу без моего ведома. Я сама не святая, но должна быть в курсе.

Зеленцов понял, что Валерия Федоровна из тех женщин, которые могут согнуть в дугу и не таких хлипких представителей мужского пола, как он. И если она укоренится в его обители — ни вздохнуть, ни охнуть Зеленцову, конец всей его отлаженной жизни.

Юрий Яковлевич мужественно изрек:

— Валерия Федоровна, не заходите слишком далеко. Я буду жить, как жил.

— Ах, так? Ну так я завтра пойду куда следует, и тебе покажут, как надо жить.

Этого Юрий Яковлевич опасался больше всего. Он круто изменил тактику. Извинился перед смоленской сиреной как только мог, умасливал ее всемерно. И уговорил-таки Валерию Федоровну вернуться в родные края. Правда, отбыла она вместе со всеми «модерновыми» вещами, что приобрела за эти две недели. Да еще потребовала три тысячи за... моральный ущерб. Юрий Яковлевич был рад такому обороту дела. Могло кончиться ведь куда хуже.

Прерванные переговоры с Гмыревым возобновились, и очередное «дельце» было вскоре осуществлено, убытки, понесенные из-за вторжения Валерии Кочетковой, теперь не так саднили сердце Юрия Яковлевича.

Но слова, сказанные Валерией по приходе в квартиру Зеленцова: «Богато живем, при такой-то скромной должности. Значит, комбинируем и ловчим», прочно засели в его сознании. Припомнилось в этой связи и «архангельское дело». Тогда в приговоре было учтено, что «сколько-нибудь ценным имуществом подсудимый не обладает».

«Да, пожалуй, вывернулся я из той передряги,— думал Зеленцов,— в значительной степени благодаря тому, что не было у меня столь весомой и дорогостоящей недвижимости. Всего-то ничего — снимаемая комната со скудным холостяцким убранством. А случись эта история сейчас? Как бы я выглядел, скромный экспедитор транспортного управления, имеющий такую богато обставленную квартиру?»

Юрий Яковлевич принимает решение вернуться к прежнему, скромному образу жизни. Он сбывает мебель и громоздкие ценности. Подаст заявление в ЖСК об обмене квартиры из-за трудностей с оплатой пая за столь большую площадь. Скоро он снова в однокомнатной квартире пятиэтажного блочного дома, опять неприхотливый и даже убогий уют стареющего холостяка. Лишь одно условие было поставлено им при обмене квартиры — верхний этаж, «чтобы воздуха было больше». Но был для этого у Юрия Яковлевича свой особый резон — ему нужен чердак. Под гардеробом не очень надежное место для хранения шкатулки с камешками.

Жизнь снова пошла, как раньше, по испытанным, проверенным колеям. Служба, поездки, коротания вечеров в полуосвещенной блочной квартирке и радующее сердце занятие — пестрить лист бумаги столбцами цифр с итого-

вым балансом. Ах как радовал Зеленцова этот баланс, с каким щемящим чувством удовлетворения он откидывался на стуле, вглядываясь в итоговую цифру под жирной чертой!

Но раз в месяц Юрий Яковлевич нарушал заведенный распорядок своей жизни и посещал какой-нибудь московский ресторан. Он садился за угловой столик, чтобы был виден весь зал, заказывал себе одно-два изысканных блюда, бутылку вина и проводил за ней целый вечер. Правда, дома он тщательно подсчитывал убытки и, тяжко вздыхая, укорял себя за расточительство. Потом все же изрекал в оправдание: «Ничего, человеку иногда нужно встряхнуться, нужен релякс, как говорят англичане».

Так прошли годы.

После конфликта с Кочетковой Зеленцов старательнее, чем раньше, избегал женщин, полностью освободился от старых знакомств, запретил себе заводить новые.

«Сначала надо сделать главное и основное. До заветной цифры еще далеко, очень далеко». А цифра эта маячила перед ним постоянно, и определилась она в миллион. Он уверил себя, что это именно тот рубеж, достигнув которого он может наконец успокоиться. Однако до заветной цифры не хватало еще много, и Юрий Яковлевич без устали рыскал по своим компаньонам, поднимал их по вечерам с постелей, тщательно прислушивался ко всякого рода сведениям о неурядицах или неполадках в тех или иных хозяйствах. Он прекрасно знал по опыту, что именно в этих точках можно погреть руки.

Но с некоторых пор многие его планы и замыслы стали давать осечку. Друзья-приятели, не умевшие так искусно, как Зеленцов, уходить из «дела» и отбывшие свои сроки, не хотели и слушать о том, чтобы тряхнуть стариной. Вновь приобретенные компаньоны тоже шли на тот или иной сговор что-то очень туго.

— Всех денег все равно не загребешь,— говорил один.

— Работа у меня хорошая, платят прилично. На кой леший мне бешеные деньги,— заявлял другой.

— Хочу остаток дней прожить спокойно. Да и семья против,— отворачивался третий.

— Трусы, слюнтяи. Обабились и сидят под юбками. Чего боятся? — шипел он, лихорадочно перелистывая свою записную книжку и выискивая в ней другие знакомые имена.

Юрий Яковлевич хоть и ругал отчаянно отступников, но

после таких разговоров надолго выходил из себя: сдавали нервы, обострялось чувство страха и мерещилось самое страшное.

С чувством страха он, собственно, жил постоянно. Не было ночи, чтобы он не вздрагивал от каждого звонка, от каждого стука в дверь. Он всегда ходил, втянув голову в плечи, холод проходил по спине от каждого пристального взгляда сослуживцев или случайно обращенного на него внимания милиционера на улице. Но он привык к этому ощущению, сжился с ним. Сознание, что он владелец огромных сумм, что он богаче, чем любой человек, шедший по улице или работающий с ним рядом, грело радостью, снимало возникшую тревогу, растворяло наступившее уныние в радужных мыслях о том, как он будет жить потом...

Как он будет жить «потом», Юрий Яковлевич представлял себе не очень точно, хотя кое-какие мечты брезжили.

Например, дача под Москвой, обязательно на берегу реки. И чтобы с садом, гаражом, верандами. Машина, но такая, чтобы все провожали завистливыми взглядами. На юг, в Прибалтику — и чтобы в любое время, а не тогда, когда выйдет срок отпуска по графику и когда тебе соблаговолит дать путевку местком. Но все это потом, потом. Сначала надо решить главное и основное — добраться до заветной цифры. И в сторону все, что мешает этой цели.

Как-то в управлении организовалась группа для туристической поездки по Средиземному морю. Юрий Яковлевич записался тоже, а потом отказался. Целый месяц отсутствия. А как же квартира? Да и дороговато. А кроме того, именно в сентябре, кажется, выгорит «дельце» с метлахской плиткой. Если поехать — упустить его можно. Нет, отложим вояж по Средиземному морю на будущее. И отложил.

Не столько по соображениям маскировки, сколько в силу въевшейся скупости он не позволял себе купить что-то лишнее и дорогое из одежды. Костюмы обязательно перелицовывал, его видавший виды плащ был предметом иронических улыбок сослуживцев, а чтобы справить зимнее пальто, он даже обращался в кассу взаимопомощи.

Возможно, что жизнь Зеленцова и закончилась бы в его холостяцком гнезде рядом с добытыми сокровищами, что хранились в укромном уголке чердака прямо над его квартирой, да с тремя сберегательными книжками, что были

зашиты в жесткий матрац. Но пути господни, как известно, неисповедимы.

Как-то, приехав из очередной командировки, Зеленцов пришел на работу чуть раньше и обнаружил сидящую за столом напротив незнакомую молодую женщину. Он удивленно посмотрел на нее и спросил:

— Вы, видимо, наш новый сотрудник?

— Совершенно верно. Морозова Нина Сергеевна. Прошу любить и жаловать. А вы, видимо, товарищ Зеленцов?

— Юрий Яковлевич.

— Очень приятно. Надеюсь, вы мне будете помогать. Специалист я молодой, а вы тут зубры автотранспортного дела.

— Ну не такие уж мы зубры. А помощь, если нужно будет, что ж, пожалуйста, с удовольствием.

— Обязательно будет нужно, Юрий Яковлевич.— И Нина Сергеевна чуть робко, но как-то удивительно открыто и доверчиво улыбнулась Зеленцову. Юрий Яковлевич стушевался, стал что-то лихорадочно перебирать на своем столе.

Нина Сергеевна несколько раз обращалась к нему то по поводу каких-то рейсов, то в связи с поступившими с баз телефонограммами. И каждый раз дарила его своей открытой, доверчивой улыбкой.

По пути домой Зеленцов непрестанно думал о новой сотруднице. Его поразило в ней все. Ладная, спортивно-подтянутая фигура, пышные, не по-нынешнему убранные волосы, а с длинными, тяжелыми косами, широко и чуть удивленно открытые серые глаза.

На второй или третий день они вышли после работы на улицу вместе. Накрапывал осенний слякотный дождь, и, сокрушаясь по этому поводу, Юрий Яковлевич проговорил:

— В такую погоду хорошо бы в уютный ресторан или в кинотеатр. Как вы на это смотрите, Нина Сергеевна?

— В общем-то положительно. Но если в кинотеатр, то чтобы был интересный фильм, если в ресторан, то чтобы был хороший оркестр. Я ужасно танцевать люблю, Юрий Яковлевич.

— Насколько мне помнится, в «Ангаре» неплохой оркестр. Поедемте?

— Вы что, серьезно?

— А почему нет? Поужинаем, вы потанцуете, а я посмотрю. Танцор-то из меня никакой.

Вечер прошел весело, если не считать досады Зеленцо-

ва на себя за то, что он, к сожалению, не может вот так же легко и просто выделывать разные танцевальные пируэты, как это делали другие между ресторанных столов. Но его радовали веселое настроение Нины Сергеевны, ее искристый смех, благодарные взгляды, которые она бросала порой на Юрия Яковлевича. Он отвез Нину домой на такси, галантно поцеловал руку, чему она удивленно усмехнулась, и, страшно довольный собой, вернулся домой.

Повеселел Юрий Яковлевич, совсем иными красками стал представляться ему окружающий мир. Даже внешне изменился. В соседнем ателье срочно шились два костюма, знакомый директор универмага подобрал кое-какую современную экипировку.

Работники отдела заметили перемены в своем сослуживце. Кто-то пошутил:

— Вы как будто помолодели, Юрий Яковлевич. Может, влюбились на старости лет?

Зеленцова обескуражили эти слова, и он с тревогой посмотрел на Морозову: не слышала ли? Но Нина Сергеевна, занятая какими-то бумагами, не участвовала в разговоре, и Юрий Яковлевич с достоинством отпарировал:

— Любви, как известно, все возрасты покорны. Как знать, может, и влюбился. А что тут особенного? Вы что-нибудь имеете против?

Слова сослуживцев, однако, не на шутку расстроили Зеленцова. Весь день он был во власти тяжелых, мрачных мыслей. «В самом деле, я, пожалуй, дураком выгляжу. Мне же шесть десятков с гаком. Черт побери, как быстро пробежали годы. А ей? Тридцати нет. Да, пожалуй, не по зубам тебе этот орешек, Юрий Яковлевич. Не по зубам. У нее, поди, и помоложе найдутся». От этих рассуждений становилось так тоскливо, что Зеленцов, тяжко вздыхая, в который раз уже понуро выходил в коридор и жадно выкуривал там сигарету за сигаретой.

Нина Сергеевна, однако, то ли не замечала терзаний Зеленцова, то ли не очень хотела вдумываться в них. Она недавно пережила свою собственную трагедию и теперь отдыхала от нее, твердо пообещав себе не открывать своего сердца кому бы то ни было. Всего два года назад она разочаровалась в двух самых близких ей людях. По окончании института их — троих выпускников — ее, Виктора и подругу — отправили вместе работать в Армению. И именно там она потеряла сразу и подругу и жениха. Чем-то та сумела околдовать веселого, когда-то до безумия влюблен-

ного в Нину Виктора. После одной совместной поездки на Севан он и подруга объявили Нине, что отныне будут вместе. Чего стоила Нине эта новость, не знал никто. Она перевелась в другой автокомбинат и, проработав там еще два года, вернулась в Москву.

На Нину Сергеевну заглядывались многие, и знаки внимания со стороны Зеленцова она принимала как обычное проявление интереса к ней со стороны мужского сословия. Она и предположить не могла, какие бури бушуют в душе пожилого сослуживца.

А Зеленцов был во власти охватившего его чувства и вынашивал тысячи планов, как завоевать сердце Нины Сергеевны. Он скоро понял, что их интересы отличаются друг от друга, как яркий весенний день от дождливого осеннего вечера. Но это не остановило Юрия Яковлевича. Нина Сергеевна хочет в театр? Зеленцов применяет всю свою изворотливость и достает билеты на самые недоступные спектакли. Не беда, что до этого он даже не знал, где этот самый театр находится. Картинные галереи, музеи, выставки — Зеленцов даже не подозревал о том, как много их в Москве и в Подмосковье. Теперь же он под водительством Морозовой посещал их регулярно. Правда, как правило, не только с ней. Нина Сергеевна оказалась неплохим организатором, и месткомовцы были вполне довольны тем, что она каждый выходной что-то затевает коллективное: то поход в Музей Пушкина, то на какую-нибудь выставку, то поездку в Загорск или Суздаль.

Вскоре после их знакомства между ними состоялся такой разговор.

— Юрий Яковлевич, вы бывали в Загорске?

— Бывал. (Цемент с поврежденной баржи доставляли ведь именно туда.)

— Прекрасно. Завтра едем в Загорск. А в Суздале бывали?

— И в Суздале бывал. И не раз. (Когда-то Юрий Яковлевич во время своих поездок на Север усиленно интересовался знаменитой владимирской вишней.)

— Очень хорошо. В следующий выходной подадимся туда. Начнем как следует осваивать «Золотое кольцо», а потом махнем в Соловки.

— Это еще зачем? — насторожился Зеленцов.

— Но там же чудесный Спас-Преображенский собор. Крепость. Озера.

— Соловки все же далековато. Но если вы хотите...

Юрий Яковлевич покорно ходил с Ниной Сергеевной по залам музеев и выставок, старался не зевать в театре, регулярно провожал ее домой, а порой дарил ей не очень дорогие подарки. И готовился к серьезному, решающему разговору, ожидая подходящего случая. Такой случай скоро представился.

Как-то после очередного культпохода на стадион «Динамо», где проходил спортивный праздник, Юрий Яковлевич уговорил Нину Сергеевну зайти к нему в его «холостяцкую берлогу», чтобы согреться.

— Да и поговорить мне надо с вами, Нина Сергеевна, серьезно поговорить.

— Поговорить? Это о чем же? — Нина, как показалось Юрию Яковлевичу, спросила удивленно, и он замер. Вдруг откажется? Но Нина Сергеевна, поразмыслив, согласилась: — Что же, зайдем ненадолго.

И вот они у Зеленцова. Легкая закуска, бокал какого-то хорошего вина и чашка кофе настроили Нину Сергеевну на благодушный, участливый тон, и она похвалила Зеленцова:

— Я и не знала, какой у вас изысканный вкус, Юрий Яковлевич. Вы молодчага. А теперь давайте говорить. Вы же хотели обсудить что-то серьезное? Ну так я вас слушаю.

Зеленцов молчал, собираясь с мыслями. Магнитофон мурлыкал что-то вполголоса. Нина протянула к нему руку, добавила звук, и популярный тенор наполнил комнату страстным признанием:

Я вас люблю,
Я думаю о вас
И повторяю в мыслях ваше имя...

Зеленцов вздрогнул от этого голоса и хрипло проговорил:

— Вот если бы я мог выразить свои мысли так же...

Нина удивленно посмотрела на него, снова потянулась к аппарату и выключила звук. Долго пристально смотрела на Зеленцова.

— Вы именно это и хотели мне сказать?

Зеленцов поспешно сполз с дивана, встал перед Ниной Сергеевной на колени, ловя и целуя ее руки, торопливо начал говорить:

— Вы угадали. Действительно, я люблю вас, Нина Сергеевна. С первой же встречи. Голову и разум потерял. Себя не узнаю.

Морозова поспешно вырвала руки из его липких ладоней, растерянно и испуганно смотрела на Зеленцова, с неподдельным удивлением слушала его несвязную торопливую речь. Потом, улучив секундную паузу, проговорила испуганно и нервно:

— Встаньте, встаньте, Зеленцов. Зачем все это? Зачем? Ну что вы говорите такое? Неужели я дала вам какой-то повод? Ну встаньте, сейчас же встаньте. Вы просто выпили лишку, успокойтесь.

Зеленцов сел рядом. У Нины прошел испуг, она усмехнулась:

— Видите, что выдумали, старый проказник. Вот и верь после этого в вашу бескорыстную дружбу.

— Я ведь серьезно, вполне серьезно, Нина Сергеевна.

— Да что вы, Зеленцов. Разве можно о таком... нам с вами... говорить всерьез?

Зеленцов поднялся с дивана, глухо попросил:

— Подождите, пожалуйста, десять минут.— И, не дожидаясь ответа, ринулся из комнаты.

Нина проводила его удивленным взглядом и, встав с дивана, поспешно вышла в прихожую, надела пальто.

Вернувшийся Зеленцов проговорил с укоризной:

— Я же просил подождать. Зайдемте в комнату.— И, взяв Нину за руку, увлек ее за собой. Под мышкой у него было что-то завернутое в парусину. Он торопливо стал распаковывать сверток и скоро извлек тяжелую металлическую шкатулку. Ринулся к серванту и, найдя ключи, трясущимися руками открыл ее. Блеснуло золото, серьги, браслеты, камни. Взяв шкатулку в обе руки, Зеленцов подошел к Нине:

— Это все ваше, Нина Сергеевна. Все, до единого камушка. Здесь много.

Нина, прижав к груди руки, боязливо пятилась от него, словно отбиваясь от наваждения:

— Зачем это вы, зачем? Не нужно мне ничего. Ничего не нужно.

Зеленцов рывком поставил на диван шкатулку, ринулся к кровати, разбросал ее убранство, полез правой рукой куда-то глубоко под матрац и достал пакет. Нервно разорвал его и бросил на диван сберегательные книжки. Они сероватым веером разлетелись по мягкой бархатистой обивке.

— И это все будет ваше. Здесь,— он указал на книжки и шкатулку,— почти миллион. Поймите, без малого миллион.

Морозова, удивленная, ошарашенная, со страхом и жалостью смотрела на Зеленцова и не могла унять нервную дрожь. Она присела на край дивана и глухо попросила:

— Дайте мне стакан воды.— Отпив два-три глотка, не глядя на Зеленцова, сухо заговорила: — Вы извините меня, Юрий Яковлевич, я, видимо, по глупости дала вам какой-то повод для ошибочных предположений. Прошу извинить меня за это. Но поймите: ничего у нас с вами не выйдет. Ничего. Я не люблю вас. А богатство? Оно мне не нужно. Вы меня даже перепугали им. Не в сберкнижках и золотых браслетах счастье.

— Да поймите вы, глупая. Я уже на склоне лет... А вы... вы молодая, безбедно жить будете.

Морозова метнула на Зеленцова гневный взгляд:

— Купить меня собрались? Вы неудачно сделали свой выбор, Зеленцов. Извините, мне пора.— Нина Сергеевна поднялась и направилась к выходу.

Зеленцов опередил ее, встал в дверях и просяще, заискивающе взмолился:

— Нина Сергеевна, погодите еще минуту, выслушайте меня. Поймите, ведь погибну я, погибну. Все прахом пойдет. Ну подумайте, умоляю вас.— Он снова поймал ее руки, прижался к ним мокрыми скользкими губами.

Нина Сергеевна брезгливо отстранилась от него и торопливо пошла к двери. Перед тем как открыть ее, сухо и непримиримо попросила:

— И давайте забудем об этом разговоре, Юрий Яковлевич. И никогда, слышите, никогда не возобновляйте его. И вам и мне будет стыдно, если о нем будут знать люди.

— Нет, нет и нет, Нина Сергеевна, я не отступлюсь от вас, я буду надеяться. Я буду ждать и надеяться.

— Я все сказала, Зеленцов. Прощайте.

Нина захлопнула дверь, и скоро на лестнице застучали ее торопливые шаги.

Зеленцов медленно, шаркая ногами, добрел до дивана. Он долго сидел сгорбившийся, убитый случившимся. Потом потянулся к шкатулке, открыл ее. Желтоватыми бликами сверкнули золотые браслеты, искрились цветами радуги бриллиантовые колье, таинственной зеленью мерцали изумруды. Зеленцов с тяжелым вздохом собрал с дивана сберкнижки, водворил их вновь туда же, под матрац, и, поднявшись на чердак, упрятал в старый тайничок шкатулку. Вернувшись в комнату, налил полный фужер вина и выпил его залпом без роздыха.

— Что ж. Зеленцов, поздравляю тебя с полным провалом,— саркастически усмехнувшись, проговорил он.

И такая жалость к себе, такое острое гнетущее чувство невозвратно ушедшей надежды поднялось у него в душе, что он застонал от боли.

Он понимал, что не мог внушить Нине Сергеевне особых чувств. И не очень на это рассчитывал. Но ее равнодушие к благам, что предложил, никак не укладывалось в его сознании, казалось чудовищным и необъяснимым.

«Ну нет, не может этого быть. Не может,— думал он, мечась по комнате.— Чтобы женщина отказалась от такого? Чепуха. Одумается, поймет. И мы еще поглядим, посмотрим».

Он был настойчив и деятелен в своих попытках склонить Нину Сергеевну на союз с ним. По-прежнему ухаживал за ней, пытался дарить теперь уже баснословно дорогие подарки. Но все было тщетно. Подарков у него не брали, встреч избегали, а когда его настойчивые знаки внимания превратились в назойливость, то и дружески-товарищеские отношения были решительно прерваны.

И все же Зеленцов не потерял надежды, все еще уверял себя, что рано или поздно Морозова одумается и придет к нему. Так шло время. С момента их памятного разговора минуло не месяц и не два, а целых три года. А он все ждал и надеялся. Наконец этим надеждам был нанесен сокрушительный удар. Под Новый год Галя — профгрупорг их отдела — положила перед Зеленцовым подписной лист.

— С вас, Юрий Яковлевич, десятка. На свадебный подарок от коллектива.

— Это для кого же?

— Нина Морозова сочетается законным браком с Володей Чугуевым.

Зеленцов вздрогнул, побледнел. С трудом сохраняя спокойствие, проговорил:

— Вот как! А я и не знал.

Он достал десятку, аккуратно расписался в списке и задумался. Чугуев. Вот, значит, кого выбрала Нина Сергеевна. Ну что ж. Парень как парень. Не чета нам, старикам. Конечно, с милым рай и в шалаше. Но посмотрим, как вы, Нина Сергеевна, будете жить на триста рэ в месяц.

Зеленцов поднялся, подошел к столу Морозовой:

— Поздравляю вас, Нина Сергеевна.

Нина подняла глаза от бумаг и со своей — той, прежней — добродушной улыбкой ответила:

— Спасибо.

И снова углубилась в дела.

Вот теперь Юрий Яковлевич окончательно уразумел, что все его мысли и планы были химерой, что надеяться ему не на что. Он с трудом дошел до своего стола, долго сидел униженный и опустошенный, без единой мысли в голове, не зная, куда идти, куда себя деть.

Ночью Зеленцов был ошеломлен острой, пронзительной болью в сердце, и четверть часа, которые понадобились «неотложке», чтобы приехать за ним, показались Зеленцову мучительной вечностью. В эти минуты он вдруг с поразившей все его сознание ясностью понял, что жизнь прошла, что он не нужный никому старик и должен, видимо, скоро умереть.

Жизненный стержень Юрия Яковлевича был сломлен.

Пошли больницы, врачи, лекарства, процедуры. И вновь врачи — профессора, светила медицины. И тот же участливый, но беспощадный итог:

— Будем трезво смотреть на вещи, Юрий Яковлевич. У вас хроническая сердечная недостаточность, декомпенсация. Третья степень. А это, знаете ли, очень, очень серьезно. Давний порок сердца, миокардит. Не берегли, износили свой двигатель. Предельно износили.

— Все думал: еще немного, еще годик-два покручусь в своих делах, и шабаш. Жить начну. Я же еще и не жил, профессор. Все хлопоты да хлопоты. Лечите, лечите меня, доктор. Я не пожалею никаких денег.

Старый профессор усмехнулся:

— Если бы от этого зависело жить или не жить человеку. Нет, дорогой, тут и горы золота не помогут.

Юрий Яковлевич беспомощно опустился, обмяк в кресле. Мысли были мрачны, как ночь. Значит, жизнь прошла. Как же так? Что он видел в ней. И Зеленцов напросился на это свидание на Фрунзенской набережной, чтобы рассказать обо всем кому-то. Рассказать и спросить: а что же теперь? Скоро, видимо, конец? Куда же пойдут его «кровные»? В руки случайных людей, что окажутся первыми у его смертного ложа? И ради этого он копил всю жизнь?...

Зеленцов закончил свой длинный рассказ и надолго замолчал. Облокотившись на гранитный парапет набережной, он вперил остановившийся взгляд в плавно текущую темень воды, словно искал там какие-то ответы на свои вопросы. Затем, подняв голову, тихо закончил:

— Такова история моей пустой, в сущности, жизни. Прошла она не за понюх табаку. Прожил, как чертополох на пустыре. День и ночь думаю об этом, кляну себя нещадно. Да что толку? Заново начать жить не дано. Вот решил встретиться, посоветоваться. Что мне делать со своим капиталом? Не нужен он мне теперь, не нужен. Но и не хочу, чтобы попал он в такие же никчемные руки. Может, есть какой-нибудь способ, чтобы узнали люди мою горькую и неприглядную историю, извлекли из нее какой-то урок? Может, хоть этим я принесу им какую-то пользу?

Конечно, глубоко жаль, когда человек, подобно Зеленцову, так поздно понимает, что жизнь свою он прожил, как чертополох на пустыре. Но лучше понять это поздно, чем не понять никогда.

ОКНО НА ШЕСТОМ ЭТАЖЕ

В один из сумрачных сентябрьских дней на Зеленом бульваре из окна шестого этажа упала женщина.

Осмотр места происшествия, медицинская экспертиза, подробное ознакомление с обстановкой в семье, на работе погибшей позволили следствию сделать вывод, что к смерти Валентины Кривцовой никто не причастен. Правда, несколько настораживал муж Кривцовой. Но тщательная проверка показала, что, хотя он и выпивал частенько и под судом был, видеть в нем прямого виновника происшедшей трагедии оснований не было.

Вывод определился один: уголовного преступления в случае, что произошел на Зеленом бульваре, нет. Прокуратура проверила все материалы и согласилась с заключением следственных работников. Дело было прекращено.

Но через три года неожиданным образом оно возникло вновь.

...У советника юстиции Белова день выдался напряженный и трудный, но, когда он наконец собрался домой, в кабинет зашел помощник и доложил, что в приемной его ждет гражданин Кривцов.

— Говорит, дело исключительно важное.

Белов тоскливо посмотрел на зеленеющие листья за окном, на улицу, залитую теплым светом заходящего солнца.

— Ну что ж, зовите...

В кабинет вошел мужчина лет сорока, высокий, сутуловатый. Его воспаленные глаза скользнули по лицу Белова и полузакрылись, будто им нестерпимо тяжело было смотреть и на него, и на этот мягкий, предвечерний свет, бивший в окна.

— Кривцов Степан Макарович.

— Проходите, садитесь.

Кривцов положил руки на маленький стол, приставлен-

ный к письменному столу Белова, и, не поднимая глаз, тихо, хрипло проговорил:

— Вот пришел сделать заявление. По поводу гибели моей жены... Следователи пришли к выводу, что это несчастный случай, что она сама... оплошала. А я знаю, что все было не так. Меня надо судить.

Прокурору района приходится встречаться с самыми разными посетителями. Один обеспокоен судьбой сына, пренебрегшего законом, другой не согласен с действиями тех или иных органов власти, третий возмущен вольготной обстановкой для расхитителей и хапуг, что создалась на его предприятии, четвертый идет, чтобы «вывести на чистую воду» своих соседей по квартире, чем-то не угодивших ему... Приходят сюда и преступники. Случается и такое. Приходят, чтобы отдать себя в руки закона, снять с души невыносимую тяжесть неизвестности.

Белов внимательно посмотрел на Кривцова.

— Рассказывайте. Подробно. Обстоятельно. Правду! Поняли?

Говорил Кривцов связно и спокойно, будто безучастный ко всему, что было в его прошлой жизни. Белову почти не приходилось задавать ему вопросов, и Кривцов замолкал лишь затем, чтобы в очередной раз закурить.

...Жили мы с Валей почти пятнадцать лет. Познакомились еще в школе. Хоть я старше ее на пять лет, а заканчивали мы вместе. Я не москвич, из костромских. Отец с фронта не вернулся, мать померла через два года после войны. Остался один, родни — только тетка в Москве. Подался я сюда. Заставила меня тетка в школу пойти. Я ведь из пятого класса ушел, как мать слегла. Забыл все. Переросток уж был. За парту еле влезал. Не шла у меня учеба. Да еще насмешки. Как-то вызвала меня учительница к доске. Задумался я что-то, вскочил, да неаккуратно. Верхняя доска от парты вместе со мной и поднялась. Оторвал, значит. Ну, хохот, конечно. Пошел к доске, а в голове уже полная карусель. Поглядела на меня учительница и говорит:

— Что же вы, Кривцов, и уроки не учите, и парты ломаете? Горе мне с вами.

Без злобы, по-доброму сказала, но я решил — уйду. Шепнул об этом соседу по парте. А в перемену подсела

ко мне Валя. Маленькая, щупленькая такая... А глаза меня так и сверлят.

— Ты что же это, Кривцов, труса празднуешь? Я ведь слышала, о чем шептались. Глупость это. Самая потрясающая глупость. Ты что, хуже всех? Или у тебя мозги набекрень? А то, что под потолок вырос, не беда. Все вырастем. Тетя Даша с тобой, как с сыном, возится, в люди хочет вывести, а ты...

— Работать пойду,— буркнул я.

— И пойдешь, только школу закончи.

Вечером тетя мне тоже серьезное внушение сделала. Валя, оказывается, уже побывала у нее, ввела в курс дела. Остался я тогда в школе и окончил ее. Валя тянула меня, что называется, за уши.

После школы работать на завод «Сантехника» устроился. К металлу у меня сноровка оказалась, дело пошло неплохо. Через два года уже по четвертому разряду работал, а затем и пятый получил. С Валей встречались редко, больше на ходу. Здравствуй да прощай! Она поступила на работу в какой-то НИИ, а по вечерам училась. Меня тоже все подбивала, чтобы в вечерний техникум пошел. Я попробовал, но оказалось, что дело это нелегкое. Наломаешься за день, на лекциях глаза слипаются. Да и дружки подобрались: то в кино надо сходить, то выпить. Деньжонки уже водились немалые. Не удержался я в техникуме. Бросил.

Вскоре после этого иду как-то по улице. Навстречу — Валентина. Не виделись мы долгонько, наверное, с полгода. Стройная, ясная какая-то. Посмотрел я на нее и будто в первый раз увидел. Все всколыхнулось во мне, запыло. Стал мямлить что-то несусветное. Она засмеялась и говорит:

— Ты что, Кривцов, влюбился, что ли?

— А что же,— говорю,— может, и влюбился.

Стал я после этого за Валей как тень ходить. Куда она, туда и я. Два года увивался. Наконец убедил. Согласилась она выйти за меня.

— Ладно,— говорит,— Кривцов, вижу — сохнешь. Так и быть. Но смотри у меня. Держать тебя буду в строгости.

Я, конечно, на все был согласен.

Сыграли мы свадьбу, все честь по чести. Квартиру нам дали. Сначала все ладно шло, как у людей. Только за то, что учебу бросил, ужасно она меня пилила. Сама-то уж

институт заканчивала, планово-экономический. А я не мог. Ну, не мог, и все. Вечером переговорим — вроде убедит меня. А день наступит — и опять по-старому. Я ей: мало зарабатываю, что ли? Не бедствуем. Сама сколько вон учишься, а меньше меня получаешь. А она свое. Чудак, мол, каяться ведь будешь. Обязательно будешь. И потому не отстану я от тебя. Так и знай.

И вообще старалась расшевелить меня, приподнять как бы. То на концерт тянет, то в театр. Не очень-то меня это интересовало, но ходил, чтобы ругани не было. С учебой же дело так и застряло. И ругала она меня, и стыдила. А на меня, ну, будто столбняк какой нашел. От упреков же молчанкой отделывался. А уж когда совсем ей невмоготу, в слезы ударится, тогда утешу ее, пообещаю. Только выполнять эти обещания все не удавалось.

Как-то гости к ней пришли. Девчата, ребята из института. Ну, выпили они немного, дурачатся. Петь начали. Потом завели какой-то спор. О музыке. Чайковский там, Глинка, Шостакович. Скучно мне стало. Вышел я на кухню, налил полный стакан водки, хватил, возвращаюсь и говорю:

— Щелкоперы вы. Сколько зашибать будете после своих наук — сотню, полторы от силы. А я их и сейчас без всякого истязания мозгов получаю.

Переглянулись они, замолчали. А один, лохматый такой, вихрастый парень, и говорит:

— Не единым хлебом жив человек...

Я спьяну-то шум поднял и на дверь им показал. Собрались они и скоренько ушли. А Валентина в слезы.

Несколько дней мы в ссоре были. Но сердце у нее было отходчивое, обиды она забывала быстро.

Вскоре, однако, подвернулось событие, которое опять нарушило наш мир, и надолго.

Как-то задержался я в цехе. Потом зашли с дружком выпить малость. Идем домой. Около нашего подъезда стоит какая-то пара. Приятель и говорит:

— Ты смотри-ка, Степан, это ведь твоя Валька.

Гляжу — действительно она. Постояли они, попрощались и разошлись: она — домой, ее провожатый — к автобусной остановке. Проходя мимо нас, парень помахал мне рукой. Я узнал его — это был тот лохматый. Поганая это штука — ревность. Все во мне перевернулось, белый свет померк. Пришел я домой сам не свой. А Валентина хоть бы что, ужинать меня приглашает. Спрашиваю:

— Может, объяснишь, что это эа ухажеры у тебя?

Валентина удивленно подняла брови:

— Какие еще ухажеры? С Валеркой мы шли, институтские дела обсуждали.

Но злой черт уже поселился во мне. Память подсовывала разные там случаи, наблюдения, догадки. Где-то в глубине копились они и хранились, ждали своего часа, а теперь выплывали передо мной: эвонки по телефону, ее веселые разговоры с «мальчишками и девчонками» из института; летние поездки в институтский лагерь в Крым... Приятели не раз подшучивали надо мной по поводу этих поездок, но до сих пор это не вызывало у меня плохих мыслей. После одной из таких поездок привезла она фотографию. Группа молодежи на пляже. И она там в центре. Опять рядом с тем кудлатым. Тогда я только посмеялся, а теперь кинулся искать эту фотографию. Нашел и порвал в клочья. Скандал затеял. Валя старалась утихомирить меня, успокоить, плакала, но от этого только больше разгоралась моя элость. И я ее ударил.

Валя ничего не сказала, только посмотрела на меня. И так посмотрела, что я до сих пор тот взгляд помню. Были в нем и боль, и обида, и удивление, и какая-то жалость.Потом она собрала кое-какие свои вещички и ушла. Куда? Я не знал. Представлялось, что она с этим лохматым парнем или еще с кем-то... Тоска меня взяла ужасная. Водкой спасался...

Так продолжалось четыре или пять дней. Вернулась она похудевшая, с выплаканными усталыми глаэами.

— Давай, Степа, мириться, не могу я так.

И хотя я сам был без памяти рад такому обороту дела, виду не подал. Говорю ей:

— При условии, если будешь себя вести как полагается.

Вздохнула она и говорит:

— Чудак ты. Люблю я тебя, дурака, несмотря ни на что, люблю. Потому и вернулась.

Опять все вроде вошло в нормальную колею. Но язва, что завелась во мне, осталась и исподволь точила и точила. Конечно, если бы здраво посмотреть на все это, с умом и спокойно разобраться, все бы, наверное, ушло, рассеялось. Только не получилось у меня так. Не верил я Вале, злобился все больше и больше.

Водку раньше не очень-то любил. Иногда выпьешь в гостях или с приятелями, и все. А теперь стал прибегать

к этому зелью частенько. И не то, чтобы оно доставляло мне удовольствие. Нет. Но на какое-то время забывалось все, притуплялась боль, недовольство... Валя увещевала меня, просила, грозила, но я уже, что называется, закусил удила. Виноватил во всем только ее. «Сама проштрафилась,— думал я,— хочет и меня очернить, дескать, и ты, мол, не без греха».

Все знают, что там, где водка, там и многое другое. Друзья подбираются такие же, думаешь только о том, где выпить да с кем выпить. И если не хватает законного достатка, ищешь другие пути-дорожки. Всем известно и еще одно: дурную привычку заполучить легко, а изжить очень и очень трудно. Так получилось и со мной.

К выпивке я пристрастился основательно. Денег стало не хватать. Дружки это заметили и недели две или три ходили вокруг да около, посмеивались над моим безденежьем, а потом открыли свои карты... Сначала я воспротивился. Забоялся: чем это кончится? Но в угощениях в счет будущих получек они отказывали, а тоска по рюмке все точила, как тля какая-нибудь. И я не выдержал. Согласился на участие в предложенной приятелями «операции».

Вывезли мы с завода два ящика дефицитной сантехники — краны там, смесители и прочее. Продали. Все прошло удачно, не попались. Потом, когда вырученный куш иссяк, «операцию» повторили. И опять прошло. На третий раз попались.

В эту ночь я не пришел домой. Валя, конечно, всполошилась, побежала утром на завод. Там ей все объяснили. Когда она пришла ко мне в тюрьму, я ее не узнал. Постарела на несколько лет. Сердце у меня зашлось от боли. Ругал я тогда себя самыми последними словами. Дал ей слово, что возьмусь за ум, не дам никому утянуть себя на дно.

Статья гласила, что срок может быть что-то около трех лет. Но произошло иначе. Заводские взяли нас под свое крыло. Узнал я потом, что Валя и у директора была, и в парткоме, и в профкоме. На цеховое рабочее собрание поехала. В общем, осудили меня условно.

Беда эта образумила меня, да ненадолго. Как-то выхожу я с завода, вижу, ждет меня Игнат Шумахин — закоперщик наших «операций» с сантехникой. Ему-то дали срок не условный, а настоящий. Но, оказывается, он уже вышел.

— Потолкуем? — предложил Шумахин.

— А что такое? Что случилось?

— Да ничего особенного. Просто поговорить надо. Разве старым приятелям нечего обсудить? И потом мог бы ты, Кривцов, и слово благодарности сказать Шумахину. Ведь я за всех вас отдувался, на суде-то все на себя взял.

Действительно, Шумахин не скрывал тогда, что он «инициатор операции». Но это было известно суду и без его признания. Шумахин, однако, не раз напоминал нам о своей услуге в письмах из тюрьмы, напомнил мне о ней и сейчас.

Одним словом, отказаться от встречи я не смог, и мы пошли в какое-то кафе. Выпили. Вернувшись домой, пытался оправдаться, потом вспылил, сам обрушился на Валю с упреками. Она отвечала тем же.

Назавтра, после работы, я уже сам пошел в какую-то забегаловку.

Объяснение дома было еще более шумным. Настоящая буря. Валя грозилась, что пойдет на завод, в дирекцию, в милицию.

— Так я жить не могу, не могу. Пойми ты. Ты и себя и меня губишь!

Это повторялось все чаще. Мы оба озлобились, неделями не могли друг другу слова сказать по-человечески. Надо было что-то делать. Конечно, разумнее всего было бы бросить пить, кончить якшаться с сомнительными приятелями. Эти мысли, однако, быстро уступали другим: «Ну, а что это будет за жизнь, если не сможешь с друзьями встретиться, чарку выпить? Нет, не пойдет, под каблук жене попадать я не намерен». Вот так оправдывался я в собственных глазах.

Как-то во время очередной баталии я со злостью сказал ей:

— Так было, так будет. На поводке водить я себя не дам. А не нравится — можешь уходить. Или хочешь, я уйду?! Не жить нам вместе.

Она так и вскинулась:

— Дурак, набитый дурак. Я же люблю тебя, люблю; как же я брошу тебя? Ведь ты гибнешь.

— Хороша любовь. Камень это на шее, а не любовь! — бросил я ей.

— Камень? Камень на шее? Тогда вот что, Степан. Не бросишь свою дурь, не возьмешься за ум, освобожу я тебя от этого камня...

Не очень-то обратил я внимание на эти ее слова. Потом только понял их... Да!.. Пришла беда — отворяй ворота.

Сижу я как-то один дома, и даже трезвый. Открывается дверь, и появляется Шумахин с целой авоськой бутылок и закусок. Весь какой-то взъерошенный, нервный. Надо сказать, что в последнее время мы встречались редко, потому что в его темных делах я больше не участвовал. Боялся, что Валя может вконец из себя выйти. Он предлагал, и не раз, но я проявил какую-то отчаянную решимость. Тогда он ответил в том смысле, что, мол, ладно, знаю твою ведьму, по рукам и ногам тебя связала, не дает, дескать, жить, как хочется. И отстал. Выпивать с ним выпивали, но к своим комбинациям привлекать меня перестал. Так и шло.

И вдруг заявился ко мне, да, видимо, неспроста. Спросил его, зачем пожаловал.

— Дело,— говорит,— неотложное, и только ты можешь помочь.

Когда выпили, подзахмелели, достал он из своей сумки коробку, завернутую в тряпку, и говорит:

— Подержи некоторое время у себя, спрячь понадежнее.

— А что это такое?

Он махнул рукой:

— Да небольшие мои сбережения.

— А что же у себя не спрячешь?

— Нельзя. Визитеров жду.

Я, конечно, понимал, какие сбережения у Шумахина. Не иначе какую-нибудь новую «операцию» обтяпал. Сказал ему:

— Не могу, Игнат. Сам знаешь, ситуация у меня дома какая. Вот выпили мы с тобой — велик ли грех? А придет сейчас моя половина — истерики не миновать.

Он этак с прищуром поглядел на меня да и говорит:

— Да мужик ты или кто? Спрячь куда-нибудь, и все. Через несколько дней заберу. Или уж ты совсем ручным стал?

И пошел и пошел. Махнул я рукой:

— Черт с тобой,— говорю,— давай.

А на лестнице — шаги, Валентина возвращается. Взял я сверток, сунул в сервант.

Как я и думал, приход Шумахина у Вали восторга не вызвал. Шумахина она прогнала, а на меня даже

смотреть не стала. Я сижу, молчу, в дремоту потянуло. Очнулся от крика:

— Что, что это такое? Чьи это деньги?

В руках у Валентины толстая пачка денег и раскрытая коробка, которую Игнат оставил. Видимо, стала она посуду прибирать и наткнулась на сверток. Стал я ей объяснять, что к чему. Слушать не хочет. Дрожит вся.

— Опять с этими подонками связался... Стыд-то, позор-то какой! Теперь уж засудят. Кто же за тебя что-нибудь доброе скажет? Жулик, вор, пьянчуга...

Потом поникла, замолчала. Не плакала. Слез уже, видно, не было... Говорит будто сама с собой:

— Ну что же мне делать?

А я спьяну-то возьми и брякни:

— Вон,— говорю,— окно открыто, бросайся.

Опять она замолчала. Потом глухо так, тихо говорит мне:

— Уйди, прошу тебя...

И, видя, что уходить я не собираюсь, начала вроде хлопотать по хозяйству, прибираться. Делала это будет через силу. На меня и не смотрит. Решил я выйти на часок, проветриться. И она, думаю, за это время успокоится.

Через час или около того возвращаюсь. В это время от нашего дома «Скорая помощь» рванулась. У подъезда толпа. Крик, шум.

— Молодая ведь совсем.

— Видно, стекла протирала, да и оплошала.

Меня будто чем-то тяжелым по голове ударили. Понял я, что произошло что-то страшное, непоправимое... Кинулся в квартиру. Пуста, нет Вали. Только открытое окно... Бросился звонить в «Скорую». Оттуда сообщили, что скончалась... По пути в больницу.

Похороны, следствие, обследование, допросы — все это я помню очень плохо. Слег я тогда, целый месяц валялся в полубреду. Врачи опасались за мою жизнь. И я жалею, что она не кончилась тогда, на больничной койке. Теперь-то я уяснил, что жизни без Вали для меня нет и быть не может. Не живу я, а существую, будто механически, по привычке. Думаю только о ней одной. Работа валится из рук. С участком в цехе управляться уже не смог, устроили меня учетчиком и здесь держат только по доброте.

Любила она меня. Да что тут говорить, я и тогда,

раньше, был уверен, что не уйдет она, не бросит меня. Не такое у нее сердце. И потому дал себе волю. Куражился, понимал, что из-за своей любви ко мне она бессильна против моего хамства. Нет, не оплошала она, не упала из окна, а наложила на себя руки. И толкнул ее на этот шаг я, только я. И должен за это тягчайшее преступление нести полную ответственность в соответствии с нашими законами.

Кривцов замолчал. Долго молчал и Белов. Потом спросил:

— А почему вы не рассказали всего этого, когда велось следствие?

— Я ведь говорил вам, в каком был состоянии. А потом... Я просто забыл об одной очень существенной детали.

— О какой же?

— А об открытом окне. Ведь это я... подсказал ей. Не знаю почему, но вспомнилось мне об этом лишь недавно. А ведь случилось все именно так. Когда же я вспомнил этот факт, жить стало совсем невмоготу. И вот пришел к вам...

— Ну что же, что пришли, это хорошо. Конечно, у вас есть все основания казнить себя. Но это у вас, а не у нас. И, чтобы сказать вам что-либо определенное, я должен ознакомиться со следственным делом.

— Да, да, я понимаю. Только прошу иметь в виду, гражданин прокурор, что я не хочу никакого снисхождения. Я должен принять на себя то, что заслужил.

— Поступим, как велит закон. До свидания.

На следующий день Белов затребовал дело о случае на Зеленом бульваре и внимательно прочитал его.

Акт осмотра места происшествия, заключение медиков, производивших анатомическое исследование, показания свидетелей, очевидцев, соседей по дому, мужа погибшей — все свидетельствовало об одном: гибель Кривцовой — результат несчастного случая. Но перед Беловым лежало подробное объяснение Кривцова. Оно совсем иначе освещало всю эту историю. Но почему, собственно, иначе? Что оно вносит нового?

Белов еще и еще раз внимательно читает самые важные документы дела. Из них явствует, что на подоконнике были остатки стирального порошка «Лотос», которым хозяйки протирают окна. Синтетическая губка, судорожно зажатая в руке погибшей, тоже с остатками этого же

порошка. Его следы и на правой раме окна. И еще немаловажная деталь — поперечные бороздки на подоконнике, оставленные, как было установлено, ногтями Кривцовой. Она в последний момент пыталась ухватиться за что-то. Значит, не бросилась из окна, а сорвалась. Другое дело, что ее душевное состояние было далеко не таким, чтобы делать работу, требующую предельной собранности. Вот к этому факту Кривцов, безусловно, причастен, но он, этот факт, все же не дает права обвинять его в убийстве.

Белов, прочитав дело, пришел к прежнему выводу: уголовного преступления в этом случае не было. И все же он послал дело на новое расследование.

Старший следователь прокуратуры, криминалисты, судебно-медицинские эксперты из Института судебной медицины проверили, сопоставили, изучили события на Зеленом бульваре во всех деталях, исследовали все доказательства, предположения. И вывод сделали тот же: состава преступления в случае с гибелью гражданки Кривцовой нет.

И вот Кривцов снова в кабинете Белова.

Он пришел с вещичками, поставил их на пол около кресла.

Белов не спеша уточнил некоторые детали, поинтересовался самочувствием Кривцова, делами на заводе.

— Да, все могло быть у вас иначе. Все! — Он сделал отметку на пропуске: — Можете быть свободны.

Кривцов недоумевающе посмотрел на него:

— Но как же? Я готов...

— Искупить свою вину в краях не столь отдаленных? Или даже смертию смерть поправ?

Кривцов глухо выдавил:

— Готов и к этому.

— Можете быть свободны.

Кривцов хотел сказать еще что-то, но, как видно, раздумал и медленно пошел к двери....

После того как Кривцов ушел, Белов долго думал о том, как невероятно сложна жизнь, какие трагические, запутанные ситуации возникают порой во взаимоотношениях людей. И как трудно, а иногда и невозможно уложить их в рамки каких-то правил, норм и законов.И как безрассудно порой люди бросаются тем, что у них есть самого дорогого...

Из задумчивости Белова вывел телефонный звонок.

В трубке послышался голос старшего следователя, проводившего повторное расследование дела:

— Ну, как беседа с Кривцовым? Ничего нового он не сообщил? Согласны вы с нашим заключением?

— А что он может еще сообщить нам? Ищет наказания. Судить мы его не можем. Как не можем и освободить от сознания вины за гибель Кривцовой. От этой кары ему не освободиться. До конца своих дней.

СОДЕРЖАНИЕ

Сизов Н. Т.
С34 Зачем мне этот миллион? — М.: Сов. Россия, 1988.— 272 с.

В книгу включены произведения, посвященные актуальным нравственным проблемам наших дней. В повести «Конфликт в Приозерске», рассказах «Мелкая душа», «Неукротимый Горбухин», «Зачем мне этот миллион?» писатель подчеркивает необходимость глубокого осознания каждым своего долга, повышения гражданской ответственности людей перед обществом.

С $\frac{4702010200-112}{М-105(03)88}$ 161—88 1МИ7

ISBN 5—268—00522—7

Николай Трофимович Сизов

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТОТ МИЛЛИОН?

Редактор **И. В. Черняева**
Художественный редактор **А. С. Кулемин**
Технические редакторы **О. Н. Ярославцева** и **Т. С. Маринина**
Корректор **Т. А. Лебедева**

ИБ № 7144

Сдако а набор 10.07.87. Подписаао а печвть 22.12.87. А14421. Формат $84 \times 108/_{32}$. Бумага № 2 типогр. Гарнитура обыкновенная ноаая. Печать ӑысокаи. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,28. Уч.-изд. л. 14,69. Тараж 100 000 экз. Зак. № 239. Цека 1 р. 30 к. Изд. инд. ХД-165.

Ордена «Знак Почета» издательстао «Соаетская Россия» Государственного комитота РСФСР по делам издательста, полиграфии и книжной торговли. Москва, 103012, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитетв РСФСР по делам издательста, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Теаосина, 25.

Н.СИЗОВ • ЗАЧЕМ МНЕ ЭТОТ МИЛЛИОН?